РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР

2017 – 5 (299)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

Москва
2017

Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – д-р ист. наук, профессор, шеф-редактор.

Е.Л. Дмитриева – главный редактор, *В.К. Белозёров* – д-р полит. наук, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *А.В. Гордон* – д-р ист. наук, *Ш.Р. Кашаф, Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малашенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Н. Сченснович* – отв. секретарь.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке: *Е.С. Хазанов* – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. – М., 2017. – № 5 (299). – 140 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

Издано при поддержке Российского фонда содействия образованию и науке

ISSN 1998-1813

© ИНИОН РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

В. Якунин. Россия и Запад: От диалога к противостоянию 5
И. Добаев. Этапы радикализации исламистских неправительственных религиозно-политических организаций и пути повышения эффективности противодействия идеологии такфиритов-джихадистов в Российской Федерации 17

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ю. Александров. Казахстан: Первый опыт модернизации 33
Д. Малышев. Центральная Азия: Угроза радикального исламизма. Ситуация в Таджикистане 39
Д. Попов. Центральная Азия во внешней политике США. Центральноазиатское лобби в Вашингтоне 54
О. Кобзева. История исламской культуры и ее изучение в современном Узбекистане 61

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

И. Сафранчук. Децентрализация Афганистана и «Новый северный альянс» 71
Л. Исаев. Бесконечная война, или Снова о Йемене 80
О. Бибикова. Миграционный кризис 2015 г. в Европе и его последствия 92

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

А. Ниязи. Идеалы учения «ал-васатыйа» для устойчивого развития 111
О. Сумарокова. Теория о непереводимости Корана как инструмент манипуляции общественным сознанием: На историческом материале Российской империи 131

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

В. Якунин,
доктор политических наук,
заведующий кафедрой государственной политики
факультета политологии
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

РОССИЯ И ЗАПАД: ОТ ДИАЛОГА К ПРОТИВОСТОЯНИЮ

Аннотация. *По мнению автора, оценка причин победы США в «холодной войне» во многом была ошибочной. И сегодня очевидный кризис системы международных отношений вскрывает структурные противоречия американской внешнеполитической стратегии. В статье также рассмотрены новые тенденции во внешней политике США, обозначившиеся после победы Д. Трампа на президентских выборах.*

Ключевые слова: США, политика, ценности, стратегия, элита, СССР, «холодная война», Д. Трамп.

Победа Д. Трампа на президентских выборах в Соединенных Штатах является свидетельством тяжелого кризиса Запада и США как лидера западного мира и во многом следствием той политики, которая осуществлялась ими на протяжении последних двух десятилетий. Накопившиеся в США социальные противоречия, долгое время носившие латентный характер и тщательно игнорировавшиеся американским истеблишментом, вызвали ту волну протестного голосования, которая вынесла господина Трампа на вершину американской администрации. Можно сказать, что вслед за Брекситом западная политическая система получила еще один существенный удар, причем в самом сердце своей современной политической системы – в США. Сегодня с полной уверенностью можно утверждать, что мир вступил в полосу серьезных изменений. И эта

статья будет посвящена рассмотрению тех процессов, которые во многом стали причинами данных изменений.

В начале 1990-х годов на волне эйфории после победы в «холодной войне» западные политологи предсказывали близкое наступление эпохи вечного мира. Они исходили из, как им казалось, очевидного посыла: победившие ценности западной цивилизации универсальны, а потому исключают конфликт по определению. Однако конфликт – это неотъемлемая часть любого процесса развития. От диалектики никуда не уйти: система – будь то живой организм, сложный прибор или современный социум – состоит из целого ряда элементов, которые, взятые в чистом виде, несовместимы друг с другом. Они скомбинированы в особом порядке, который поддерживает систему и за счет синергетического эффекта делает ее жизнеспособной. При этом трансформация – ключевое свойство любой системы. Ее составляющие постоянно конфликтуют друг с другом.

Противоречия находят свое разрешение на новом уровне синтеза, за счет чего система постоянно эволюционирует.

Эта модель описывает все социально-политическое развитие человечества в течение тысячелетий. Попытки унифицировать его основные тенденции, привести все к общему знаменателю предпринимались всегда. Однако они неизменно терпели неудачу. Сложность и своеобразие не укладывались в прокрустово ложе догм. Западная цивилизация с ее отмеченным еще О. Шпенглером унифицирующим фаустовским духом, стремлением к бесконечной экспансии чаще других сталкивалась с последствиями превратно воспринятого представления о том, как устроен мир [Шпенглер 1998: 241]. Крестовые походы, религиозные войны, инквизиция приводили лишь к потокам крови, социальному разделению и культурному упадку.

Взрыв энтузиазма по поводу наступления «вечного мира» в начале 1990-х годов – далеко не первый подобный пример. Запад уже неоднократно объявлял о конце истории. В XVII в. о том же говорили первые либералы во главе с Дж. Локком. Накануне Первой мировой войны о глобальном торжестве западного либерального капитализма писали практически все мыслители вне зависимости от политической ориентации. Даже К. Маркс, предрекавший его неизбежный закат, утверждал, что распространение западного типа хозяйствования и образа жизни во всемирном масштабе неизбежно [Маркс, Энгельс 1955].

В этом смысле Ф. Фукуяма и другие теоретики «конца истории» не оригинальны. Согласно Фукуяме, в современном мире место борьбы идеологий заняла борьба за более эффективную стратегию удовлетворения человеческих потребностей в рамках всемирного общества потребления, т.е. основной спор разворачивается отныне вокруг того, как более эффективно добиться одних и тех же, преимущественно экономических, целей. До окончательной победы либерализма в реальном мире еще далеко, но тем не менее ему нет альтернатив, даже несмотря на всплеск религиозного исламского фундаментализма и национализма. Появление новых могущественных идеологий маловероятно, да и вряд ли они будут в состоянии предложить что-то большее, чем либерализм, в котором уже «решены все прежние противоречия и удовлетворены человеческие потребности» [Фукуяма 2004].

Правда, признается, что «конец истории» не означает отсутствие конфликтов вообще: отдельные проявления идеологического соперничества локализованы «на задворках цивилизации», в границах мировой периферии, которая будет ареной конфликтов еще очень долгое время. Конфликты также возможны и между частями мира или силами, представляющими «историю» и «постисторию». Тем не менее «столбовая дорога» будущего намечалась довольно уверенными штрихами.

В разных формах эти и подобные им оптимистические или умеренно оптимистические идеи, высказанные тонко чувствующими конъюнктуру публицистами, использовались для обоснования того, что в условиях глобализации успех государств определяется не теми средствами, от которых государства зависели в прошлом. Иными словами, уже не военная мощь значима и является залогом выживания и процветания в «уменьшившемся» мире, в котором государства все более взаимозависимы, а другие факторы, включая экономику, инновационность, пресловутую «мягкую силу» и т.п.

Оптимизм конца «холодной войны» казался оправданным почти десятилетие. Возникало впечатление, что мир стал существенно более безопасным, две сверхдержавы более не балансировали на грани ядерного уничтожения друг друга, в том числе и потому, что одна из них прекратила свое существование, а элиты возникших на ее территории новых независимых государств решали более насущные задачи. Началась «перестройка» мировой политики, которая разными государствами планировалась поразному, но все явно надеялись, что глобализация – явление зако-

номерное и позитивное, а с издержками можно справиться коллективными усилиями.

Спустя почти четверть века оказывается, что безопасность вовсе не гарантируется даже вполне благополучным государствам, границы не являются чем-то раз и навсегда установленным, международные нормы толкуются так, что иногда сложно понять, толкуются ли одни и те же нормы или разные [Бест 2010]. И политики, и представители академического сообщества уже не первый год говорят о том, что мир вступил в период неопределенности и турбулентности.

Почему же тогда снова заговорили о «возвращении геополитики» и даже о начале «новой холодной войны»? Нередко происходящее объясняют ростом новых центров силы, требующих признания за собой иных статусов, нежели им предписывалось после крушения биполярной системы международных отношений, а также теми сложностями, с которыми сталкивается Запад в попытках сохранения правил, которые были установлены в период «холодной войны» или вскоре после ее окончания.

В частности, такое объяснение в 2014 г. предложил американский политолог У.Р. Мид в статье «Возвращение геополитики: Ответный удар ревизионистских держав» для влиятельного журнала *Foreign Affairs*: «Китай, Иран и Россия так и не смирились с геополитическим порядком, сложившимся после холодной войны, и предпринимают все более активные попытки его разрушить. Процесс не будет мирным, и, независимо от того, преуспеют ли в этом ревизионисты, их действия уже подорвали баланс сил и изменили динамику международной политики» [Mead 2014].

Итак, во всем виноваты или «державы-ревизионисты», стремящиеся «отменить» результаты «проигрыша» в «холодной войне», или их правительства, у которых нет потенциала для превращения своих стран в «державы-ревизионисты», но есть потребность в сохранении созданных ими или их предшественниками политических и экономических порядков. Поскольку эти порядки дефектные, а режимы слабые, то нелиберальные державы становятся источниками проблем, и Запад будет их дисциплинировать, используя широкий набор несиловых и силовых средств, включая санкционное давление и т.п.

Размышляя о причинах внутренней непрочности существующей системы международных отношений, необходимо отметить, что «холодная война», окончание которой Запад отпраздновал в 1991 г., была на самом деле достаточно устойчивой формой

институционализации неизбежной глобальной конфликтности. Советско-американское противостояние было становой осью мирового порядка. К нему сводилось подавляющее большинство проблем, возникавших в мире. Многим это не нравилось, но объективно такая ситуация благоприятствовала их разрешению: в рамках диалога равновеликих оппонентов компромиссы находились легче. СССР и Запад существовали в рамках разных ценностных моделей, однако их объединяло общее понимание реального потенциала противостоящей стороны и единой ответственности за глобальную безопасность. К 1980-м годам «холодная война» превратилась не столько в войну, сколько в институционализированную форму глобального устройства. Два блока конкурировали друг с другом и тем самым поддерживали статус-кво. Ялтинский порядок прочно опирался на две ноги.

Практически мгновенный распад СССР стал шоком для западного истеблишмента. Подавляющее большинство американских экспертов не ожидали в среднесрочной перспективе каких-либо кризисных явлений, способных положить конец существованию Советского Союза. В 1983 г. профессор Принстонского университета С. Коэн заявил о том, что советская система чрезвычайно стабильна.

Подобное мнение было распространено и на уровне спецслужб. Чины ЦРУ постфактум признавали, что серьезно недооценили «растущие системные проблемы» внутри СССР [Jones, Silberzahn 2013]. Немногочисленные аналитики, предсказывавшие крах советского лагеря, как правило, воспринимались как алармисты. Вышедшая в 1965 г. работа французского исследователя М. Гардера «Агония режима в Советской России» была воспринята ученым сообществом весьма скептически [Garder 1965]. Самые непримиримые оппоненты советского строя склонялись к мысли о том, что его существование гарантировано, по крайней мере, на несколько поколений. В 1976 г. З. Бжезинский написал: «Социальные изменения [в СССР] чрезвычайно медленно отражаются на политической системе. Они начнут значительно влиять на нее, по меньшей мере, через несколько поколений» [Brzezinski 1976: 351]. Если брать за расчетную единицу активную жизнь одного поколения в 25 лет, то нетрудно посчитать, что Бжезинский отводил СССР еще, как минимум, 50 лет существования.

То, что произошло в 1985–1991 гг., сначала расценивалось американцами осторожно, затем – с оптимизмом и, наконец, с ликованием. Противник США в «холодной войне» рухнул настолько

быстро и внезапно, что это казалось труднообъяснимым. Западный истеблишмент, еще недавно холодно-рационально оценивавший баланс сил в противостоянии с советским блоком, решил, что все объясняется некими предзаданными обстоятельствами, которые изначально работали на США и их союзников. Таким образом, возникла ценностная объяснительная модель, господствующая в умах американцев и европейцев по сей день.

Ее каркас был виден уже в «победной» речи президента США Дж. Буша 25 декабря 1991 г.: «Теперь противоборство позади ‹…› Это победа демократии и свободы. Это моральная победа наших ценностей. Каждый американец может гордиться этой победой»[1]. Речь шла об опасном ментальном искажении реальности. Казалось, что СССР исчез как по мановению волшебной палочки «правильных» ценностей, но это было далеко не так. Упрощенное объяснение крупнейшей политической метаморфозы задало западным политикам и интеллектуалам неверную точку отсчета. Все дальнейшие сбои были тесно с этим связаны.

Система, существовавшая в годы «холодной войны», не исчезла с распадом СССР. Никаких усилий по ее перестройке на более прочных основаниях приложено не было. Идея «конца истории» способствовала распространению на Западе определенной уверенности в том, что западный набор ценностей универсален, а потому верен. В годы перестройки в среде советской интеллигенции было принято иронизировать над съездами КПСС, проходившими под лозунгом: «Учение Ленина вечно потому, что оно верно». Между тем идеология, восторжествовавшая на Западе, исходила из такого же посыла. В реальности же была предпринята попытка сохранить старую систему международных отношений, ориентированную на силовое доминирование сверхдержавы. Однако вместо двух сверхдержав предлагалось сохранить одну, ту, которая основывалась на фундаменте «правильных» ценностей. В итоге старая система осталась, но в предельно разбалансированном виде. Вместо двух опор она теперь опиралась на одну.

Последствия не замедлили сказаться, несмотря на то что инерция американской победы в «холодной войне» оказалась достаточно сильной. Причем первые трудности проявились не вовне, а внутри лагеря победителей. Бенефициарами «холодной войны»

[1] End of the Soviet Union: Text of Bush`s address to Nation on Gorbachev`s resignation. – The New York Times, 1991. – December 26.

были мощные промышленные группы, работавшие на оборонную индустрию, в первую очередь в США.

За океаном их интересы во многом выражали военные. Генерал К. Пауэлл, председатель Объединенного комитета начальников штабов в 1989–1993 гг., опасался того, что восприятие избирателями и политиками снижения уровня внешних угроз, постоянные требования сокращения военных расходов из-за растущего дефицита федерального бюджета, неблагоприятная экономическая конъюнктура могут объективно привести к значительным сокращениям расходов на оборону и иным последствиям, которым военные с определенного момента будут не в состоянии воспрепятствовать. Пауэлл искал возможности отказаться от принципа стратегического планирования, исходящего из существующих и потенциальных угроз национальной безопасности США, противопоставив ему подход, согласно которому США должны сохранить статус сверхдержавы, быть в состоянии защитить долгосрочные национальные интересы США и их союзников при любом развитии событий в мире или регионах, представляющих для США особый интерес [Homolar 2011: 194]. В предложенной им стратегической схеме появилась концепция «минимального уровня» военной мощи, ниже которого США утрачивают статус сверхдержавы и теряют возможности обеспечения глобальных обязательств [Robinson et al. 2014: 96].

Это новое видение роли США в мире было тесно связано с интересами американского военно-промышленного комплекса. «Холодную войну» обслуживала целая инфраструктура, которая рисковала остаться невостребованной после ее окончания. В результате начали возникать разного рода теоретические паллиативы, призванные изобрести новую сферу ее применения. В 1990-е годы был инициирован процесс разработки доктринальных документов, в которых подчеркивалась необходимость сохранения военного превосходства, провозглашался принцип активного участия в формировании стратегической обстановки на общемировом уровне, а также говорилось о недопущении возникновения в будущем государства-соперника [Homolar 2011: 201–202].

Кроме того, отмечалась необходимость обеспечить способность Вооруженных сил США одновременно участвовать в двух больших региональных конфликтах. Собственно, уже в первом после окончания «холодной войны» публичном документе Regional Defense Strategy было открыто зафиксировано положение

о необходимости быть готовыми принять участие в более чем одном конфликте, «Буре в пустыне»[1].

Это предполагало не только сохранение тех мощностей военно-промышленного комплекса, которые обслуживали интересы субъектов «холодной войны», но и их наращивание. Запад оказался неспособным переориентировать свою политику в сторону мирного развития глобальных процессов. Система международных отношений зависла в воздухе, и для ее поддержания в неизменном, оформившемся по результатам 1991 г., виде требовалось постоянное стимулирование. Одним из возможных вариантов было бы признание полноценной международной субъектности за новой постсоветской Россией. Это позволило бы «заземлить» систему, вышедшую из состояния внутреннего баланса. Того же требовала логика внешнеполитического процесса. У всех в памяти оставался провальный пример Версальской системы после 1918 г.

Попытка тогдашних держав-победительниц управлять миром вопреки и в ущерб тем, кого посчитали аутсайдерами, – Германии и России – привела к катастрофическим последствиям. В 1990-х годах посчитали целесообразным изобрести новый идеологический паллиатив, который позволял на словах уйти от необходимости решения проблемы.

Нельзя сказать, что подобный исход был предопределен изначально. Администрация Б. Клинтона в 1990-х годах пыталась поменять траекторию движения страны. Одним из центральных пунктов своей программы Клинтон сделал сокращение оборонных расходов посредством сокращения численности Вооруженных сил и изменения их структуры. Надо заметить, что это предвыборное обещание пользовалось самой широкой поддержкой избирателей. Однако к этому времени де-факто уже сложился консенсус относительно целевых установок стратегического планирования с его «двухконфликтным стандартом», в результате чего администрация Б. Клинтона в конечном итоге столкнулась с серьезными препятствиями в реализации предвыборных обещаний. А во второе президентство Клинтона оборонные расходы вернулись к средним показателям времен «холодной войны».

Россия в этом новом контексте, разумеется, оставалась на втором плане. В отношении нее на Западе возникла новая модель поведения: относиться, как к побежденному, не употребляя слова

[1] Defense Strategy for the 1990s: The Regional Defense Strategy. January 1993.

«поражение». Это выглядело как протянутая рука дружбы, однако о дружбе речь не шла. В сфере международных отношений произошла важная метаморфоза, суть которой хорошо изложил Г. Киссинджер. Он утверждал, что жизнеспособность любого международного порядка зависит от того, насколько он уравновешивает законность и власть. Причем и то и другое подвержено эволюции и изменению. Впрочем, «когда такое равновесие нарушается, – утверждал бывший госсекретарь США, – то ограничители исчезают, и открывается простор для появления самых непомерных притязаний и деятельности самых неукротимых игроков; воцаряется хаос, который длится до тех пор, пока не установится новый порядок» [Киссинджер 2015: 50].

Иными словами, система вышла из равновесия, и вернуть ее в стабильное состояние не получалось. Проблемы начались с наступлением нулевых годов. К внешнеполитическим провалам в Афганистане, Ираке и Ливии добавились внутриполитические, и все это вместе происходило на фоне падающей в кризис мировой экономики. Американскому руководству насущно требовалось найти новый формат для глобального доминирования, изобрести некий эрзац международной системы, который бы позволял им сохранить свои позиции. Решение было найдено в виде механизма институционализации политики «столкновения цивилизаций». Этот рецепт стар как мир – разделяй и властвуй. Между странами и народами существуют острые противоречия, которые искусственно раздуваются, при этом «мировой арбитр» оказывается в роли «третьего радующегося». Возникает ситуация управляемого хаоса, которая создает иллюзию того, что мир свалится в пропасть без контролирующей роли единого центра. Одним выстрелом убивают нескольких зайцев: создают основу для сохранения американской мировой гегемонии, формируют соответствующий информационный фон и решают проблемы финансово-промышленных групп.

Яркий пример такой политики – современный Ближний Восток. Политическую нестабильность в этом регионе решили направить в «правильное» русло путем «встречного взрыва». Западные стратеги-технократы считали, что если они сами инициируют взрыв в тех странах, где нарастали конфликтные отношения, то они смогут потушить конфликт, не давая ему перекинуться на мировую арену, и смогут контролировать процесс. Убежденность в том, что событиями в любом регионе мира можно управлять из одного офиса в Вашингтоне, сыграла здесь роковую роль. Регион взорвался, однако контролировать распространение взрыва запад-

ные технократы не смогли. Среди американских специалистов зазвучли голоса об ответственности США за «управляемый» хаос на Ближнем Востоке и в мире вообще [Mearsheimer, Walt 2016: 78].

Ближний Восток – далеко не единственный пример огромных издержек предлагаемой нам модели международных отношений. Превращение Вашингтона в единственный мировой центр силы принесло с собой не безопасность и стабильность, а хаос и распад общественно-политических структур, что, как показали итоги выборов, нашло понимание и в сознании американского общества. Спроектированные в рамках западоцентричной модели институты глобального управления уже не могут эффективно справляться с поставленными перед ними задачами. В политической сфере это проявилось в форме агрессивной и насильственно насаждаемой экспансии неолиберальной модели, в принципе являющейся внеисторичной и оторванной от характерных особенностей развития каждого конкретного государства, региона или цивилизации.

Все эти явления стали причиной существенного роста конфликтного потенциала в современных международных отношениях. Идеология противоборства социализма и капитализма, модернизированная после развала СССР в идею защиты от «терроризма», «агрессивности» в сфере политики, а в сфере экономики – в систему, основанную на презумпции неизбывной мощности экономики США и их безусловного права доминировать в глобальном мире, себя исчерпала.

Именно эти базовые концепции и привели к дестабилизации общей мировой ситуации и, как следствие, к неустойчивости политических систем, что дало основание Дж. Стиглицу заявить о конце неолиберального проекта. С победой Трампа на президентских выборах в США мы можем говорить о наличии материальных подтверждений этих теоретических предположений. Выбрав «несистемного» политика, американский избиратель выразил недоверие американскому истеблишменту и его ценностно-идеологическим воззрениям, сформировав пока весьма нечеткий запрос на изменения.

Россия, защищая свои жизненно важные интересы, была вынуждена бросить вызов той системе международных отношений, которую Запад в лице США уже было «отформатировал» под себя. Теперь понятно, почему нашей стране пришлось столкнуться со столь неоправданно резкой реакцией западных партнеров: крушение конструкций в «мире идей» всегда воспринимается наи-

более болезненно. Сейчас уже, хочется надеяться, завершен период эмоциональных реакций, время для осмысления происшедших процессов было. Однажды ступив на дорогу защиты национальных интересов в условиях турбулентной мировой обстановки, хочется верить, что Россия уже не сможет ни отступить, ни свернуть с выбранного пути.

Только этот вариант дает перспективу мирного преодоления развертывающегося кризиса глобальной политической системы. Мир может быть миром многообразным, состоящим из нескольких центров роста, множественным, многоукладным, транстерриториальным, с высокой степенью географической локализации стран, не обязательно находящихся в трансграничном соединении. Необходимо вести речь о новом мире, где будет разорван порочный круг перехода политического кризиса в экономический и обратно. Плоская модель «экономика и политика» недостаточна вне зависимости от перестановки слагаемых. Нужен ее многомерный вариант, где, помимо экономики и политики, будет учтен фактор «человеческого в человеке». Только так возможно приблизить момент наступления стабильного мирового порядка.

В геополитической перспективе можно предположить, что при неизбежности процессов глобальной интеграции и конвергенции, возможно, придет понимание невозможности формирования однополярного устойчивого мира. На смену этой модели также неизбежно рождение новой, черты которой уже пробиваются во все еще неопределенной модели неолиберальной глобализации. Этими чертами являются проекты БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС, «Новый Шёлковый путь», Транс-Евразийский пояс Razvitie и др. Все эти примеры представляют собой мегапроекты, международные проекты, но с принципиально иной базой – не одностороннего доминирования, но солидарного интегрального развития. Под нее потребуется полная перестройка всей системы международных и внутрисистемных политических и социально-экономических отношений. Очевидно, одними из ключевых элементов этой трансформации будут принятие методологии диалога цивилизаций и отказ от оболванивающей идеи универсализации и стандартизации личности.

Литература

1. Бест Д. 2010. Война и право после 1945 г. – М.: ИРИСЭН; Мысль. – 680 с.
2. Киссинджер Г. 2015. Мировой порядок. – М.: АСТ. – 511 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Манифест коммунистической партии. – Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы. – Т. 4. – С. 419–459.
4. Фукуяма Ф. 2004. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ. – 488 с.
5. Шпенглер О. 1998. Закат Европы. Т. 1. Гештальт и действительность. – М.: Мысль. – 668 с.
6. Brzezinski Z. 1976. Soviet Politics: From the Future to the Past. – The Dynamics of Soviet Politics (ed. by P. Cocks, R.V. Daniels, N.W. Heer). – Cambridge, Mass.: Harvard University Press. – P. 337–351.
7. Garder M. 1965. L'Agonie du régime en Russie soviétique. – Paris: Table Ronde. 206 p.
8. Homolar A. 2011. How to Last Alone at the Top: US Strategic Planning for the Unipolar Era. – Journal of Strategic Studies. Vol. 34. Is. 2. P. 189–217.
9. Jones M.L., Silberzahn P. 2013. Constructing Cassandra: Reframing Intelligence Failure at the CIA, 1947–2001. – Stanford. – 392 p.
10. Mead W.R. 2014. The Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers. – Foreign Affairs. May/June.
11. Mearsheimer J., Walt S.M. 2016. The Case for Offshore Balancing. A Superior U.S. Grand Strategy. – Foreign Affairs. July/August. P. 70–84.
12. Robinson L., Miller P.D., Gordon IV J., Decker J., Schwille M., Cohen R.S. 2014. Improving Strategic Competence. Lessons from 13 Years of War. – Santa Monica, Calif.: RAND Corporation. 143 p.

«Власть»,
М., 2016 г., № 12, с. 5–12.

И. Добаев,
доктор философских наук, профессор,
эксперт Российской академии наук,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

ЭТАПЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ ИСЛАМИСТСКИХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ТАКФИРИТОВ-ДЖИХАДИСТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Процесс радикализации российского ислама прошел ряд этапов[1]:

1. 70-е – начало 90-х годов XX в. знаменуют собой первый этап. Первоначально в Дагестане, не без влияния извне, появляются молодежные салафитские группировки, идет процесс осмысления их адептами зарубежного салафитского наследия, а первым «наставником» выступает молодежный исламистский лидер, ставший позднее известным как Магомед Кизилюртовский. Силовые структуры выявляют и «мягко» пресекают деятельность этих группировок.

2. Начало 90-х годов – 1994 г. Фиксируется воссоздание и практическая легализация дагестанских салафитских группировок, которые осуществляют так называемый «салафитский призыв» путем создания исламистских кружков, где их участники детально изучают такие понятия, как «такфир» и «джихад», в их специфической «ваххабитской» интерпретации. В этот же период в России при посольствах некоторых мусульманских стран создаются «культурные центры», фиксируется ввоз в страну и распространение исламистской литературы. Одновременно аналогичная литература в массовом порядке начинает издаваться на местах (например, издательство «Сантлада» в селе Первомайское Хасавюртовского района Дагестана). В Россию прибывают миссионеры, проповедники и зарубежные «преподаватели» мусульманских

* Статья выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № 07 / 2017-22 «Трансконфликтные регионы как феномен геополитической конкуренции: Социальные риски и ресурсы адаптации к гуманитарным вызовам».

[1] Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. Монография. – М., Ростов н/Д.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2014. – С. 227–251.

дисциплин, одновременно начинается выезд для получения исламского образования за рубежом российской мусульманской молодежи. Первые два периода основной территорией исламизации выступает Дагестан.

3. Декабрь 1994 г. – начало 2000-х годов характеризуются доминированием Чечни в процессе радикализации северокавказского ислама. Чеченские войны, как и трехлетний перерыв между ними, сопровождался концентрацией в этой республике зарубежных «моджахедов», преимущественно арабов, с серьезной идеологической, финансовой и иной подпиткой со стороны зарубежных исламистских центров. На территории Чечни функционировали специальные учебные центры по подготовке боевиков – самый известный под селением Сержень-Юрт в Шалинском районе, который возглавлял известный зарубежный террорист Эмир Хаттаб, близкий к лидеру «Аль-Каиды» Усаме бен Ладену. В 1998 г. в Чечню из Дагестана переезжают радикальные исламисты со своим лидером – М. Кизилюртовским, происходит консолидация зарубежных, чеченских, дагестанских салафитов, а также их единомышленников из других северокавказских республик. В 1999 г. позиции салафитов в Чечне настолько окрепли, что они решились на агрессию в дагестанском направлении, где их боевые структуры были разгромлены.

4. Сентябрь 1999–2007 гг. Этап характеризуется началом второй чеченской кампании, разгромом боевых подразделений сепаратистов, переходом их к партизанской войне. В этот период Чечня остается эпицентром сосредоточения радикальных исламистов, хотя ее лидерами артикулируются еще вполне светские сепаратистские проекты в рамках конструирования так называемой ЧРИ (Чеченская Республика Ичкерия). В этот же период наблюдается процесс «растекания джихада» практически по всей территории Северного Кавказа. Речь идет о распространении идеологии радикального исламизма, институционализации собственных неправительственных религиозно-политических организаций и группировок, появлении и разрастании инфраструктуры «джихада» (схроны, блиндажи, бункера и т.п.), ведении специфической политической диверсионно-террористической практики, в том числе далеко за пределами Северо-Кавказского региона. Происходит трансформация структур боевиков, которая постепенно приобретает сетевой характер.

Значимым на данном этапе представляется то, что если в 90-е годы XX в. северокавказские «ваххабиты» были представ-

лены умеренно-радикальной и ультрарадикальной составляющими, то в ходе второй чеченской кампании местная салафийя выродилась исключительно в религиозно-политический экстремизм, на базе которого развилось террористическое движение, прикрывающееся исламским вероучением. Тем не менее умеренные радикалы, хотя и в меньшем количестве, еще присутствуют на Северном Кавказе. Однако власти, не умея или не желая отличать умеренных от ультрарадикалов, осуществляют в отношении них одинаково жесткие силовые меры. Такой подход сокращает и без того узкую прослойку умеренных радикалов, постепенно переходящих на экстремистские позиции.

5. 2007 г. – 2013–2014 гг. Пришедший к власти в виртуально существующей Чеченской Республике Ичкерия новый лидер – Доку Умаров – объявил о завершении националистического плана построения ЧРИ и одновременно обнародовал новый геополитический проект – «Имарат Кавказ». Согласно ему, на Северном Кавказе на исламистских принципах функционирования создается новое государство – «Имарат Кавказ», управление которым осуществляется по образу и подобию исламских государств прошлого (Халифаты). В свою очередь, помимо соответствующих центральных институтов власти и управления, в «Имарат» на правах провинций входят так называемые «вилайеты» – конкретные республики Северного Кавказа, а в перспективе – и другие регионы России. В свою очередь, указанные «вилайеты» состоят из секторов, в составе которых действуют первичные исламистские группировки – так называемые «джамааты», представляющие собой, по сути, диверсионно-террористические группировки, иначе говоря – исламистские банды.

6. Конец первого десятилетия – начало второго десятилетия XXI в.: наблюдается распространение влияния «Имарата» и его лидеров на другие «мусульманские» территории – Поволжье, Урал и Западную Сибирь, прежде всего на Татарстан.

7. Последние пять-шесть лет: появление исламистских группировок в «исламских анклавах»[1] в немусульманских субъектах страны, группирующихся вокруг появляющихся на этих территориях мечетей, что следует считать очередной тенденцией в про-

[1] О «мусульманских анклавах» см. подробнее: Милованов Ю.Е. «Анклавизация» территорий Северо-Кавказского региона: Содержание процесса и проблемы исследования // Насилие в современной России: Тез. докл. науч. конф. – Ростов н/Д., 1999.

цессе радикализации отечественного ислама, заключающейся в расползании метастаз исламизма по территории страны. Аналогичные процессы ранее имели место в США и некоторых государствах Западной Европы[1].

8. После нейтрализации в конце 2013 г. Доку Умарова большинство сетевых структур, входивших в состав «Имарата», присягнувшего в свое время «Аль-Каиде» Усамы бен Ладена, переподчинились новому террористическому гиганту – «Исламскому государству». Многие отечественные исламисты отправились в Сирию, чтобы в рядах ИГ воевать против правительственных войск, верных Б. Асаду. На территории Северного Кавказа происходит деградация радикального исламистского движения, сопровождаемого криминализацией и дальнейшим разукрупнением банд, их децентрализацией с одновременным повышением степени автономности. Теперь небольшие группировки боевиков пытаются наносить быстрые точечные удары, после чего уходят в подполье и даже окончательно распадаются.

Несмотря на это, террористическое движение в регионе окончательно не ликвидировано, что требует принятия дальнейших прицельных мер по его полному искоренению. Как известно, в узком смысле комплекс этих мероприятий включает в себя следующие элементы: совершенствование антитеррористического законодательства, укрепление спецслужб и правоохранительных органов, подрыв экономической основы и каналов финансирования террористов, проведение идеолого-пропагандистской и разъяснительной работы в различных стратах российского общества. Последний блок, и это удивительно, задействуется до сих пор слабо и в целом неэффективно.

Тем не менее понимание проблемы становится очевидным: уже вслед за принятием в октябре 2009 г. Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации все чаще стали говорить о необходимости смещения акцентов в антитеррористической деятельности – с пресечения на предотвращение террористической активности, на профилактику терроризма, т.е. на несиловые

[1] См. об этом: Добаев И.П. Экстремистские группировки в США: Исламский фактор // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 1; Добаев И.П. Исламизация Европы: Миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 4; Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И. Геополитика и терроризм эпохи постмодерна. Монография. – Ростов н/Дону: Изд-во ЮФУ, 2015. – С. 177–224.

способы решения проблемы. В последующем Национальный антитеррористический комитет (НАК) неоднократно обращал внимание участников антитеррористической борьбы на это.

Однако следует признать, что эта работа, несмотря на практически сложившуюся в РФ общегосударственную систему противодействия терроризму, до сих пор проводится далеко не на должном уровне. При детальном рассмотрении разнообразных планов идеологического контрнаступления становится очевидным, что зачастую предлагаемые меры касаются некой аморфной массы населения страны. Более того, все эти меры, как правило, адресуются обычным законопослушным гражданам, далеким от идеологии и практики терроризма. Одновременно наблюдается явный дефицит предложений относительно уязвимых категорий молодых людей и носителей идеологии религиозно-политического экстремизма. В стране почти нет созданных и поддерживаемых государством центров исламских исследований, тем более на Юге России. Практически нет и заказов на такого рода исследования, а потому они проводятся редко и не системно, чаще всего по инициативе отдельных ученых. Как следствие, такие работы довольно редки и проводятся на Северном Кавказе, в основном дагестанскими учеными[1]. Следует также учитывать и то, что терроризм религиозно-политической направленности локализован преимущественно в молодежной среде, пока еще преимущественно на Северном Кавказе. Однако средства на противодействие ему распылены по всей стране, часто далекой от молодежи. Безусловно, в таких условиях рассчитывать на эффективность проводимых мероприятий не приходится, и практика всех последних лет лишь подтверждает данный тезис.

В стране развернута широкомасштабная информационно-пропагандистская деятельность. Проводятся тысячи конференций и круглых столов, выпускается большое количество брошюр, книг и сборников, в СМИ продвигается масса соответствующих статей и видеосюжетов, изготавливается много наружной рекламы и плакатной продукции, снимаются фильмы и видеоролики на антитер-

[1] См., например, об этом: Абдулагатов З.М. Исламское сознание в глобализационных процессах: Проблемы адаптации. – Махачкала, 2010; Он же. Особенности социализации современной молодежи и социальные деформации в молодежной среде. – Махачкала, 2011; Кисриев Э.Ф. Ислам и Власть в Дагестане. – М., 2004; Муслимов С.Ш. Религиозно-политический экстремизм глазами дагестанцев. – Махачкала, 2011.

рористическую тематику. Однако террористическая война в Северо-Кавказском регионе России (и не только!) никак не затухает. Приходится признать, что «выстроить адекватную террористическим угрозам систему противодействия в информационной сфере пока не удалось»[1].

Хотелось бы надеяться, что ныне действующий Комплексный план информационного противодействия терроризму в Российской Федерации на 2013–2018 гг. приведет к качественному рывку в идеологическом противоборстве с противником.

Пока же следует признать, что осуществляемая в Российской Федерации информационно-идеологическая и разъяснительная работа не отвечает требованиям дня, нуждается в качественном переформатировании. При этом следует говорить даже не об информационном противодействии терроризму, а о противодействии именно идеологии терроризма. Основная задача заключается в том, как верно в свое время подчеркнул первый заместитель руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета России Е.П. Ильин, чтобы «…на фоне сохранения и укрепления силовой составляющей борьбы с конкретными террористическими проявлениями кардинально повысить эффективность противодействия идеологии терроризма, поставить надежные барьеры на путях ее проникновения в общественное сознание. Конечная цель этой работы – изменить правовую психологию людей, добиться отторжения абсолютным большинством населения самой мысли о возможности применения террористических методов для разрешения территориальных, социальных, конфессиональных, культурных и других проблем и противоречий»[2].

Иначе говоря, необходимо дальнейшее неустанное развитие и укрепление всей системы противодействия идеологии терроризма. Ее главной целью является компрометация идеологической доктрины радикальных исламистов, которая с точки зрения исламской ортодоксии далеко не безупречна и, как следствие, вывод из-под влияния такфиритов-джихадистов их реальных и потенциальных сторонников и последователей, тем самым сокращение

[1] Пржездомский А.С. Информационная сфера стала полем боя с экстремизмом и терроризмом // ФСБ за и против. – 2010. – № 11.

[2] Ильин Е.П. Актуальные проблемы противодействия вовлечению молодежи в террористическую деятельность (12–14 октября 2009 г., Ростов н/Дону). [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт]. URL: http://www.nak.fsb.ru Рубрика «Публикации».

социальной базы поддержки террористов и пополнения их отрядов.

В данном направлении, как представляется, не следует упускать из поля зрения два важных момента, которые порой игнорируются: «исламский» фактор в формировании идеологических доктрин радикальных исламистов и молодежный характер террористического и шире – религиозно-политического движения в некоторых регионах России, прежде всего на Северном Кавказе. Ведь совершенно очевидно, что привлекательность идеологии радикального исламизма, особенно в молодежной среде, довольно высока. Однако оба этих фактора необходимо рассматривать в тесном единстве и во взаимоувязке, поскольку на практике они поддерживают и подпитывают друг друга.

В то же время следует признать, что в стране до сих пор нет полноценной государственной политики по воспитанию молодого поколения, хотя и есть понимание того, что «нельзя оставлять без государственного попечения молодежь, которая формировалась в годы безвременья»[1]. Северокавказская молодежь выросла в условиях ожидания перманентных боестолкновений, испытывает на себе беды социального неравенства на фоне прогрессирующего имущественного расслоения в России, а также трудности самореализации, зачастую находится под воздействием религиозно-экстремистской пропаганды и влиянием разного рода «авторитетов», а потому нуждается в особом внимании государства. Как верно подчеркнул советник председателя Национального антитеррористического комитета А.С. Пржездомский, «…периодическими круглыми столами тут не отделаешься. Требуется серьезная, повседневная работа с молодежью, прежде всего ориентированная на ее воспитание в условиях двуязычия и этнического многообразия». Для этого, по его мнению, «…надо срочно начать подготовку педагогов общеобразовательных учреждений и вузов по культурно-исторической тематике с акцентом на неразрывное единство российского Кавказа и неприятие любых форм насилия… Кроме этого, срочно нужна программа, направленная на привлечение творческих, спортивных, военно-патриотических и молодежных объединений северокавказских республик к участию в общерос-

[1] Пржездомский А.С. В эпицентре противостояния идеологии смерти: Интервью советника председателя Национального антитеррористического комитета. [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт]. URL: http://www.nak.fsb.ru Рубрика «Публикации».

сийских и региональных фестивалях, конкурсах, работе поисковых патриотических отрядов, что должно обеспечить укрепление связей между молодежью разных субъектов Российской Федерации»[1].

Кроме того, нельзя игнорировать религиозный фактор происходящего на Кавказе. Некоторые ученые-исламоведы прямо говорят об эндогенном радикализме в исламе, а также об «объективно существующей связи между отдельными течениями в мусульманстве и терроризмом», утверждая, что «лишь излишняя политкорректность, прочно увязанная с политическим интересом, не позволяет руководству России быть полностью открытым в этом вопросе»[2]. Сегодня на Северном Кавказе еще есть те, кто с оружием в руках борется за построение исламского государства, «освобождая земли ислама», и пытаться разрешить эту в конечном счете духовную и идеологическую проблему, скажем, простым увеличением числа рабочих мест или увещеванием типа «ребята, давайте жить дружно» – откровенно неуместно.

Религиозный фактор, безусловно, существует и действует. В исламе, как и в других религиях, есть радикальные течения, которые стремятся установить очень жесткие правила жизни и поведения. Идеологи радикального исламизма буквально вдалбливают молодым людям мысль о необходимости ведения наступательного «джихада» против «неверных», «отступников» и «лицемеров», борьба с которыми в специфических условиях Северного Кавказа нередко еще приобретает характер кровной мести. Таким образом, здесь происходит смыкание местных доисламских обычаев (адатов) со спецификой собственно ислама и даже заурядным криминалом.

Не вызывает никаких сомнений то обстоятельство, что росту религиозно-политического экстремизма на Северном Кавказе способствует не только глубокий кризис всех светских идеологий нынешнего периода, но и идеологических основ традиционного в регионе ислама, нуждающегося в коренной модернизации. Решать эту проблему, как представляется, следует сразу по целому ряду скоординированных во времени и взаимоувязанных между собой направлений.

---

[1] Пржездомский А.С. Информационная сфера стала полем боя с экстремизмом и терроризмом...

[2] Абдулагатов З.М. Особенности социализации современной молодежи и социальные деформации в молодежной среде. – Махачкала, 2011. – С. 40.

В 90-е – первое десятилетие 2000-х руководство страны возлагало большие надежды на авторитет представителей традиционного, официального ислама. Однако социальная отчужденность и политическая пассивность «официального ислама», с его теоретической слабостью, дефицитом образованных знатоков ислама и мусульманских традиций, на деле усилили шансы исламистов в идейной схватке за мусульманское население, прежде всего за молодежь[1]. Несмотря на то что многие представители мусульманского духовенства, которых радикальные исламисты считают «лицемерами» («мунафикун»), приняли мученическую смерть от рук террористов, все же нельзя не признать, что их проповедь оказалась малоэффективной в противостоянии с человеконенавистнической идеологией такфиритов-джихадистов. Однако конфронтация ваххабитов с представителями «официального» ислама не ограничивается идеологической борьбой. Ваххабитская идеология считает всех тех, кто ее не разделяет, «врагами ислама» и призывает своих сторонников к священной войне с ними, т.е. к джихаду. Истинный ваххабит обязан ненавидеть всех врагов ислама, его ненависть должна обретать практические формы[2]. Среди этих «врагов», отмеченные в качестве «лицемеров» («мунафикун»), значатся и представители «официального ислама», наиболее активные из которых находятся под прицелом радикальных исламистов.

Общеизвестно, что наибольший накал террористической активности фиксируется на Северо-Восточном Кавказе (Дагестан, Чечня, Ингушетия), где в рамках официального ислама господствуют суфийские ордены (тарикаты) – накшбандийя, кадирийя и шазилийя (последний – только в Дагестане). Однако следует отметить, что и в этом северокавказском субрегионе достойного отпора суфизм идеологии салафизма дать не смог, а, по мнению З.М. Абдулагатова, и не мог дать, так как «…эта дискуссия в самых жестких формах безрезультатно идет уже многие столетия. Более того, как показывает статистика террористических акций религиозно-политического характера, переход исламской молодежи в ряды салафитов увеличивается. Причем, это напрямую связано не только с недостаточностью в противодействии религиозному

[1] Ислам в России: Угрозы радикализации // Российская газета. – 2012. – 4 апр.

[2] Муслимов С.Ш. Религиозно-политический экстремизм глазами дагестанцев. – Махачкала, 2011. – С. 37–38.

экстремизму тарикатской идеологии, но и тем, что суфизм в известной степени сам порождает салафитскую противоположность[1].

Кроме того, «…так как "официальный" ислам стремится максимально приблизиться к государству, и это ему действительно удается, оппозиция к "официальному" духовенству переходит к оппозиции государству»[2]. Поэтому, по мнению З.М. Абдулагатова, «…государству надо найти пути ко всем исламским конфессиям. Ровная открытость к ним, даже к тем, которые находятся в отношении жесткой конкуренции "официальному исламу", – действенный способ противодействия их радикализации»[3]. Эта мысль находит поддержку в руководстве Национального антитеррористического комитета (НАК): «Внутриконфессиональное противостояние, которое сейчас существует внутри ряда республик Северного Кавказа – это очень опасное явление… …пришло время находить точки соприкосновения с идеологами умеренного ваххабизма (салафитами)… …всех, кто готов к диалогу, мы должны привлечь, включить в процесс противодействия терроризму. Надо пресечь воспроизводство террористических кадров. Значит, та часть духовенства, которая готова работать с молодежью, удерживая ее от вооруженного противостояния с властью, и которая открыта к богословскому диалогу и обсуждению всех спорных вопросов, – это наши потенциальные союзники»[4].

Однако не все так просто: существуют и сомнения относительно целесообразности работы с умеренными исламистами. В частности, эксперты из созданного в рамках Российской академии наук «Центра ситуационного анализа» считают, что осуществление отдельных призывов в пользу контактов властей с салафитами чревато негативными последствиями для развития отношений с последователями традиционного ислама. Так, утверждают они, попытка властей Дагестана провести переговоры с «лесными» привела к тому, что те стали предъявлять претензии и выдвигать свои условия, в том числе требуя назначения своих

[1] Абдулагатов З.М. Особенности социализации современной молодежи… – С. 43.

[2] Там же. – С. 55.

[3] Там же. – С. 56.

[4] Пржездомский А.С. В эпицентре противостояния идеологии смерти…

представителей на должности заместителей глав администраций и замначальников УВД[1].

Нет никаких сомнений в том, чтобы противостоять радикалам на интеллектуальном уровне, нужны образованные знатоки ислама, которых в российских традиционалистских кругах явно недостаточно. В этой связи серьезную обеспокоенность вызывает подготовка кадров служителей мусульманского культа в России: ряд учебных текстов создается по системе средневековой схоластики, отсутствует аттестация учебников, не контролируется качество образования, практически нет светских специалистов по исламскому богословию, не хватает знатоков арабского языка, грамотных переводчиков. Переводные книги с арабского и турецкого нередко культивируют экстремистские настроения и т.д.

Совершенно очевидно, что в целях противодействия религиозно-политическому экстремизму обществу и государству необходимо обратить особое внимание на систему религиозного образования. Речь идет о том, что необходимо создать отечественную модель исламского образования, что позволило бы перехватить инициативу у зарубежных мусульманских университетов и центров в сфере как очного, так и дистанционного обучения. В частности, в Саудовской Аравии, Египте, Афганистане, Пакистане, других государствах Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки студенты из России нередко продолжают изучать ислам в его наиболее радикальных формах, одновременно подвергаясь антироссийской идеологической обработке. Многие лидеры вооруженного подполья, например уничтоженные А. Астемиров и М. Мукожев из Кабардино-Балкарии, прошли обучение в исламском университете Эр-Рияда (Саудовская Аравия), в государстве, где доминирующим выступает суннитский ислам ваххабитской направленности.

Однако до сих пор российская мусульманская молодежь продолжает выезжать за рубеж для получения исламского образования. При этом существуют два канала выезда – официальный и частный. Выезжающие официально, в рамках заключенных договоров между Духовными управлениями мусульман (ДУМ) и конкретными учебными заведениями, получают стипендии, имеют возможность решения социальных проблем. Более того, сегодня позиция подавляющего большинства ДУМов такова, что первона-

[1] Ислам в России: Угрозы радикализации // Российская газета. – 2012. – 4 апр.

чально получать высшее мусульманское образование следует в России, и только потом, по официальным каналам и соглашениям, совершенствовать его за рубежом, в авторитетных университетах. В то же время большинство желающих получить зарубежное исламское образование выезжает по частным каналам, чаще всего по приглашениям уже обучающихся там земляков. Они не обеспечиваются стипендиями, пакетом социальных услуг, а потому легко попадают под влияние радикалов. Всего же число тех, кто получил исламское образование за рубежом после распада Советского Союза, превысило 10 тыс. человек[1]. Несмотря на то что, начиная с 2007 г., на Северном Кавказе созданы три прошедших государственную аккредитацию и лицензирование мусульманских центра – в Махачкале, Нальчике и Грозном, – они пока еще не смогли составить реальную конкуренцию зарубежным аналогам.

Более того, система исламского образования в регионах России до сих пор выступает одним из мощных источников формирования фундаменталистского сознания мусульманской молодежи[2]. Как справедливо отмечал дагестанский ученый И.А. Шамов, в программах исламских учебных заведений РД нет «ни истории, ни географии, ни математики, ни литературы, ни русского, ни иностранных языков, ни биологии, ни компьютерной грамоты, ни, разумеется, начал философии и еще десяток “ни”. Ничего из того, что делает члена общества образованным, а само общество – развитым»[3]. Как представляется, идеология противодействия не может не уделить пристального внимания содержанию учебных программ российских исламских образовательных учреждений. По мнению З.М. Абдулагатова, с которым мы полностью солидаризуемся, государству и обществу в целях соответствия этих программ общественным и государственным интересам было бы желательно:

– провести строгий учет всех исламских учебных заведений. Несанкционированных государством религиозных учебных заведений с несоответствующими государственным стандартам программами быть не должно;

---

[1] Ислам в России: Угрозы радикализации // Российская газета. – 2012. – 4 апр.

[2] Муслимов С.Ш. Религиозно-политический экстремизм глазами дагестанцев. – Махачкала, 2011. – С. 21.

[3] Шамов И.А. Религия или светское просвещение // Дагестанская правда. – 2001. – 8 июня.

– разработать, с участием религиозных и светских ученых, программы для религиозных учебных заведений всех уровней исламского образования (мактабы, медресе, исламские высшие учебные заведения);

– контроль над строгим следованием принятым учебным программам должен быть особой заботой государства…[1]

Помимо создания и совершенствования собственного российского мусульманского образования, сегодня чрезвычайно нужна стабильная информационная политика по исламской проблематике, включающая, в том числе, издание печатных материалов (периодических, учебно-просветительских и аналитических), создание соответствующих сайтов и интернет-портала с одновременным противодействием аналогичной активности со стороны радикальных исламистов. В частности, заслуживает пристального внимания со стороны властей их издательская деятельность и еще недавнее наличие в розничной торговле России книг и брошюр, по сути, подрывного содержания. Зачастую, как это случилось с мусульманской литературой, появление на полках магазинов, в мечетях и исламских учебных заведениях изданий, содержащих экстремистские идеи, связано с дефицитом собственной богословской и правоведческой литературы. Этот недостаток до сих пор компенсируется произведениями зарубежных авторов, идеологов радикального ислама, в том числе экстремистскими (аль-Ваххаб, аль-Маудуди, С. Кутб, аль-Умар, аль-Фаузан, Башамил, аль-Шакк и многие другие идеологи радикального ислама). Необходимо подчеркнуть, что подрывная исламистская литература попадает в страну не только из-за рубежа, но значительная ее часть до недавнего времени публиковалась непосредственно на территории России (например, издательство «Бадр» тиражировало издаваемую литературу, в основном, в Москве и Московской области). Безусловно, вся литература такого рода должна оказаться под запретом.

Особого внимания заслуживает киберпространство, активность различных телекоммуникационных сетей типа Интернета. Виртуальное пространство заполнено исламистскими сайтами, форумами и диспутами экстремистской направленности. Все теракты фиксируются на сайтах террористов, выступающих за «всемирный джихад», а также в социальных сетях. Деятельность отдельных субъектов киберпространства носит антироссийский

[1] Абдулагатов З.М. Особенности социализации современной молодежи… – С. 50.

характер. Соответственно, и противодействие «идеологическим диверсиям» на этом канале должно носить специфический характер. Вместе с тем в России «пока не найдено эффективных решений по недопущению использования Интернета для распространения террористической идеологии»[1].

Слабо ведется работа по дискредитации идеологии и практики радикальных исламистов. Имеющиеся возможности в этом направлении задействуются явно недостаточно. Действенная пропаганда против «ваххабитов» не ведется, их не опровергают, из них не делают посмешище – вместо этого органы власти и управления своими руками порой создают героический ореол «борцов за веру» («моджахедов»), а также «мучеников» («шахидов»). Практически не проводятся социологические замеры в различных слоях общества на предмет определения их зараженности идеологией религиозно-политического экстремизма. Отсюда и неэффективность пропагандистских мероприятий государства, поскольку для каждого социального страта общества нужен свой набор методов идеологического воздействия и убеждения. Например, для террористов не существует авторитета светских властей и ученых, а также представителей официального ислама. Для них «единственным моральным мерилом зачастую выступают молодые имамы “из леса”, проповедующие джихад, причем эти имамы основательно подкованы и обладают даром убеждения»[2]. У нас же до сих пор в ходу некие универсальные, зачастую затратные, но малоэффективные мероприятия.

Безусловно, необходимы меры по значительному организационному и материальному укреплению существующих околоисламских организаций – Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования и Группы стратегического видения «Россия – исламский мир». Аналогичный подход необходим и к тем структурам, которые пока не нашли поддержки со стороны федерального Центра и руководства субъектов РФ. В частности, речь идет о ряде таких организаций на Юге России и Северном Кавказе, среди которых можно назвать «Центр исламских исследований» при

[1] Ильин Е.П. Система противодействия идеологии терроризма в РФ. [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт]. URL: http://www.nak.fsb.ru. Рубрика «Публикации».

[2] Сидоров А. Зеленое знамя с двуглавым орлом // Интерфакс. – 2009. – 31 авг.

Дагестанском государственном университете и некоторые другие аналогичные структуры.

Нужна и подготовка нового поколения ученых-исламоведов, знающих реалии и языки российских и зарубежных мусульман, прежде всего арабский язык. Для этого, в том числе, следует разработать программу регулярных комплексных исследований по широкому спектру исламской тематики на основе сотрудничества ученых федерального Центра и регионов, под эгидой одного из профильных институтов Российской академии наук и ведущих вузов во главе с Минобрнауки России, с соответствующей государственной финансовой поддержкой. Целесообразно подумать о возможном создании Федерального научно-исследовательского центра по информационному противодействию терроризму, тем более такая инициатива уже поступала из НАК РФ[1].

Одновременно, как представляется, необходимо отстаивать светский характер Российского государства, его равное отношение ко всем традиционным религиям и конфессиям. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что современное государство может достичь успехов в гражданском строительстве только на основе ценностей, общих для представителей всех религий и культур; более того, только светское государство способно обеспечить подлинную личную свободу вероисповедания.

Кроме того, в самом широком смысле важнейшее значение имеет разработка эффективной молодежной политики в Российской Федерации и в ее регионах с учетом их специфики. Ведь сегодня на Северном Кавказе молодежь является основной питательной средой для распространения экстремистских идей и воплощения их в практической политической деятельности. Молодежная политика должна базироваться на надежном идейном фундаменте российского патриотизма, для чего следует сформировать современную национальную идеологию, без чего антитеррористическая деятельность будет буксовать. Кроме того, разработка молодежной политики должна быть самым тесным образом увязана с комплексным решением проблем современного северокавказского общества, особенно с такими его современными изъянами, как социально-имущественное расслоение, коррупция, казнокрадство, клановость и т.п. Иначе говоря, при решении синтеза молодежных и исламистских проблем необходимо задействовать весь комплекс мер, составляющих содержание «широкого»

[1] Ильин Е.П. Система противодействия идеологии терроризма в РФ…

и «узкого» подходов в противодействии современному терроризму на общенациональном уровне, сведению на нет внешнего влияния, усиливающего его.

Безусловно, выделенные блоки, на которых следовало бы сконцентрировать внимание государства и общества, не перекрывают перечень всех мер, которые можно было бы артикулировать на канале усиления противодействия идеологии терроризма, снижения эффективности конфликтогенных эндогенных и экзогенных факторов, но они являются самыми приоритетными, первоочередными. Только совместными усилиями власти и гражданского общества можно реально укрепить фронт борьбы с терроризмом на информационном поле.

Статья предоставлена автором для публикации в бюллетене «Россия и мусульманский мир».

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ю. Александров,
доктор экономических наук,
главный научный сотрудник,
Центр исследования общих проблем
современного Востока (ИВ РАН)

КАЗАХСТАН: ПЕРВЫЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ*

После распада СССР только часть из тех элементов экономики страны, которые прежде были включены в вертикальные и межреспубликанские связи, сохранила шансы восстановить или найти новый спрос на свою продукцию. Местные предприятия оказались неспособными выдержать наплыв дешевых импортных товаров. В итоге почти все отрасли промышленности (металлургия, машиностроение, пищепром и другие) и крупные сельскохозяйственные предприятия либо с трудом выживали, либо (прежде всего, как и в России, промышленность товаров потребления) оказались на грани исчезновения. Изменилась структура валового продукта: на первый план вместо производства товаров вышло производство услуг. Но такая тенденция, характерная для современного мира, в Казахстане проявилась не вследствие роста общественной производительности труда, а как результат спада в большинстве отраслей производства товаров; перехода от системы госзаказа и административного распределения к рыночным отношениям; сокращения государственных расходов на экономику. Падение экономики вело к архаизации социальной структуры общества. Численность наемного труда и его доля в общей занятости сократилась более чем в 2 раза, в строительстве более чем втрое. В то же время самостоятельно занятое население увеличи-

* Раздел монографии [с. 47–52] Александров Ю.Г. Переходные экономики: Россия, Казахстан, Китай. – М.: ИВ РАН. 2016. – 140 с.

лось с 5 до 45% – в основном за счет разбухания сектора крестьянских и семейных хозяйств[1].

Но Казахстан воспользовался тем, что, подобно России, Азербайджану, Узбекистану и Туркмении, получил в наследство от советского прошлого неоценимый дар в виде нефтяной и газодобывающей промышленности, а также крупный сектор тяжелой промышленности, пусть переживающей непростые времена. По ее весу в республиканской экономике он занял место где-то посредине между Россией и другими государствами Центральной Азии. К началу 2000-х годов, по исчерпании ресурсов восстановительного роста и на фоне успехов в освоении нефтегазовых залежей, государственное руководство республики оказалось перед выбором между двумя путями. Один из них: двинуться путем ближневосточных «нефтяных монархий». Второй: используя углеводородное сырье как экспортный ресурс, «дойную корову», перейти к стратегии создания внутренне целостной многоотраслевой экономики на базе современных индустриальных и постиндустриальных технологий. Руководство страны, понимая жизненную важность второго варианта развития экономики для политической интеграции и упрочения безопасности страны, выбрало именно его. При этом оно опиралось на созданные за 1990-е годы динамичный казахстанско-иностранный сектор добычи и экспорта нефти и газа с привлечением крупнейших мировых нефтяных компаний. К началу кризиса 2008 г. добыча нефти увеличилась почти в 3 раза (около 80 млн т), газа – более чем в 4 раза. На топливно-энергетические ресурсы пришлось 70% экспорта и более 20% ВВП. В таких условиях президент РК Н. Назарбаев еще в 1997 г выдвинул амбициозную «Стратегию – 2030» с задачей поднять Казахстан до уровня «азиатских тигров» – только как «Центральноазиатского барса»[2]. Но попытки начать ее реализацию прерывались экономическими кризисами 1998 и 2008 гг. Все же, на выходе из последнего кризиса был принят конкретный пятилетний «Государственный план форсированного индустриально-

[1] Александров Ю.Г. Казахстан перед барьером модернизации. – М.: ИВ РАН, 2013. – С. 170–173.

[2] Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Октябрь 1997 г. 16.10.1997. URL: http://www.akorda.kz/ru/page/page_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-narodu-kazakhstana-oktyabr-1997-g_1343986436/ (Дата обращения: 13.12.2014.)

инновационного развития на 2010–2014 гг., ГПФИИР» – составная часть «Стратегии "Казахстан – 2050"»[1].

Авторы плана исходили из того, что частный капитал пока еще не смог проявить способность и готовность ориентироваться на приоритеты задач экономического строительства – прежде всего, на развитие современной обрабатывающей промышленности. Кредиты частных банков направлялись, главным образом, в торговлю и строительство. Из более 100 млрд долл. прямых иностранных инвестиций в экономику за первые два десятилетия независимого развития 85% пришлось на сырьевые отрасли. Поэтому особое значение было придано активной роли государства в реализации плана. Государственные финансовые ресурсы должны были направляться через государственных и частных операторов. Центральное положение в этой структуре было отведено фонду национального благосостояния «Самрук-Казына», формируемому за счет поступлений от нефтяного экспорта. Объем прямых инвестиций в плановые проекты был установлен в 6,5 трлн тенге, или 43 млрд долл. по курсу на то время (для ориентировки: 30% годового ВВП 2010 г.). Центральной частью плана стал нефтегазовый комплекс. Была поставлена задача в 2014 г. довести добычу нефти до 85,0 млн т (120% к 2008 г.), природного газа до 54 млрд куб. м (164%); экспорт нефти – до 75 млн т (119%); переработку нефти на казахстанских НПЗ – до 15,0 млн т (122%). Но при этом продукция несырьевых секторов хозяйства должна была достичь 40% объема экспорта. Требовалось также обеспечить опережающее развитие энергетической, транспортной и инфокоммуникационной инфраструктуры, добиться перелома в росте отечественного предпринимательства[2].

Ко времени завершения планового периода (2014) большая часть его целей не была достигнута полностью, хотя определенные положительные изменения и общий экономический рост (пусть невысокий) все же происходили. Не оправдалось ожидание высоких темпов добычи нефти и газа, в первую очередь из-за задержек в освоении ключевых месторождений. А в 2014 г. использование

[1] Государственная программа по форсированному индустриально-инновационному развитию Республики Казахстан на 2010–2014 годы. Астана, 19.03.2010. URL: http://acorda.ru/category/site_guide (Дата обращения: 11.10.2014.)

[2] Государственная программа по индустриально-инновационному развитию Республики Казахстан. 19.03.2010. URL: http://www.akorda.kz/ru/category/gos_programmi_razvitiya (Дата обращения: 24.02.2016.)

экспортных доходов для реализации планов форсированной индустриализации стало осложняться лопнувшим «пузырем» мировых цен на нефть. Негативную роль сыграли и существенные дефекты самой казахстанской экономики, переходной от административной модели к рыночной. Прежде всего, упомянутая выше слабость национального частного капитала. Другой проблемой стала тоже заранее осуществленная дезинтеграция национального хозяйства по территориальным и воспроизводственным линиям – вертикальным и горизонтальным. Выявились серьезные недостатки и самой системы управления, основанной на однонаправленных (сверху вниз) командах без обратных (снизу вверх) связях при обсуждении и реализации проектов.

Все же для наблюдателей стало неожиданностью, когда президент Н. Назарбаев в своем очередном Послании народу в ноябре 2014 г. объявил об изменениях в приоритетах модернизации на следующую пятилетку – 2015–2019 гг. Речь шла о «Новой Экономической Политике Казахстана "Нұрлы Жол" ("Светлый путь")»[1]. Им был сделан поворот от форсированной модернизации промышленности к развитию транспортной, энергетической, индустриальной и социальной инфраструктуры, а также к поддержке малого и среднего бизнеса как массовой базы экономического роста и занятости. При этом Н. Назарбаев особо подчеркнул, что именно развитие инфраструктуры будет стержнем новой политики. Общий инвестиционный портфель был определен в 6 трлн тенге (33 млрд долл., или 15,5% ВВП на 2014 г.); доля государства в нем – 15%. Главные проекты программы:

1. Развитие транспортно-логистической инфраструктуры в рамках формирования макрорегионов по принципу хабов. Инфраструктурный каркас свяжет с Астаной и между собой макрорегионы магистральными автомобильными, железнодорожными и авиалиниями по лучевому принципу. Основные автодорожные проекты: Западный Китай – Западная Европа; Астана – Алматы; Астана – Усть-Каменогорск; Астана – Актобе – Атырау; Алматы – Усть-Каменогорск; Караганда – Жезказган – Кызылорда; Атырау – Астрахань. Также продолжится создание логистического хаба на востоке и морской инфраструктуры на западе страны. Повышению

[1] Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. Астана, 11.11.2014. Нурлы Жол – путь в будущее. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/homePage/PresidentPage/PresidentPage11_adf.ctrl-state=y2s6jahdd_37&_afrLoop=41639683119918 (Дата обращения: 07.12.2014.)

экспортного потенциала в западном направлении через порты на Каспии должны способствовать паромная переправа из порта Курык и железнодорожная линия Боржакты – Ерсай. Предполагается также строительство или аренда терминальных мощностей в «сухих» и морских портах Китая, Ирана, России и странах ЕС.

2. Развитие индустриальной инфраструктуры в существующих и создаваемых специальных экономических зонах. Отдельное направление – инфраструктура для туризма.

3. Развитие энергетической инфраструктуры. Усилия должны быть сосредоточены на строительстве высоковольтных линий «Экибастуз – Семей – Усть-Каменогорск» и «Семей – Актогай – Талдыкорган – Алматы». Это позволит создать сбалансированное обеспечение казахстанскими электростанциями всех регионов страны.

4. Модернизация инфраструктуры ЖКХ и сетей водо- и теплоснабжения. Общая потребность в инвестициях составляет не менее 2 трлн тенге (11 млрд долл.).

5. Улучшение жилищной инфраструктуры, поскольку формирование агломераций в ходе реализации стратегии развития вызывает повышение мобильности населения и его давление на рынок труда и инфраструктуру городов. Государство будет строить социальное жилье для долгосрочной аренды с правом выкупа без посредников и под максимально низкие проценты за кредит.

6. Развитие социальной инфраструктуры в системе дошкольного, школьного и вузовского образования.

7. Поддержка малого и среднего бизнеса и деловой активности. К началу второй пятилетки, помимо прочего, созданы беспрецедентные условия кредитования бизнеса – всего под 6% на десять лет. «Таких условий у нас в стране, – подчеркнул президент, – ранее не было». Для поддержки МСБ «как драйвера экономического роста» и увеличения его доли до 50% ВВП к 2050 г. государство будет стремиться использовать кредитные линии АБР, ЕБРР и ВБ на общую сумму более 851 млн долл. в 2015–2017 гг. По 3 млрд долл. будет ежегодно выделяться из Национального фонда.

Но среди всех этих задач Н. Назарбаев выделил особое, объединительное для страны значение инфраструктурных проектов: «Дороги – это линии жизни для Казахстана. В наших необъятных просторах вокруг дорог всегда возникала и развивалась жизнь. Мы обязаны создать такую транспортную сеть, чтобы от Астаны во все стороны расходились автомобильные, железнодорожные и авиационные магистрали. Как от сердца – артерии. Как

от солнца – лучи. Новые магистрали, которые построят казахстанцы, обновят нашу экономику и общество. Они накрепко свяжут все уголки нашей страны с центром. Ускорятся и увеличатся грузопотоки. Возрастут объемы транзита через страну. (…) Улучшится социальная инфраструктура, новые и современные школы и больницы будут оказывать высококачественные услуги. В итоге это отразится на благосостоянии и качестве жизни каждого казахстанца. А самое главное – все это останется на нашей земле как богатство наших будущих поколений»[1].

Подводя итоги первого (2010–2014) пятилетия стратегии «Нурлы Жол», можно заключить, что ни сама экономика Казахстана, ни аппарат управления оказались еще не вполне готовыми к решению такой масштабной задачи, как фронтальная и форсированная по срокам модернизация индустриальной экономики. Можно предположить, что именно это стало главной причиной поворота Н. Назарбаева к новой стратегии – интеграционным мегапроектам национального и международного масштаба. Как будет показано ниже, на десять лет раньше путем стратегических мегапроектов пошло государственное руководство России, поставив во главу угла международную экспансию нефтегазового сектора ТЭК. Но если в этом случае такая стратегия фактически оказалась альтернативой модернизации и широкой диверсификации экономики, то в Казахстане она вписывается в общий тренд интереса основных игроков евроазиатской экономики и политики к интеграции в Единое экономическое пространство – от Западной Европы с Ближним Востоком до Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Тем более что в последние годы здесь наблюдается быстрый рост активности Китая. Казахстан уже и сейчас связан с ним трубопроводными системами собственной поставки и транзита из Узбекистана и Туркменистана нефти и газа, а также участием в автодорожном проекте Западный Китай – Западная Европа. Но еще более интересные для Казахстана перспективы открывает китайский проект «Экономический пояс Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути 21-го века». С его инициативой в 2013 г. выступил председатель КНР Си Цзиньпин, а затем началась стадия его активной разработки. Для фонда проекта Китай уже выделил 40 млрд долл. С точки зрения китайского руководства, создание

[1] Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. – Астана, 11.11 2014. Нурлы Жол – путь в будущее.

экономических коридоров «Китай – Монголия – Россия», «Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма», «Экономический пояс и Морской Шёлковый путь 21-го века» придаст региональной и мировой экономике мощную динамику. Общая идеология проекта («один пояс, один путь») заключается в стремлении создать систему партнеров по сотрудничеству на море и на суше и продемонстрировать решимость Китая продвигать реформы глобальной структуры и порядка[1].

Александров Ю.Г. «Переходные экономики: Россия, Казахстан, Китай». – М.: ИВ РАН, 2016. – 140 с., с. 47–52.

Д. Малышев,
доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова,
кандидат исторических наук

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: УГРОЗА РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА. СИТУАЦИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Аннотация. *Рассмотрены вызовы безопасности постсоветским государствам Центральной Азии со стороны радикального ислама. Проблемы взаимодействия России и Запада со странами региона анализируются в контексте противодействия растущей угрозе исламизма и международного терроризма. Особое внимание уделено Таджикистану, опыт которого в этой сфере представляется наиболее примечательным. Хронологические рамки статьи ограничены в основном 2014–2016 гг., но при этом делается экскурс в более ранние периоды истории центральноазиатских обществ.*

Ключевые слова: Центральная Азия, Европейский союз, США, Таджикистан, радикальный ислам, международная безопасность, террористическая угроза.

[1] Комментарий: Экономический пояс и Морской Шёлковый путь 21-го века – новые мотивы 2015 года. URL: http://russian.people.com.cn/n/2015/0203/c31518-8844875.html (Дата обращения: 06.02.2015.)

Вызовы мусульманского Востока в современном мире

Мир все чаще сталкивается с террористическими и экстремистскими вызовами. Они создают реальную угрозу международной безопасности.

Как показывает практика, власти нередко оказываются не в состоянии реагировать на них должным образом.

14 ноября 2015 г. Францию потрясла серия терактов, в результате которых погибли по меньшей мере 130 человек. Атака террористов была настолько серьезна, что президент Пятой республики Ф. Олланд вынужден был пойти на беспрецедентный шаг – введение чрезвычайного положения. Продемонстрированная террористами высокая слаженность в действиях (теракты практически одновременно прошли в семи районах Парижа) свидетельствовала о том, что мир сталкивается с очень серьезной проблемой, которую невозможно решить отдельными репрессивными акциями [17].

Помимо террористической угрозы, Европа столкнулась и с невиданным доселе наплывом мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев из Большого Средиземноморья. Некоторые исследователи уже успели окрестить их «новой ордой», в то время как другие авторы заговорили о «закате Европы» – его предрекал Старому Свету еще в 1918 г. известный немецкий философ Освальд Шпенглер [6].

Террористическая угроза продолжает нарастать. В середине марта 2016 г. в бельгийском Моленбеке был арестован Салах Абдеслам, подозреваемый в организации терактов в Париже [2]. Но проблему с купированием дальнейших террористических вылазок это не решило. 22 марта 2016 г. произошла серия терактов в Брюсселе, который не только является столицей Бельгии, но и служит главным административным центром ЕС и НАТО. В ходе террористической атаки погибли более 30 человек. Многие эксперты расценили это как месть за арест С. Абдеслама [7]. Террористические структуры еще раз показали свою силу и мощь, которой даже натренированные западные спецслужбы не смогли дать должного отпора. Стало ясно: мирная Европа осталась в прошлом, а попытки представить террористов лишь некими разрозненными группами не выдерживают критики.

География терактов расширяется. 27 марта 2016 г. в пакистанском городе Лахор в результате террористической атаки по-

гибли более 70 человек. Ответственность за взрыв взяло на себя пакистанское отделение движения «Талибан» [28]. Тем самым вновь подтвержден тот факт, что терроризм давно перешел границы континентов и конфессий. Он не знает национальностей и отдельных религий. Он наднационален и в этом его основная угроза.

Особую тревогу в последние годы не только на Востоке, но и на Западе вызывает деструктивная деятельность движения «Исламское государство» (ИГ), которое решением Верховного суда РФ от 29 декабря 2014 г. было признано террористической организацией, и его деятельность на территории России запрещена. Из региональной поначалу организации ИГ превращается в глобальный фактор дестабилизации существующего мирового порядка.

ИГ появилось не на пустом месте – его религиозные корни уходят далеко в прошлое, их можно обнаружить в самом процессе зарождения ислама в VII в. Традиции ортодоксального ислама связаны с именами двух богословов, которые, правда, знакомы быть никак не могли, так как жили с разницей приблизительно в пять веков: Ахмада бин Ханбала (VIII–IX вв.) и Ибн Таймийя (XIII – начало XIV в.). Именно они считаются прародителями идеологического течения, получившего название «салафизм» (салаф ас-салих – праведные предки). Один из наиболее известных продолжателей этой традиции – Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб – родился в 1703 г. в небольшом поселении в регионе Неджд, расположенном в центре Аравийского полуострова. Именно с его деятельностью традиционно связывают возникновение ваххабизма, одного из наиболее ортодоксальных течений в исламе, идеология которого взята на вооружение ИГ [12].

Не последнюю роль в радикализации ислама и формировании идеологии джихадистов сыграл египетский мыслитель Сейид Кутб, который перебросил мостик между учением аль-Ваххаба и современными радикальными исламистами из «Аль-Каиды» и ИГ. Надо отметить, что сам С. Кутб претендовал только на роль проповедника, но его это не спасло. Египетские власти обвинили его в связях с «Братьями-мусульманами» и подготовке покушения на президента Египта Гамаля Абдель Насера и в 1966 г. повесили.

В начале 2000-х годов происходит новый подъем радикального ислама. Он не сворачивал свою деятельность и до этого. Но вторжение американцев и их союзников сначала в Афганистан (2001), а потом в Ирак (2003) подхлестнуло этот процесс, который выплеснул на поверхность политической жизни Ближнего Востока силу в чем-то даже более грозную, нежели «Аль-Каида», – «Ис-

ламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ, или ИГ)[1]. Признанным «отцом» этого проекта считается выходец из Иордании Абу Мусаб аз-Заркави. Сам этот деятель теоретически обосновать установки ИГ был не в состоянии в силу своей необразованности (он не закончил даже среднюю школу), но сама структура без идеолога не осталась – им стал Абу Абдулла аль-Мухаджир, который, в частности, придумал театральные кровавые расправы типа массового обезглавливания во имя торжества идей Аллаха.

Под знамена этой структуры попадает сейчас большое количество людей, прежде всего молодежи, и регион Центральной Азии не является исключением.

Исламизм в Центральной Азии

После распада СССР в декабре 1991 г. в Центральной Азии (ЦА) параллельно с избранной изначально государствами этого региона светской парадигмой набирала силу иная тенденция – радикализация ислама, проявившаяся в появлении (часто действующих нелегально) исламистских организаций и движений. Радикальный ислам в ЦА давно превратился в угрозу не менее значимую, чем на Ближнем Востоке или в Африке. Распространение подобных идей происходило еще в советский период, а особенное обострение этого процесса началось в годы «перестройки», когда они стали приходить на смену так и не прижившимся социалистическим идеалам.

Влияние радикального ислама ощущается в Центральной Азии особенно остро по сравнению с другими регионами постсоветского пространства благодаря границе с Афганистаном, который, хотя и в разной степени, оказывает дестабилизирующее воздействие на ситуацию во всех пяти центральноазиатских государствах: Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Следует иметь в виду, что традиции ислама и противодействие светскому правлению имеют здесь давнюю историю, а позиции радикального исламизма в регионе оказались достаточно прочными.

Наиболее показателен в этом отношении, на наш взгляд, опыт Таджикистана. Он оказался одной из наиболее проблемных

[1] Решением Верховного суда РФ от 29 декабря 2014 г. эта организация признана террористической, а ее деятельность запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

республик ЦА из-за особенно сильного воздействия на местный политический процесс радикального исламизма. Этот феномен связан с тем, что, во-первых, Таджикистан стал единственной республикой ЦА, втянутой в 1990-е годы в кровавую бойню, в гражданскую войну, которая, по сути, была борьбой двух тенденций развития – светской и теократической. Во-вторых, именно в Таджикистане в этот период столкнулись интересы как региональных, так и внерегиональных акторов, позднее участвовавших в межтаджикском диалоге, который в конечном итоге привел к урегулированию конфликта [23, с. 43]. В-третьих, в течение длительного времени Таджикистан являлся единственным государством ЦА, где властями была официально разрешена деятельность исламской политической организации – Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Ее представители были инкорпорированы в органы исполнительной и законодательной власти республики, а также в правоохранительные и военные структуры.

Ситуация с радикализацией ислама в Таджикистане и других странах ЦА осложнялась быстрым накоплением критической массы внутренних проблем, которые активно использовались местным религиозным подпольем для дискредитации светских правящих режимов. К числу внутренних угроз в регионе ЦА, на наш взгляд, можно отнести следующие:

– межнациональная напряженность;

– противоречия между элитами внутри каждой страны;

– низкий уровень жизни населения;

– распространение наркомании;

– распространение радикальных (религиозных и националистических) идей;

– увеличение разрыва в доходах различных групп населения в каждой из стран региона;

– высокий уровень безработицы;

– высокий уровень коррупции;

– слабая эффективность работы государственных структур;

– отсутствие правил преемственности верховной власти внутри стран региона [8, с. 5].

Радикальный ислам в странах ЦА давал о себе знать неоднократно и проявлялся в различных формах. Наиболее яркими событиями, связанными с этим процессом, представляются:

1. Гражданская война в Таджикистане (1992–1997).

2. Баткенские события в Кыргызстане (1999–2000). Тогда отряды, предположительно связанные с Исламским движением

Узбекистана (ИДУ; оно сформировалось по окончании гражданской войны в Таджикистане из числа узбекских исламистов, отказавшихся подписать Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане), предприняли попытку прорваться в Узбекистан через территорию Таджикистана и Баткенскую область Кыргызстана. Общее руководство террористической акцией осуществлялось из Афганистана лидером ИДУ Тахиром Юлдашевым. Непосредственно операцией в горной местности Баткена руководил Джума Намангани и его полевые командиры. После гражданской войны в Таджикистане это стало самым серьезным испытанием не только для Кыргызстана, но и для всего региона [1].

3. Андижанские события в Узбекистане в мае 2005 г. Влияние именно исламского фактора было здесь спорным. Но официальный Ташкент возложил ответственность за насилие и гибель во время вооруженного мятежа в Андижане на радикальных исламистов, квалифицировав эти события чуть ли не как попытку государственного переворота [11].

Существенно, что исламисты в Афганистане проходят своеобразный период консолидации: в конце сентября 2015 г. талибы захватили и несколько дней удерживали город Кундуз на севере страны. Им удалось преодолеть внутренние разногласия, вызванные гибелью духовного лидера «Талибана» муллы Омара: объявивший себя его преемником Атар Мансур заявил о разрешении всех противоречий в рядах талибов и даже о возможности новых активных действий [15]. В конце марта 2016 г. спецпредставитель президента РФ по Афганистану, директор Второго департамента Азии МИД РФ З. Кабулов заявил, что «в Афганистане боевики закрепляются на территориях, граничащих с Туркменистаном и Таджикистаном, что вызывает напряженность по обе стороны границы» [3].

Налицо и другие вызовы, на которые обращает внимание казахстанский исследователь Булат Султанов: «Беспокойство вызывает и рост радикальных религиозных настроений в приграничных с регионом Афганистане, Иране, а также в Пакистане, Сирии, Турции, Ливии, с которыми страны ЦА имеют давние исторические, религиозные и культурные связи» [25, с. 69].

Радикальный исламизм в Центрально-Азиатском регионе распространен неравномерно. В большей степени его идеям подвержены Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан, в меньшей – Казахстан и Туркменистан, хотя подъем исламистских настроений

имеет место и в последних двух странах. Так, в Казахстане правоохранительные органы неоднократно пресекали деятельность организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (Исламская партия освобождения, запрещена в РФ). Ее сторонники призывали к свержению светских режимов и созданию в Центральной Азии единого теократического государства [5, с. 165].

Причиной большей представленности исламистов в Узбекистане и Таджикистане является, на наш взгляд, этнический фактор, который сближает народы этих стран с Афганистаном. Таджики и узбеки по численности являются соответственно второй и третьей народностями в Афганистане [30].

Исламистские партии и организации, как отмечает российский востоковед И.Д. Звягельская, «в начале 1990-х годов …лишь зарождались и пробовали свои силы, позже они стали частью политического ландшафта в государствах Центральной Азии, за редким исключением частью нелегальной» [10, с. 83].

В качестве основных организаций такого рода следует назвать Исламское движение Узбекистана (ИДУ), Союз исламского джихада, «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), а в последнее время – уже упоминавшееся выше «Исламское государство». В странах Центральной Азии действует разветвленная структура организации «Братья-мусульмане». Она представляет собой сеть автономных ячеек, которые выступают в странах ЦА под различными названиями – «Общество социальных реформ», «Комитет исламского призыва» и др. В основном подобные структуры представлены в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане [29].

Таким образом, ситуацию в ЦА можно охарактеризовать как крайне сложную. На общие проблемы социально-экономического характера, которые существуют в регионе в силу объективных причин, все больше накладываются проблемы социально-политические, не последнюю роль среди которых играет фактор радикального ислама.

Особое значение в связи с этим приобретает угроза, исходящая от движения «Исламское государство», которое активно заявило о себе в 2014 г. после захвата обширных территорий в Сирии и Ираке. Группировка четко обозначила свою основную цель – создание всемирного халифата, т.е. государства, управляемого по законам шариата во главе с халифом – наместником Бога на земле. По словам известного российского востоковеда В.В. Наумкина, «уже само название ИГИЛ говорило о сути исламистского проекта:

это создание исламского государства – халифата – на территории, которая включает в себя Ирак, Сирию, Ливан, Иорданию и Палестину» [14, с. 39].

Становление ИГ (по-арабски – ДАИШ) связывают, как уже отмечалось выше, с деятельностью иорданца по происхождению Абу Мусада аз-Заркави, который еще в 2002 г. создал группировку «Единобожие и джихад». Сам Заркави был убит в 2006 г. в Ираке, после чего данную структуру возглавил Абу Бакр аль-Багдади. Он некоторое время содержался в американском лагере «Букка» на территории Ирака, а после освобождения в 2010 г. принялся активно восстанавливать детище аз-Заркави. Именно тогда возглавлявшаяся им радикальная группировка «Исламское государство в Сирии» присоединилась к таким же экстремистским объединениям, организовав «Фронт ан-Нусра», или «Джабхат ан-Нусра» («Фронт помощи народу») [13]. Решением Верховного суда РФ от 29 декабря 2014 г. она была признана террористической организацией, и ее деятельность на территории России запрещена.

На Западе и в РФ многие склонны связывать негативные тенденции в ЦА именно с деятельностью ИГ. Но не все отечественные эксперты разделяют подобную точку зрения. Так, в интервью агентству ИА REGNUM руководитель отдела Средней Азии Института стран СНГ А. Грозин заявил: «Сейчас… люди, которые формально или неформально никак не связаны с ИГ, очень часто используют этот бренд… Спасибо средствам массовой информации, западным в особенности, за такую раскрутку этого движения» [32].

Проблема радикализации ислама представляет несомненную угрозу для всех стран региона, но наиболее ощутима она в Таджикистане.

Опыт Таджикистана в противодействии угрозе распространения радикального ислама

Распространение радикальных исламистских идей во многом связано с историческими предпосылками складывания Таджикистана как государства. До 1920 г. республика в ее нынешних территориальных границах входила в состав Бухарского эмирата, и только в 1924 г. она в качестве автономии была присоединена к Узбекистану. 5 декабря 1929 г. Таджикистан стал союзной республикой в составе СССР. Именно в Таджикистане, как и в сосед-

нем Узбекистане, был сосредоточен тогда центр басмаческого движения, которое советским властям удалось ликвидировать только к началу 1930-х годов. Но традиции радикального ислама в республике сохранялись.

Основу таджикской правящей элиты составляли ходжентцы (Ходжент – Ленинабад в советское время), которые исторически являлись мусульманской элитой. В состав таджикской номенклатуры в 1980-е годы входили и представители двух других мощных кланов – памирского и кулябского. Таджикистан всегда оставался клановым обществом. Подобная структура имеет место и в других центральноазиатских государствах, однако именно в Таджикистане она проявляется наиболее отчетливо [9].

Проблема радикализации ислама представляет несомненную угрозу для всех стран региона, но наиболее ощутима она в Таджикистане.

Распад СССР оказал негативное влияние на все бывшие советские республики Средней Азии, но его последствия оказались наиболее болезненными в Таджикистане. В ноябре 1990 г. первым президентом республики был избран Кахар Махкамов. Как представитель еще советской номенклатуры он не смог долго продержаться у власти на волне широко распространившихся в то время настроений противостояния всему советскому наследию. В августе 1991 г., после провала ГКЧП, К. Махкамов подал в отставку, и новым президентом Таджикистана стал Рахмон Набиев. Его избрание отвечало общим тенденциям политического развития стран региона, где к власти в основном приходили бывшие партийные функционеры (Набиев в 1982–1985 гг. являлся первым секретарем ЦК КП Таджикистана). Он был выходцем из кишлака Шайх бурхан Ходжентского (Худжандского) района Ленинабадской области, т.е. представлял интересы северных кланов (Ходжент – административный центр Согдийской области современного Таджикистана).

Становление и развитие уже де-факто независимого Таджикистана проходили в сложных условиях. В республике набирали обороты исламистские тенденции. Этому всячески способствовали две основные силы – Демократическая партия Таджикистана (ДПТ) и Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Обе структуры провоцировали возникновение конфликтов.

В итоге Таджикистан был втянут в пятилетнюю гражданскую войну, последствия которой полностью не преодолены и по сей день. Во время посещения Таджикистана автору этих строк

приходилось неоднократно слышать воспоминания о том ужасе, который рядовые таджики связывают с тем периодом (зверские пытки, публичные расстрелы, убийства беременных женщин на глазах их мужей и т.д.).

Политолог Эркин Рахматуллаев считает основными причинами конфликта социокультурные противоречия и клановую борьбу [23, с. 43]. Зародившийся как межклановое противостояние, конфликт в итоге перерос в гражданскую войну, которая формально продолжалась до 27 июня 1997 г., когда в Москве было заключено соглашение о прекращении огня, подписи под которым поставили президент Таджикистана Э. Рахмонов (Э. Рахмон) и лидер Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) С.А. Нури. Их дуумвират, однако, был признан далеко не всеми политическими силами республики [19], и последствия межтаджикского противостояния еще долго сказывались на развитии политического процесса в республике. Преодолеть последствия войны Таджикистану помогала Россия. Именно она активнее других посредничала в разрешении конфликта, в сближении позиций противостоявших друг другу сторон. Ущерб, нанесенный гражданской войной, был поистине колоссальным для и без того бедной республики – порядка 7 млрд долл. США [16, с. 37].

К урегулированию конфликта в Таджикистане на определенном этапе активно подключились и страны Запада. Были проведены девять раундов межтаджикских переговоров, в которых участвовали ООН и ОБСЕ.

В конечном итоге ситуация стабилизировалась, а ПИВТ, несмотря на то что являлась ядром ОТО, даже получила статус официально разрешенной партии. Таджикистан – единственная республика в регионе (и одна из немногих в мире), где в условиях светского режима официально разрешена деятельность исламской партии, которая даже представлена депутатами в национальном парламенте.

Далеко не все религиозные лидеры республики охвачены оппозиционными настроениями. Так, вполне лоялен действующей власти известный политик и религиозный деятель Ходжи Акбар Тураджонзода, который в годы гражданской войны занимал пост Кази-калона (Верховного судьи). В последнее время он выступает за более сбалансированный внешнеполитический курс Таджикистана, делая упор на необходимости упрочения связей с Россией. Тураджонзода стал одним из немногих религиозных деятелей, поддержавших воссоединение Крыма с Россией [25].

Ситуация в стране начала стремительно меняться в 2015 г. В конце августа Министерство юстиции Таджикистана в ультимативной форме потребовало от ПИВТ «прекратить свою незаконную деятельность». Соответствующее предписание исходило от министра юстиции республики Хакима Мирсайзоды. Формальным основанием стало то, что первичные организации ПИВТ прекратили свою деятельность на местах [21]. Одновременно была распространена информация, что лидер партии Мухиддин Кабири не собирается возвращаться в страну из-за угрозы физического устранения (М. Кабири возглавил ПИВТ в 2006 г. после того, как при не вполне проясненных обстоятельствах – ходили упорные слухи о его отравлении – в 2003 г. скоропостижно скончался основатель партии С.А. Нури).

Сам факт ликвидации ПИВТ можно оценивать по-разному. С одной стороны, власти республики, и прежде всего сторонник светской политической системы президент Э. Рахмон и его окружение, опасаются влияния радикального ислама, что можно считать вполне оправданным. С другой стороны, поскольку деятельность легальной исламской оппозиции всегда серьезно контролировалась властями, это лишало ПИВТ возможности действовать открыто и свободно в рамках закона, предоставляя дополнительные возможности для пропагандистской активности нелегальным радикальным течениям, с которыми ПИВТ боролась. Наибольших успехов агитация исламистов имела у молодежи, которая разочаровалась в легальных оппозиционных партиях наподобие ПИВТ, поскольку считала, что эта партия заигрывает с властью и не способна противостоять произволу административной машины с ее коррупцией и вседозволенностью. В целом закономерен вопрос: стоило ли в стране с исламскими традициями столь радикально решать проблему с партиями умеренной исламской ориентации? Впрочем, это ошибка не только Таджикистана; ее совершили и многие страны Запада, пытавшиеся резко изменить психологию выходцев с Востока, прикрываясь расплывчатой и не совсем понятной для последних концепцией мультикультурализма.

В конце августа 2015 г. офис ПИВТ в Душанбе был закрыт, а Верховный суд республики обнародовал заявление, в котором руководство партии обвинялось в подготовке государственного переворота [22]. Изначально можно было предугадать, что подобные действия будут иметь негативный результат и только подогреют набиравшее силу противостояние властей с оппозицией. Перед Таджикистаном замаячила угроза новой гражданской войны,

симптомы которой стали проявляться задолго до запрета ПИВТ и других религиозных партий.

Запрет ПИВТ не выглядел для ряда экспертов чем-то экстраординарным. Так, один из признанных в мире специалистов в исследовании ислама в Центральной Азии Ноа Такер отмечал, что «запрет ПИВТ и недавняя волна арестов являются прямым результатом долгосрочной стратегии, направленной на то, чтобы нивелировать все уступки, на которые были вынуждены пойти Рахмон и тогдашний лидер Народного фронта (ОТО. – *Д. М.*) при подписании мирного соглашения в 1997 году» [18].

В мае 2015 г. в Хороге (административном центре Горно-Бадахшанской автономной области – ГБАО) вспыхнули массовые беспорядки. ГБАО – это особый район Таджикистана. Местное население не идентифицирует себя с таджиками, а основную массу верующих составляют исмаилиты. И хотя почти в самом центре Душанбе находится культурный исмаилитский центр, построенный на средства духовного лидера исмаилитов принца Карима Ага-хана IV, отношение к представителям этого направления в исламе остается настороженным.

В начале сентября вспыхнул мятеж заместителя министра обороны республики генерала Абдухалима Мирзо Назарзоды. В свое время под именем Хаджи Халима он стал известен как один из полевых командиров ОТО и сторонник исламизации республики, выступал против Народного фронта, который возглавлял нынешний президент Таджикистана Э. Рахмон. После завершения гражданской войны был инкорпорирован в правоохранительные структуры Таджикистана по так называемой 30%-ной квоте.

Правительственным силам с трудом удалось подавить мятеж. Сначала генерал и его сторонники предприняли попытку захватить здание Министерства обороны республики (а это – практически центр Душанбе), затем укрылись в Рамитском ущелье и попытались установить контроль над ключевым центром республики – Вахдатом. Только через несколько недель с мятежом было покончено, а его лидер А. Назарзода (некоторые средства массовой информации прозвали его «кровавым генералом» [20]) ликвидирован.

В Министерстве обороны он занимался снабжением армии и обеспечением безопасности. Таким образом, на поверхность вышел существовавший внутри правящей элиты кризис, не говоря уже о том, что, только по официальным данным, в мятеже приняли участие не менее 135 десантников.

Власти Таджикистана прилагают немалые усилия, чтобы восстановить контроль над ситуацией, и смотрят с оптимизмом на решение проблем безопасности в своей стране и в регионе в целом. В декабре 2015 г. Э. Рахмон заявил, что Центральная Азия располагает ресурсами для решения любых социально-экономических проблем [33].

В то же время руководство Таджикистана не скрывает озабоченности относительно возможности ренессанса исламского экстремизма. Так, в марте 2016 г. правительство взяло под жесткий контроль выезд граждан Таджикистана за границу, дабы предотвратить попадание последних под влияние ИГ. Ведь, по официальным данным, к началу текущего года более 1 тыс. выходцев из Таджикистана вступили в ряды этой террористической организации и воюют в Сирии и Ираке [4].

С учетом огромной протяженности (1344 км) границы с Афганистаном сохраняется угроза проникновения в Таджикистан сторонников радикального ислама с его территории. В основном граница проходит по реке Пяндж и является относительно легко доступной. Эту проблему пытается решать совместная таджикско-афганская Комиссия по редемаркации государственной границы. Но, принимая во внимание этническую составляющую проблемы, а также ландшафт местности, ситуацию приходится признать далекой от преодоления [26]. Положение на границе продолжает оставаться напряженным. В марте и последующие месяцы 2016 г. предпринимались все новые попытки прорыва боевиков со стороны Афганистана [30]. Проблема осложняется еще тем, что многие граждане Таджикистана вербуются в ряды ИГ в России, где работают в качестве трудовых мигрантов [31]. И здесь особую важность представляет взаимодействие двух государств в противостоянии исламистской угрозе.

* * *

Ситуация как в Таджикистане, так и во всем регионе Центральной Азии остается напряженной, а исламский радикализм по-прежнему служит едва ли не основным фактором нестабильности. Насколько заинтересованные силы региона готовы объединить свои усилия для противодействия и преодоления этого чрезвычайно опасного явления, покажет время. Исламский радикализм наносит ущерб и государственным, и социальным, и культурным структурам всех стран Центральной Азии. Опыт Таджикистана

свидетельствует, что он может крайне негативно сказаться на жизни целого народа.

Пока республика демонстрирует пример стойкого противостояния внутреннему и внешнему экстремизму. Не последнюю роль играет тот факт, что Таджикистан является участником таких авторитетных международных организаций, как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Конечно, подобные структуры не являются панацеей от угрозы радикального ислама и расширения его влияния на социально-политическую ситуацию в стране и в регионе, но одним из весомых факторов поддержания стабильности они остаются. Залогом безопасного развития региона является и сохранение внешнеполитического баланса, который позволяет использовать влияние и возможности внешних игроков (прежде всего РФ, КНР, ряда международных организаций), которые, как и народы Центральной Азии, заинтересованы в минимизации масштабов деятельности религиозных радикалов, борьбе со структурами международного терроризма. До тех пор пока в Центральной Азии сохраняется статус-кво, многие проблемы, в том числе и противодействие исламскому экстремизму, могут успешно решаться.

Литература

1. Амин С. Анализ Баткенских событий 1999–2000 гг. – http://easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/2013/05/14/analiz-batkenskikh-sobytii (Дата обращения: 31.05.2016.)
2. Брат из Моленбека. – http://www.gazeta.ru/social/2016/03/18/8131271.shtml (Дата обращения: 31.05.2016.)
3. В Афганистане боевики закрепляются на территориях, граничащих с Туркменистаном и Таджикистаном, – спецпредставитель президента РФ. – http://www.ca-news.org/print:1182745/ (Дата обращения: 31.06.2016.)
4. В Таджикистане взяли под жесткий контроль зарубежные поездки граждан, опасаясь их присоединения к ИГ. – http://www.ca-news.org/news:1181096 (Дата обращения: 31.06.2016.)
5. Вильковски Д.Н. Арабо-исламские организации в современном Казахстане: Внешнее влияние на исламское возрождение. – Астана; Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2014.
6. Владимиров А. Новая орда. – http://vpk-news.ru/articles/28151 (Дата обращения: 31.05.2016.)
7. Востоковед: Теракты в Европе будут еще страшнее. – http://nsn.fm/incident/ekspert-eslipryamoseychas-ne-usilit-bezopasnost-terakty-v-evrope-budut-eshchye-strashnee.php (Дата обращения: 31.05.2016.)

8. Вызовы безопасности в Центральной Азии. Сборник. – М., 2013.
9. Гулрухсор М. Кланы и ценности в Таджикистане. – http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1371104640 (Дата обращения: 31.05.2016.)
10. Звягельская И. Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. – М.: Аспект Пресс, 2009.
11. Исламский фактор в ЦА: Гипотетическая или реальная угроза? – http://www.centrasia.ru/news.php?st=1144048140 (Дата обращения: 31.06.2016.)
12. Исламское государство: история с начала. – http://www.bbc.com/russian/international/2016/03/160311_is_full_story (Дата обращения: 31.05.2016.)
13. Как устроено «Исламское государство»: Истоки, цели, финансы. – http://www.bbc.com/russian/international/2015/11/151117_islamic_state_roots_money_religion (Дата обращения: 31.05.2016.)
14. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). – М.: ИВ РАН, 2015.
15. Коростиков М. В Афганистане начинается сезон войны. – http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1460530140
16. Малышев Д. Превентивная дипломатия ООН в Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2010. – № 2.
17. Нападения и взрывы в Париже: Крупнейший теракт в истории Франции. – http://ria.ru/world/20151114/1320235453.html (Дата обращения: 31.05.2016.)
18. Ноа Такер: Ислам и политический процесс в Центральной Азии. – http://caa-network.org/archives/5528 (Дата обращения: 31.05.2016.)
19. Откровения супруги первого президента. – http://news.tj/ru/node/206832 (Дата обращения: 31.05.2016.)
20. Охота за «кровавым генералом»: В Ромитском ущелье идет спецоперация. – http://www.vesti.ru/doc.html?id=2660556 (Дата обращения: 31.05.2016.)
21. Партии исламского возрождения Таджикистана дан 10-дневный срок на рассмотрение вопроса о самоликвидации партии. – http://ca-news.org/print:1160098/ (Дата обращения: 31.05.2016.)
22. ПИВТ вне закона: В Таджикистане оценивают последствия. – http://dw.com/p/1Gg0l (Дата обращения: 31.06.2016.)
23. Рахматуллаев Э. Миротворчество ООН в Таджикистане и перспективы превентивной дипломатии в Центральной Азии. – М., 2001.
24. Султанов Б. Угрозы дестабилизации в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. I (XXX).
25. Таджикский богослов: Россия правильно поступила с Крымом. – http://www.bbc.com/russian/international/2014/05/140510_dushanbe_support_russia_ukraine (Дата обращения: 31.05.2016.)
26. Таджикско-афганская государственная граница. – http://mfa.tj/ru/pogranichnie-voprosi/tadzhikistan-afganistan-granitsa.html
27. Теракт в Пакистане: Количество жертв растет. – http://korrespondent.net/world/3658217terakt-v-pakystane-kolychestvo-zhertv-rastet (Дата обращения: 31.05.2016.)
28. Терроризм в Центральной Азии. – http://www.ekstremizm.ru/baza-znaniy/item/53-terrorizm-vcentralnoyazii (Дата обращения: 31.06.2016.)

29. Фараджирад А., Хансари Д., Радмехр З., Дархор М. Афганский терроризм и нестабильность в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2012. – № 3.
30. Фоторепортаж с места инцидента на таджикско-афганской границе. – http://www.ca-news.org/print:1182949/ (Дата обращения: 31.05.2016.)
31. Экс-боевик ИГ из Таджикистана Бободжон Карабоев: «Мы были пушечным мясом». – http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1459530300 (Дата обращения: 31.06.2016.)
32. Эксперт: Не стоит преувеличивать возможности ИГ в Средней Азии. – http://regnum.ru/news/polit/1945268.html (Дата обращения: 31.06.2016.)
33. Э. Рахмон: Центральная Азия располагает ресурсами для решения любых социально-экономических проблем. – http://www.avesta.tj/goverment/37266-erahmon-centralnaya-aziyaraspolagaetresursami-dlya-resheniya-lyubyh-socialno-ekonomicheskih-problem.html (Дата обращения: 31.06.2016.)

«Свободная мысль»,
М., 2016 г., № 4 (1658), с. 181–192.

Д. Попов,
кандидат юридических наук,
руководитель Уральского регионального
информационно-аналитического центра
Российского института
стратегических исследований (г. Екатеринбург)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США. ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЕ ЛОББИ В ВАШИНГТОНЕ*

В настоящее время многие страны, ранее входившие в СССР, негласно продвигают свои интересы в США через систему легализованных там лоббистских организаций.

Иностранные правительства при этом нередко используют «бреши» в американском законодательстве. Они предпочитают нанимать лоббистов в США не напрямую, а через посредников в лице неправительственных организаций, торговых палат, адвокатских групп и иных подобных структур, зарегистрированных в третьих странах, в частности в Европе. При помощи этой комбинации им удается юридически обойти требования закона США о регистрации иностранных агентов 1938 г. (FARA), предписы-

* Раздел монографии «Попов Д.С. Центральная Азия во внешней политике США. 1991–2016 гг. – М.: РИСИ, 2016. – 247 с.: ил». С. 189–195.

вающего детально отчитываться перед Минюстом США о целях и содержании действий иностранных резидентов в Америке. Посредническая же схема подпадает под более «мягкий» акт о регулировании лоббистской деятельности (LDA) 1995 г. и по сути предоставляет зарубежным заказчикам возможность маскировать свою причастность к вашингтонской политике.

В этой связи не удивляет, что о лоббистских усилиях центральноазиатских государств известно немного. Впрочем, понятно, что наиболее реальными возможностями для этого обладают элиты и бизнес Узбекистана и Казахстана.

Как известно из западной печати, дочь узбекского лидера Гульнара Каримова до того, как утратила расположение отца, уделяла особое внимание продвижению в США собственного имиджа, а вместе с ним и своей коллекции одежды. Сотрудничество с партнерами в Америке осуществлялось через представительство фонда «Форум культуры и искусства Узбекистана», попечительский совет которого возглавляла сама Г. Каримова. Этот фонд существовал в 2004–2013 гг. и тогда был, возможно, крупнейшей узбекской неправительственной организацией с уполномоченными в Москве, Пекине, Токио, Париже, Берлине, Лондоне и других городах. В Нью-Йорке ее представлял первый секретарь узбекской миссии при ООН Ашраф Ходжаев [579]. В США фонд пользовался услугами Atlas International Partners и среди прочего спонсировал выезды в Узбекистан американских блогеров, включая пишущих о внешней политике [580].

После кризиса в американо-узбекских отношениях 2005–2008 гг. задача восстановления контактов с руководством США была возложена на посла Узбекистана в Вашингтоне Абдулазиза Камилова. Значительное содействие ему в работе с Сенатом и органами исполнительной власти США оказала местная община бухарских евреев. Позже, в сентябре 2011 г., А. Камилов в соответствии с указом Ислама Каримова вручил президенту Конгресса бухарских евреев США и Канады Борису Кандову памятный знак и личное письмо главы Узбекистана за «огромный вклад в развитие узбекско-американских отношений» [581]. В 2010 г. А. Камилов вернулся на родину уже в статусе первого заместителя министра иностранных дел, а в январе 2012 г. возглавил внешнеполитическое ведомство Узбекистана.

На поле политического лоббизма были замечены и противники узбекского руководства. В течение 2008–2010 гг. правовая фирма Maynard, Cooper & Gale получила от оппозиционной

коалиции «Солнечный Узбекистан» почти 800 тыс. долл. [582]. Лидер коалиции Санджар Умаров известен благодаря жесткой критике действий узбекских властей в Андижане. В 2009 г. под давлением Запада он был освобожден из мест заключения в РУ и переехал в США.

Но всё же наиболее активно среди республик ЦА лоббирует национальные интересы в американских инстанциях Казахстан. Причем лобби в США во многом создавалось Астаной, исходя из опасений, что Вашингтон поддержит одного из известных политических противников президента Н. Назарбаева – его бывшего зятя Рахата Алиева.

Вынужденный в 2008 г. покинуть Казахстан Р. Алиев, действуя через австрийскую компанию Speedy Funk Film, нанял небольшую американскую лоббистскую фирму RJI Government Strategies [583] с целью продвижения своей позиции в официальных кругах США и оказания через них давления на Астану. Также он обратился к ряду юридических и консультативных американских компаний, таких как Baker and Hostetler, Ashcroft Group, and Kroll Inc. По мнению представителей правительства Казахстана, конечной целью действий Р. Алиева являлось создание образа диссидента в США, получение здесь политического убежища и продолжение борьбы за власть в РК с помощью Вашингтона [584].

Дополнительно Р. Алиев стремился привлечь потенциал американской судебной и политической системы для возврата активов, реквизированных властями республики после обострения его отношений с Н. Назарбаевым. С этой целью была инициирована серия арбитражных разбирательств в Европе, где Р. Алиев объединил усилия с братьями Девинчи (гражданами США) и Иссамом Хурани (гражданином Великобритании). Последние состояли в родстве с беглым политиком (Иссам Хурани женат на сестре Р. Алиева) и ранее были ключевыми партнерами по бизнесу в Казахстане.

Крупнейшим арбитражным разбирательством группы «Алиев – Хурани» в Европе стал иск на сумму 1,2 млрд долл. [585], поданный против Казахстана принадлежащей г-ну Девинчи Хурани компанией Caratube International Oil Company (CIOC) в Международный центр урегулирования инвестиционных споров при Всемирном банке. Поводом к нему стало расторжение в январе 2008 г. правительством республики контракта с CIOC на разведку и добычу углеводородов на нефтяном месторождении Каратюбе в Актюбинской области.

Параллельно активизировали свою работу нанятые Р. Алиевым лоббисты в Вашингтоне. По сведениям газеты New York Times, RJI Government Strategies направила предложения о сотрудничестве почти двум десяткам конгрессменов США, включая тогдашнего председателя Комитета по международным делам Палаты представителей Ховарда Бермана. Были инициированы по меньшей мере пять заявлений членов Конгресса с критикой Казахстана, в которых Р. Алиев представлялся жертвой режима [586]. В одном из них, от 5 марта 2009 г., член Палаты представителей из Нью-Йорка Адольфус Таунс поставил под сомнение обоснованность предстоящего в 2010 г. председательства Казахстана в ОБСЕ [587]. В США были обнародованы документы о получении взяток президентом Н. Назарбаевым от американских нефтяных компаний при распределении лицензий на добычу углеводородов. Часть материалов через юридическую контору Baker and Hostetler направлены в различные правоохранительные структуры, включая офис окружного прокурора Нью-Йорка Роберта Моргентау и ФБР. Как считают в Астане, заказной характер, нацеленный на дискредитацию властей республики, носили и некоторые публикации о Казахстане ведущих американских СМИ, в том числе Wall Street Journal и Washington Times [588].

Происходящее в США чрезвычайно встревожило руководство Казахстана, которое опасалось, что американская администрация может пойти на политическое сотрудничество с Рахатом Алиевым. Если верить дипломатическим депешам, опубликованным WikiLeaks, в декабре 2008 г. глава администрации президента РК Аслан Мусин прямо высказал соответствующие подозрения послу США в Казахстане Ричарду Хоугланду [589]. В августе 2009 г. свою обеспокоенность до американского представителя довел уже госсекретарь Казахстана Канат Саудабаев, подчеркнув, что предоставление убежища Р. Алиеву в США будет иметь катастрофические последствия для двусторонних отношений [590]. Реакция посла Р. Хоугланда сводилась к тому, что правительство США не устанавливало и не имеет намерений устанавливать какие-либо контакты с господином Р. Алиевым [591]. В свою очередь, Государственному департаменту посольство США в Астане рекомендовало предпринять меры, исключающие втягивание американской администрации в «дело Алиева», которое президент Н. Назарбаев воспринимает как «вопрос жизни и смерти» [592]. Самого опального политика, по оценке американских дипломатов, неверно считать «золотым мальчиком демократии», учитывая его

прямую причастность к масштабным коррупционным схемам в период нахождения у власти [593].

Предупреждением американских партнеров по дипломатическим каналам ответные меры Астаны не ограничились. В 2008 г. Казахстан нанял в США своих лоббистов, выделив для начала трем местным фирмам 3,7 млн долл. на три года [594]. Среди прочих интересы республики согласилась представлять одна из крупнейших частных PR-компаний в США APCO Worldwide, в чью команду входила Элизабет Джонс – посол США в РК в 1995–1997 гг. APCO Worldwide помогла создать в Конгрессе парламентскую группу «Друзей Казахстана». В эту группу, например, вошел республиканец и один из богатейших американских депутатов Даррелл Исса, который в июле 2008 г. совместно с демократом Чарльзом Маланконом выступил с предложением выдвинуть Н. Назарбаева на Нобелевскую премию мира за вклад в ядерную безопасность [595] (Р. Алиев называл премию давней тайной мечтой президента) [596]. Согласно данным, озвученным в ходе последующих судебных разбирательств по делу «Хурани – Миртчев», по поручению Н. Назарбаева якобы был создан специальный фонд для осуществления денежных выплат «Друзьям Казахстана».

Другим проводником интересов руководства республики в США стала небольшая вашингтонская фирма Policy Impact Communications, которая в конце 2009 г. в сотрудничестве с посольством Казахстана содействовала созданию в Конгрессе еще одной лояльной Астане парламентской группы под названием «Центральноазиатский Кокус». Это объединение, торжественно открытое в начале 2010 г. в присутствии помощника госсекретаря по делам Южной и Центральной Азии Роберта Блейка, возглавили демократ от Американского Самоа Эни Фалеомаваега и республиканец от Калифорнии Бэк Маккеон. Позже к числу консультантов внешнеполитического ведомства РК в Соединенных Штатах примкнула BGR Holdings.

Лоббисты обеспечили ряд позитивных заявлений членов Конгресса, посвященных успехам Казахстана, что было важно для президента Н. Назарбаева, репутация которого пострадала в связи с опубликованием в России и Германии в 2009 г. книги разоблачений Р. Алиева «Крестный тесть». Улучшения имиджа республики требовало и запланированное в 2010 г. председательство Казахстана в ОБСЕ, в поддержку которого, например, выступила член Комитета по международным делам от Невады и сопредседатель

группы «Друзей Казахстана» в Палате представителей Шелли Беркли [597].

Положительные доклады о Казахстане выпустили несколько авторитетных американских аналитических институтов, специализирующихся на Центральной Азии, включая университет Джона Хопкинса и Центр стратегических и международных исследований, в течение трех лет получившие от республики 350 тыс. долл. [598]. В феврале 2013 г. при утверждении министром обороны Чака Хейгла республиканцы в Сенате выдвинули возражения против его кандидатуры на том основании, что он наряду с другими аналитическими центрами также имел «порочащие» финансовые связи с Казахстаном, будучи руководителем Атлантического совета [599]. Дополнительно казахстанскими дипломатами проведена работа по созданию Американо-казахстанской правовой ассоциации (U.S.– Kazakhstan Legal Association). В результате посольству РК в Вашингтоне совместно с наемными консультантами во многом удалось нейтрализовать последствия лоббистских начинаний Рахата Алиева и братьев Хурани, что, вероятно, и вынудило последних скорректировать стратегию и обратиться в суд.

В сентябре 2010 г. братья Девинчи и Иссам Хурани направили в суд округа Колумбия иск против ключевого лоббиста интересов Казахстана в США, американского гражданина Александра Миртчева. Заявители обвинили его в сговоре с президентом Н. Назарбаевым и его дочерью Даригой с целью отъема их бизнеса в республике и потребовали компенсации в размере 2 млрд долл. В частности, в иске утверждалось, будто Дарига Назарбаева заплатила А. Миртчеву за то, чтобы тот помог принудить братьев Хурани отписать акции в двух казахстанских медиакомпаниях KTK Television и Alma Media [600].

Суд оказался хорошей возможностью привлечь внимание общественности и обнародовать новую партию, дискредитирующих казахстанские власти материалов. Так, обвинение во многом основывалось на конфиденциальных документах правительства Казахстана, включая письмо от 26 ноября 2010 г., якобы направленное Н. Назарбаеву послом РК в США Ерланом Идрисовым (с сентября 2012 г. министр иностранных дел). В письме Е. Идрисов сообщал, что по поручению главы государства посольство совместно с независимым членом совета директоров госхолдинга Самрук Казына Александром Миртчевым разработало план действий по дискредитации преступной группы «Алиев – братья Хурани». Для этого ими создан клуб «Друзей Казахстана» и организо-

ван сбор информации о противнике через бывшего помощника министра обороны США в администрации Рейгана Ричарда Перла – известного идеолога неоконсерватизма и представителя израильского лобби. Как утверждалось в письме, по предложению посольства, Комитет национальной безопасности Казахстана возбудил против Р. Алиева и Хурани ряд уголовных дел по обвинению в «отмывании» денег, добытых преступным путем, и связях с террористическими организациями. Запросы, направленные в рамках этих уголовных дел в Европу и США, должны были лишить их возможности свободно перемещаться, помочь отследить активы группы и воспрепятствовать дальнейшему финансированию ею адвокатов и лоббистов в США [601]. Сам посол Е. Идрисов назвал данное письмо «очевидной фальсификацией» [602]. На подлоге настаивали и адвокаты А. Миртчева в ходе процесса в Вашингтоне.

В мае 2013 г. федеральный суд округа Колумбия отклонил претензии братьев Хурани к А. Миртчеву и лишил их права на подачу в США аналогичного иска в дальнейшем [603] в качестве меры против злоупотребления американской правовой системой. Судебное поражение братьев Хурани и косвенно Р. Алиева в Вашингтоне последовало за их неудачей в Париже, где в июне 2012 г. арбитраж при Всемирном банке отклонил требования Caratube International Oil Company к РК. Еще через год Рахат Алиев был задержан по запросу Казахстана в Вене, где в феврале 2015 г. был найден повешенным в одиночной камере австрийской тюрьмы.

Одним из результатов противоборства властей Казахстана и Р. Алиева стало то, что республика в сравнении с другими странами ЦА наиболее интенсивно лоббирует свои интересы в США. Остальные центральноазиатские государства, а также аффилированные с ними коммерческие структуры если и прибегают к услугам заокеанских консультантов и пиар-менеджеров, то в меньших масштабах. Известно, в частности, о сотрудничестве Генеральной прокуратуры Киргизии с юридической фирмой Akin Gump Strauss Hauer & Feld по правовым вопросам и о продвижении оспариваемой Ташкентом идеи строительства в Таджикистане Рогунской ГЭС силами алюминиевой компании ТАЛКО, которая в 2013 г. выплатила лоббистам вашингтонской организации Fabiani & Company 600 тыс. долл. [604].

В целом же последствия деятельности американских лоббистских групп в интересах среднеазиатских стран не сопоставимы со встречным влиянием институтов «мягкой силы», развернутых

в регионе правительством США. Однако, принимая во внимание свойства американской политической системы, можно утверждать, что и они вносят иногда заметные коррективы в двусторонние отношения, в том числе потенциально могли стать причиной острого конфликта Вашингтона и Астаны вокруг «дела Алиева».

Попов Д.С. «Центральная Азия
во внешней политике США. 1991–2016 гг.»,
М.: РИСИ, 2016 г., с. 189–195.

О. Кобзева,
доктор исторических наук,
и. о. профессора (Национальный
университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека)

ИСТОРИЯ ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ИЗУЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ УЗБЕКИСТАНЕ

Республика Узбекистан является многонациональным государством, в котором проживают более 130 наций и национальностей, принадлежащих к 16 различным религиозным конфессиям.

В Узбекистане особое внимание уделяется осуществлению гражданами прав и свободы вероисповедания, что особенно подчеркнуто в Конституции Республики Узбекистан[1], свободы получения религиозного образования, проведению благотворительной деятельности, организации паломничеств, упрочению сотрудничества и мирного сосуществования представителей всех религиозных конфессий, имеющих одинаковые права и равных перед законом.

В настоящее время на территории Республики Узбекистан функционируют Управление мусульман Узбекистана, Казият мусульман Каракалпакистана, Ташкентский исламский университет, 10 медресе и 2035 мечетей[2].

Управление мусульман Узбекистана является республиканским органом управления мусульманских организаций, которое занимается духовным объединением всех мусульман, оказанием

[1] Конституция Республики Узбекистан. – Ташкент: Узбекистан, 2012.

[2] См.: Хаким Абдулло Рахнамо. Преподавание ислама в высших учебных заведениях Центральной Азии: Современное состояние, проблемы и перспективы // Изучение и преподавание ислама в Евразии: сб. статей / Отв. ред. М.С. Мейер. – М.: Ключ-С, 2010. – С. 236–265.

духовной поддержки и благотворительности всем гражданам республики.

Управление мусульман Узбекистана имеет свои печатные органы – газету «Ислом нури», издающуюся 2 раза в месяц, ежемесячный журнал «Хидоят» и специальное издательство «Мавераннахр».

Исламской религии в Узбекистане пришлось пережить различные этапы развития: расцвет в эпоху мусульманского ренессанса и в период правления Амира Темура и Темуридов, период использования правящей верхушкой в своих целях, в позднем Средневековье, насилие и запреты в советское время и, наконец, возрождение в годы независимости.

Ислам, начавший распространяться в Мавераннахре во второй половине VII в., синкретизировал здесь с древнейшим очагом мировой культуры. Быстрое распространение ислама в междуречье Амударьи и Сырдарьи способствовало активному приобщению народов региона к развитию мировой цивилизации. Ведь на обширной территории Арабского халифата в относительно короткие исторические сроки происходит расцвет не только богословских наук, связанных с исламом, но и бурное развитие всех гуманитарных и естественных отраслей знания – философии, логики, математики, медицины, астрономии, географии, филологических наук. Благодаря исламу народы огромного региона получили общее право, общую систему письма, общее средство общения – язык Корана.

«Исламизация не привела к обезличиванию традиционной среднеазиатской культуры, образовавшаяся новая мусульманская культура носила черты как традиционно среднеазиатской, так и арабской культуры.

Благодаря этому культурному синтезу Мавераннахр внес в сокровищницу мусульманской культуры выдающийся, непревзойденный вклад в области науки, поэзии, архитектуры, общественно-политической мысли»[1].

Крупнейший австрийский востоковед Г.Э. фон Грюнебаум отмечал: «Не физическое господство, а культурная мощь нового учения, не возникновение его в определенном географическом

[1] Аллахшукюр Паша-заде (шейх уль-ислам). Вклад Узбекистана в развитие мусульманской культуры // Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации. – Ташкент; Самарканд: Изд-во РНПЦ им. Имама Бухари, 2007. – С. 28–29.

и интеллектуальном регионе, но имманентный ему универсализм были решающими факторами его развития»[1].

В Центральной Азии формируются единая мусульманская культура, менталитет, единые школы в каллиграфии, искусстве миниатюр, книжного дела, укрепляются учение единой для всего региона богословско-правовой школы (ханафитский мазхаб), концепции суфийских братств (йасавийа, накшбандийа, кубравийа).

Суфизм (тасаввуф) – от арабского слова «суф» – шерсть – мистико-аскетическое течение в исламе, возникшее в рамках суннизма в VIII–IX вв. и окончательно сформировавшееся в X–XII вв. в самостоятельное религиозно-философское учение, не представляет собой единого целого, поскольку существует в виде отдельных братств (тарикат).

Суфизм является неотъемлемой частью ислама, и не существует иного суфизма, кроме исламского. Суфизм – это путь очищения души (нафс) от скверных качеств и привития похвальных качеств духу (рух). Этот путь мюрид («ищущий», «жаждущий») проходит под руководством муршида («духовного наставника»), уже дошедшего до конца пути и получившего от своего муршида разрешение (иджаза) на наставничество. Такой муршид (суфийский шейх, устаз) является частью цепочки шейхов, которая восходит к Пророку. Суфизм является живой практикой ислама. Всё противоречащее шариату не является суфизмом.

Отличительными особенностями суфизма являются: проповедь бедности – факр; утверждение призрачности окружающего мира – аш-шабах; отказ от мирского, отшельничество – зухд; экстатические обряды (сама) – «танцы дервишей» (кружение с бесчисленным поминанием имени Аллаха – зикр); безмолвная молитва – тафаккур; полагание на волю Аллаха – таввакуль; аллегорическое толкование Корана – тавиль.

Распространение суфизма на территории Узбекистана связано с именами таких религиозных мыслителей Мавераннахра, как Хаким Термези, Абу Халик Гиждувани и Ахмад Яссави. Первоначально учение суфизма распространялось в городах[2].

В основе суфийского учения лежит стремление к совершенствованию связи между человеком и божеством. Для этого

---

[1] Грюнебаум Г.Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600–1258). – М., 1986. – С. 13.

[2] См.: Бертельс Е.Э. Происхождение суфизма и зарождение суфийской литературы. – М.: Наука, 1965.

в каждом дыхании человека должно быть сознание, ум, в каждом шаге – внимание. Применялись специальные приемы медитации (зикр) с целью постижения Бога.

Учение суфизма широко распространялось в Туркестане и Мавераннахре, появились его различные направления. В XII в. в Туркестане родилось учение «Яссавия», в конце XII в. в Хорезме – «Кубравия», в XIV в. в Бухаре – «Накшбандия».

Основателем учения «Яссавия» был поэт Ахмад Яссави. Основы учения даны в знаменитом «Диване хикматов» – уникальном памятнике средневековой тюркоязычной литературы, где Яссави стихами изложил собственные философские взгляды на волнующие суфиев вопросы. Яссави, хорошо знавший общественные порядки своего времени, жизнь дехкан и ремесленников, пропагандировал ислам и шариат, а также главную идею суфизма – совершенствование человека с помощью просвещения и путь для достижения совершенства – справедливость. Ахмад Яссави считал, что без соблюдения шариата не может быть совершенствования, без соблюдения шариата не может быть образования, без образования не может быть справедливости, причем одно дополняет другое. Эти четыре этапа пути к прогрессу и составляют сущность жизни и деятельности суфия. Яссави выдвинул идею о том, что подлинный путь к совершенству лежит через аскетизм и отречение от земных наслаждений. Совершенства достигнет лишь тот, кто может отказаться от удовольствий, переносит лишения на пути к послушанию, самоотверженно трудится. И хотя по учению «Яссавия» пропагандируется отречение от мира, подчеркивается, что ценность человека выше материальных благ и государства.

Другим известным представителем суфизма был Наджм ад-дин Кубра (1145–1221). В Хорезме он основал суфийскую школу и положил начало учению «Кубравия». В книгах «Благоухание лица и владельцы совершенства», «Десять законов и правил» Кубра развил собственные взгляды на проблемы суфизма. Основу учения «Кубравия» составляют десять правил, среди которых есть отречение от благ (зухр), путь к божеству (таваккал), поиск совершенства (мураками) и хождение в народ (ридо). Учение «Кубравия» отличается от учения «Яссавия» тем, что отрицает аскетизм. Кубра выдвинул идею о том, что в процессе кропотливого труда, ведущего к совершенству, вовсе не возбраняется пользоваться жизненными благами и наслаждениями. В учении «Кубравия» есть огромная любовь к народу, оно призывает защищать Родину и бороться за ее независимость. Наджм ад-дин Кубра

личным примером продемонстрировал своим последователям идеалы своего учения. Когда в 1221 г. монгольские орды во главе с Чингизханом напали на Хорезм, Наджм ад-дин Кубра вместе со своими учениками с оружием в руках, как и всё население Гурганджа, участвовал в боях против захватчиков. В жестоком сражении, происходившем внутри городских стен, шейх погиб[1].

В XIV в. суфизм получил свое дальнейшее развитие. В Мавераннахре появилось учение «Накшбандия». Его основателем был Баха ад-дин Накшбанд. Настоящее имя шейха – Мухаммад ибн Бурхан ад-дин ал-Бухари. Он родился в 1318 г. в кишлаке Касри Хиндуван вблизи Бухары в семье ремесленника-накшбанда, занимавшегося нанесением рисунка на ткани. В детстве шейх обучился ремеслу своего отца. Учение суфиев он постигал у известных наставников своего времени: Ходжи Мухаммада Бобо Самаси и Амира Сейида Кулала.

Баха ад-дин Накшбанд в трудах «Хайат-наме» (Жизнеописание), «Далил ал-ашикин» заложил основы собственного учения, которое известно под названием «Накшбандия». Это суфийское учение широко распространилось в Мавераннахре, Хорасане и Хорезме. В основе учения Баха ад-дина лежит идея о достижении духовного совершенства путем труда и богослужения. Последователи учения призывали к чистоте, трудолюбию, помощи нуждающимся, к чистосердечию и скромности. Слова Баха ад-дина «душа – Богу, руки – труду» отображают характерную особенность учения «Накшбандия». Оно отрицает отрешение от мира, пропагандируя трудолюбие, образованность, справедливость. В дальнейшем в учение «Накшбандия» большой вклад внесли Ходжа Ахрар, Абу ар-Рахман Джами, Алишер Навои. Таким образом, суфизм был неразрывно связан с духовной жизнью населения Средней Азии, Мавераннахра, Узбекистана.

Лидеры суфийских тарикатов способствовали стабилизации городской жизни, пытались предотвращать междоусобицы, наносившие большой вред торговле и ремеслу, призывали к единству. Представители братства накшбандия, например, считали, что богатство необходимо для спасения мира, что обеспеченный человек имеет больше возможностей творить добро. Богатство для них было не самоцелью, не наживой. Это был труд, тяжелый, повседневный, приносящий пользу. Они говорили, что суфий не должен

[1] См.: Ариф Усман. Крупнейшие суфийские братства Центральной Азии. – Самарканд, 1999.

испытывать чувство собственности к богатству, материальным благам, он должен оставаться скромным, честным, чистым, все помыслы его должны быть обращены к Богу.

Знаменитый Ходжа Ахрар и многие другие суфии вошли в историю как крупнейшие меценаты своей эпохи.

Большую роль в развитии торговли Средней Азии в XVI–XVII вв. сыграли джуйбарские шейхи: Мухаммад Ислам (1439–1563), Ходжа Саъад (1532–1589), Ходжа Таджиддин Хасан (1574–1646), Ходжа Абдурахим (1575–1628) – все они в свое время возглавляли самое знаменитое среднеазиатское братство – Накшбандия. Во второй половине XVI в., во время правления династии Шейбанидов, Ходжа Мухаммад Ислам Джуйбари и его сын Ходжа Саъад были шейх-ульисламами Бухары. При Аштарханидах шейх-уль-исламом были Бакир-ходжа и Хашим-ходжа Джуйбари, муфтием Хабибуллах-ходжа Джуйбари. Все они принимали участие в торговых операциях, снаряжали торгово-посольские караваны в соседние страны и регионы (Москву, Казань, Поволжье, Кашгар)[1].

Деятельность видных суфийских шейхов была направлена на улучшение социально-экономической обстановки, способствовала формированию толерантности, культурному и духовному взаимообогащению народов Средней Азии и соседних стран.

Как видно из вышесказанного, большинство суфийских идей актуально и сегодня и может способствовать развитию и процветанию светского общества.

В период независимости священные места в Узбекистане, связанные с именами видных представителей суфизма, были восстановлены и приобрели символическое значение.

Из суфийских групп современного Узбекистана структурно наиболее организованы Накшбандийские линии. Такая организация – древняя традиция: примерно с середины XV в. основные линии этого тариката имели довольно жесткую «пирамидальную» структуру, при которой все члены какой-либо региональной ветви тариката признавали главенство наиболее старшего и опытного шейха (шайх-и пейшва, или пир-и аввал). Теперь, когда деятельность Накшбандия на территории Узбекистана возрождается,

[1] См.: Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации: Сб. тезисов докладов конф., посвящ. объявлению ISESCO г. Ташкента столицей исламской культуры 2007 года. – Ташкент; Самарканд: Изд-во РНПЦ им. Имама Бухари, 2007. – 496 с.

заодно восстанавливаются традиционные структурно-организационные принципы тариката, по крайней мере тех ее ветвей, которые продолжают местные силсила.

Первая ветвь образовалась после визита в Узбекистан пакистанского шейха Зу-л-Фикара Накшбанди-Муджадиди, решившего совершить паломничество к мазарам знаменитых первоучителей тариката Хваджаган, Накшбандия. Здесь он провел беседы с несколькими представителями местной интеллигенции (в основном это были журналисты и литераторы). Они изъявили желание стать мюридами шейха Зу-л-Фикара. Представителей этой линии в Узбекистане очень мало и действуют они в основном в Бухаре. Они придерживаются молчаливого, внутреннего зикра (хафи). Связь узбекистанских мюридов с шейхом Зу-л-Фикаром довольно слабая, а языковый барьер не способствует полноценному обучению.

Вторая ветвь Накшбандия–Муджаддидия появилась в Узбекистане не более десяти лет назад. Ее основали некоторые мюриды знаменитого шейха из Турции Ахмада Эфенди. Сейчас они особенно активны в Андижане.

И наконец, третья, наиболее многочисленная накшбандийская ветвь в современном Узбекистане – это линия Муджаддидия-Хусайния. Первая часть этого эпонима, т.е. «Муджаддидия», происходит, как известно, от почетного титула индийского накшбандийского шейха Ахмада Сирхинди (ум. в 1624 г.), которого современники называли «Муджаддад алф ас-сани» – «обновитель второго тысячелетия». Второй компонент «Хусайния» произошел от имени знаменитого Накшбанди-Муджаддидийского шейха первой половины XIX в. Халифа Хусайна.

В советское время шейху Эшону Бобо и его ученику Кори Абдаллаху удалось обучить несколько учеников, которые в настоящее время имеют уже множество своих мюридов в городских и провинциальных центрах Ферганской долины, в Ташкенте, Джизаке и других городах Узбекистана, Таджикистана и даже России.

Среди их последователей в настоящее время самым заслуженным и авторитетным преемником считается Хазмат Ишан Ибрахим из Коканда. Право самого выдающегося и эрудированного лидера признают за ним все члены тариката. Количество мюридов Ибрахим шейха в настоящее время достигает около 1 тыс. человек. Еще больше число тех, кто считает себя его мухлисами, т.е. почитателями, но не является членом тариката. Их точное количество назвать трудно, хотя во многих городах и селах Ферганской

долины или Ташкента возможно найдутся сотни его почитателей. Социальный состав его мюридов и мухлисов очень разнообразен. Это – большей частью простые люди, мелкие и средние торговцы, учителя, студенты медресе, представители духовенства, реже – рабочие средних и крупных предприятий разных национальностей (узбеки, таджики, киргизы, татары, чуваши и принявшие ислам русские). Правда, поскольку Ибрахим шейх ведет свою деятельность в основном в городах Ферганской долины, большее количество его мюридов и мухлисов составляют узбеки.

Можно отметить некоторые отличия в составе адептов современных Накшбандия и Яссавия: первые из них полинациональны, а вторые – в основном мононациональны и состоят преимущественно из узбеков. К тому же Накшбандия более популярно, а потому многочисленнее, чем Яссавия.

Фактически сейчас мы можем наблюдать в Узбекистане процесс возрождения суфизма, который повторяет некоторые этапы процесса многовековой эволюции этого учения, но, конечно, в новых условиях и в более кратких хронологических рамках[1].

В Узбекистане с 90-х годов XX в. наблюдается возврат к богатому исламскому наследию Центральной Азии.

У мусульман Узбекистана появилась возможность присоединиться к мировому исламскому сообществу, установить культурные, политические, религиозные контакты, учиться в престижных мусульманских центрах и университетах, совершать паломничество (хадж) в Мекку.

В Узбекистане было построено большое количество новых культовых сооружений (в том числе два для женщин, в Ташкенте и Бухаре), отреставрированы старинные медресе, мазары и т.д., открылись новые религиозные центры и институты.

В 1999 г. был создан Ташкентский исламский университет, призванный сформировать новое поколение исламских ученых, распространять религиозные книги и периодические издания, развивать исламское образование.

Работа государства по возрождению исламских ценностей высоко оценена международной научной исламской общественностью, что выразилось в объявлении ISESCO города Ташкента столицей исламской культуры 2007 г.

---

[1] См.: Каталог суфийских произведений XVIII–XX вв. из собраний Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз / Сост.: Б. Бабаджанов и др. – Stuttgart, 2002.

Изучение истории ислама и суфизма ведется сегодня как в религиозных, так и в светских высших учебных заведениях Узбекистана, в частности Национальном университете Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент). Оно проводится в рамках трех учебных курсов: «История Узбекистана», «История развития исламской культуры в Центральной Азии», «История суфийских братств (тарикатов) Средней Азии».

Наиболее подробное изучение рассматриваемой тематики конечно же предлагается в рамках последнего специального курса. Он читается студентам бакалавриата (4-й курс) и по учебному плану состоит из 24 лекционных и 32 семинарских занятий. Также выделяются часы на самостоятельную подготовку студентов[1].

На лекционных занятиях рассматриваются такие вопросы, как этапы развития суфизма как религиозно-философско-нравственного учения, основные направления и школы суфизма, а также подробно освещается деятельность трех основных суфийских тарикатов Средней Азии – Яссавия, Кубравия, Накшбандия, агиография их основателей, видных пиров, шейхов, сложения, силсил, их связь с другими суфийскими тарикатами, современное состояние суфизма в Узбекистане, проблемы его возрождения.

В целом можно констатировать, что изучение истории ислама и суфизма – сложный процесс, и в настоящее время есть необходимость расширения списка читаемых в вузах предметов по данному направлению.

Возрождение традиций изучения ислама в области светского образования и науки, их приведение в соответствие с сегодняшними запросами духовной и общественной жизни является важным моментом государственной политики Узбекистана.

Сегодня, согласно социологическим опросам, лишь 10–11% населения Узбекистана считают себя ведущими строго религиозный образ жизни, остальные верят в Бога, но свой образ жизни характеризуют как светский.

В священный месяц Рамазан пост держат 40,9% опрошенных, 72,8 – поддерживают процессы возрождения религии в годы независимости Узбекистана, 82 – считают, что в республике не ущемляются права верующих, 67% опрошенных считают главной

[1] См.: История суфийских братств (тарикатов) Средней Азии: Программа учеб. курса. – Ташкент: Университет, 2011.

угрозой развития Центральной Азии религиозный экстремизм и терроризм[1].

Несмотря на усиление влияния религии на общественные процессы и активизацию роли исламской социальной педагогики, большинство жителей Узбекистана предпочитают светскую форму образования для собственных детей и всего подрастающего поколения.

Целью изучения богатого историко-культурного и духовного наследия ислама в светских учебных заведениях Узбекистана является не удовлетворение своих национальных амбиций и не сохранение отсталых традиций и обычаев, а возрождение и развитие тех созидательных принципов, которые способствуют прогрессу и объективному осмыслению прошлого и настоящего.

В эпоху глобализации представители ислама Узбекистана не против диалога с представителями других культур и конфессий, не против полезных для общества заимствований, но за сохранение индивидуальности и самобытности.

«II Бигиевские чтения – 2015.
Мусульманская мысль в XXI веке:
Единство традиции и обновления:
Материалы II Международной науч.-образовательной
конф., г. Санкт-Петербург, 17–20 мая 2015 г»,
М., 2016 г., с. 370–381.

[1] См.: Убайдуллаева Р.А. Исламская цивилизация в жизни населения независимого Узбекистана (по результатам социологического опроса) // Общественное мнение. Права человека. – Ташкент, 2007. – С. 157.

И. Сафранчук,
кандидат политических наук,
доцент кафедры мировых
политических процессов (МГИМО (У))

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ АФГАНИСТАНА И «НОВЫЙ СЕВЕРНЫЙ АЛЬЯНС»

Аннотация. *В статье рассматривается один из малоизвестных вариантов американской политики для Афганистана, разрабатываемый в американском профессиональном сообществе. Это вариант децентрализации, вплоть до развала, Афганистана. Рассматриваются идеи основных авторов этого подхода и их усилия по продвижению своих взглядов, а также попытки продвинуть этот вариант как официальный курс США в отношении Афганистана.*

Ключевые слова: Афганистан, политика США в Афганистане, децентрализация Афганистана, «Новый северный альянс».

В 2010–2012 гг. в США сформировалась «альтернативная афганская политика»: поддержка «Нового северного альянса» (НСА на базе Национального фронта Афганистана), который должен контролировать северные, западные и центральные провинции страны до Кабула и готовиться к гражданской войне с талибами, а также другими лояльными пакистанской разведке группами. После возникновения ИГИЛ борьба с ее представителями в Афганистане тоже стала рассматриваться как один из приоритетов для НСА.

Центральной фигурой, которая поддерживает эту систему взглядов, является конгрессмен-республиканец Дана Рорабахер (Dana Rohrabacher). Взгляды в пользу полевых командиров-моджахедов Д. Рорабахер высказывал в 1990-е годы, а в начале первого срока администрации Дж. Буша-мл. пытался убедить ту

администрацию принять его рекомендации об опоре на моджахедов, ослаблении пуштунов и построения в Афганистане децентрализованной модели власти. Однако администрация Дж. Буша-мл. сделала выбор в пользу амбициозного проекта построения сильного централизованного Афганистана с президентом-пуштуном во главе. В общем полная противоположность взглядам Д. Рорабахера. Последний остался при своих взглядах, время от времени критиковал линию той администрации в Афганистане, но в целом ушел в тень со своими взглядами. Однако сразу после того, как Б. Обама в феврале 2009 г. сформулировал свои первые установки в отношении Афганистана [4], их Д. Рорабахер стал регулярно критиковать.

Развитие позиции децентрализации Афганистана

В мае 2009 г. Д. Рорабахер выступил в Конгрессе с докладом по Афганистану, в котором обозначил основные элементы своего курса: полевые командиры из рядов моджахедов 1980-х годов – это настоящие друзья Америки, Пакистан и талибы (а также те, кто с ними сотрудничают, вроде Г. Хекматияра) – враги; не надо заигрывать с талибами и укреплять центральные афганские власти, а надо укреплять «Новый северный альянс» и готовиться к новому витку гражданской войны с талибами, не делая ставку на Х. Карзая.

В июле 2010 г. бывший американский посол в Индии Роберт Блэквил (Robert Blackwill), который сохраняет в Индии обширные связи, опубликовал статью, в которой призвал делать ставку на полевых командиров из северных и западных провинций Афганистана, отказаться от поддержки Х. Карзая и вести дело к разделу Афганистана [1].

В течение 2010 г. статьи с подобными взглядами регулярно печатались в республиканских изданиях. В наиболее крайнем виде эту систему взглядов представляет Джэк Уилер (Jack Wheeler). В статьях в правых республиканских изданиях он агитировал за расчленение Афганистана, а заодно и Пакистана, формирование двух новых государств: Пуштунистана и Белуджистана, сотрудничество с Индией и Израилем по этим вопросам.

В то время в американском экспертном сообществе активизировались дискуссии о будущем Афганистана и перспективах после 2014 г. Весь 2011 г. американские эксперты обсуждали

вопрос о необходимости иметь «план Б» – запасной вариант на тот случай, если основной вариант администрации Б. Обамы в отношении Афганистана не сработает. Критикуя официальную политику в Афганистане, Д. Рорабахер продвигал вариант «Нового северного альянса» как главный из «запасных» (при этом, естественно, настаивая, что он должен стать основным как можно скорее). Р. Блэквил остался единственной фигурой из американского истеблишмента, кто высказался за разделение Афганистана. Впрочем, поясняя в 2011 г. свою позицию, посол Блэквил представлял дело так, что разделение Афганистана – это наименее плохой из плохих (а хороших нет вовсе) вариантов действий [2]. Это можно трактовать и как тактический прием представления позиции в пользу расчленения Афганистана (представить этот вариант более приемлемым, как неизбежное «зло»), и как наличие некоторых разногласий с группой Д. Рорабахера (который представлял расчленение Афганистана как вполне желательный и нормальный вариант).

«Берлинский мандат» и смещение внимания к Белуджистану

Важным событием этой «альтернативной афганской политики» стала встреча в январе 2012 г. в Берлине американских конгрессменов с полевыми командирами из Афганистана [3]. Встреча была оформлена как мероприятие расположенного в Германии Аспеновского института (Aspen Institute).

С афганской стороны приняли участие: 1) генерал Дустум (наиболее влиятельный узбекский полевой командир), 2) Ахмад Зия Масуд (наследник Ахмад Шаха Масуда, председатель Национального фронта), 3) Мохаммад Мохакик (лидер Партии народного единства). Еще с рядом афганских полевых командиров и политиков велись переговоры об участии, они были приглашены и даже заявлены как участники, но так и не приехали. Это губернатор провинции Балх Атто М. Нур, Мохаммад Карим Халили, Янус Конони. Нельзя не обратить внимания на то, что отказавшиеся от встречи были более влиятельными фигурами, чем те, кто на нее приехал.

С американской стороны во встрече приняли участие следующие конгрессмены: 1) Д. Рорабахер, республиканец, председатель подкомитета по надзору и расследованиям Комитета по международным делам, 2) Лоретта Санчес (Loretta Sanchez), демократ,

член Комитета по вооруженным силам, 3) Луи Гомерт (Louie Gohmert), республиканец, заместитель председателя комитета по юстиции, также являлся членом подкомитета по энергетике и минеральным ресурсам Комитета по природным ресурсам, 4) Стив Кинг (Steve King), республиканец, Комитет по сельскому хозяйству, а также трое сотрудников Комитета по международным делам Палаты представителей Конгресса США. Кроме того, во встрече приняли участие следующие американцы: Пол Берендс (Paul Behrends, сотрудник консалтинговой компании Crowell & Moring, Вашингтон), Джон Ленчовски (John Lenczowski, президент Института мировой политики, Вашингтон), Д. Уилер (был представлен скромно, «бывший сотрудник Белого дома»). Еще один американец не присутствовал на встрече, но имел непосредственное отношение к ее организации – Чарлз Сантос (Charles Santos). На встрече также присутствовали два немца и один швед: депутат немецкого бундестага Элке Хофф, немецкий журналист Michael Sturmer (газета Die Welt), заместитель председателя совета директоров шведской компании Securitas AB Карл Дуглас (он же основной владелец компании).

«Альтернативную политику» со ставкой на «Новый северный альянс» проводит группа давно знакомых и имеющих опыт совместной работы по Афганистану людей – Д. Рорабахер, Д. Уилер, П. Берендс, Ч. Сантос. Все они имеют опыт участия в операциях ЦРУ 1980-х годов по поддержке антисоветских движений в разных частях мира, последние 30 лет все они были связаны в том числе и с афганскими делами.

Д. Рорабахер занимается афганскими вопросами с начала 1980-х годов, когда он работал спичрайтером у президента Р. Рейгана. Но его обязанности выходили за написание публичных выступлений. В 1980-е годы он устанавливал контакты с моджахедами и служил для них связным с высокопоставленными сотрудниками американской администрации. В 1990-е годы Д. Рорабахер, уже будучи конгрессменом, сохранил вовлеченность в афганские дела и лоббировал кандидатуру бывшего короля, пытался организовать его возвращение в страну. Д. Рорабахер уже тогда занимал антипакистанские и антиталибские позиции. В 2000-е годы Дана ушел в тень. Но с 2009 г. стал активно выступать по афганским вопросам. Суть его позиции: таджикские, узбекские и хазарейские полевые командиры – это герои, талибы – бандиты, Пакистан (и связанные с ним полевые командиры, как например Г. Хекматияр) – вредитель; США необходимо поддер-

жать «Новый северный альянс», который будет контролировать Кабул, а также западный и северный Афганистан.

Д. Уилер – это в публичном пространстве известный путешественник (автор путеводителей по экстремальному туризму) и праворадикальный публицист. Д. Уилер также имеет большой опыт контактов в 1980-е годы с антисоветскими террористическими группами в разных частях мира (Никарагуа, Ангола, Афганистан и т.д.). В последние годы много занимается Тибетом. Д. Уилер знаком с Д. Рорабахером с конца 1960-х годов, когда они вместе принимали участие в мероприятиях Республиканской партии. Плотно работали вместе в 1980-е годы как раз по Афганистану. Д. Уилер бывал в Афганистане еще в 1980-е годы, писал для СМИ хвалебные репортажи о моджахедах. Одновременно Д. Уилер был неофициальным представителем Д. Рорабахера в Афганистане, выполнял функции связного. В 1990-е годы он меньше занимался Афганистаном. Сейчас позиция Д. Уилера по Афганистану (он более радикален, чем Д. Рорабахер) состоит в следующем. Афганистан должен быть расчленен: таджики-афганцы должны воссоединиться с Таджикистаном и занять там лидирующее положение, узбеки-афганцы должны воссоединиться с Узбекистаном (но поскольку, возможно, оба эти процесса займут время, таджики и узбеки могут пока иметь собственные государства на Севере Афганистана). Афганские и пакистанские пуштуны должны получить возможность создать «Пуштунистан», но на них особая ставка не делается. Белуджи из Афганистана, Пакистана и Ирана должны получить возможность сформировать независимый «Белуджистан» со столицей в Кветте и портом Гвадар. США должны активно помогать созданию большого независимого «Белуджистана», а затем стать стратегическим партнером этого государства, вовлечься в разработку его обширных минеральных ресурсов (золота в восточных провинциях нынешнего Ирана, лития и меди на юге нынешнего Афганистана; через «Белуджистан» может быть проложен безопасный газопровод из Туркменистана). США, по мнению Д. Уилера, необходимо активно сотрудничать по вопросу расчленения Пакистана с Индией, которая, как он считает, готова к активной политике в этом направлении: у Индийской армии, по его утверждениям, есть детализированные планы новой войны, по итогам которой может быть образован «Белуджистан» (Индия рассчитывает иметь с ним дружественные отношения и вести активную хозяйственную деятельность). Израиль

при этом будет партнером США по отторжению белуджских районов от Ирана.

П. Берендс – морской пехотинец, вышел в отставку в звании подполковника в конце 1980-х годов. В 1990–1991 гг. работал в аппарате Д. Рорабахера в Конгрессе, где познакомился с Эриком Принсом, также отставным военным из аппарата конгрессмена; они стали близкими друзьями. С 1992 г. П. Берендс работал в различных лоббистских компаниях в Вашингтоне. Во второй половине 1990-х годов Э. Принсом создал одну из крупнейших американских частных военных компаний Blackwater, а П. Берендс с 1998 г. стал его постоянным лоббистом. П. Берендс менял лоббистские и консалтинговые фирмы, но каждая контора, куда он приходил, получала под него контракт от Blackwater. П. Берендс по касательной был вовлечен в ряд коррупционных скандалов двух президентских сроков Дж. Буша-мл., связанных с подрядчиками в Ираке и Афганистане. Взгляды П. Берендса трудно суммировать. При отсутствии таких четких установок, как у Д. Рорабахера или Д. Уилера, взгляды П. Берендса в какой-то степени даже противоречат им. По крайней мере он не занимал в прошлом ярко выраженных антиталибских позиций. Наоборот, в конце 1990-х он был в США лоббистом «Дельта Оил» (компании из Саудовской Аравии – партнера американской «Юникол») при планировании газопровода из Туркменистана через талибский Афганистан в Пакистан и Индию. В то же время он постоянно привлекался Д. Рорабахером к его афганским делам: например, в 2001 г. (еще до терактов) П. Берендс помогал Д. Рорабахеру в его попытках собрать Лою Джиргу в Афганистане для приведения к власти бывшего короля.

Ч. Сантос наименее «засвечен» из всей этой группы. Во второй половине 1990-х годов был вице-президентом американского отделения саудовской «Дельта Оил», сотрудничал с П. Берендсом в лоббировании проталибского газового проекта.

На встрече в Берлине в январе 2012 г. американцы выступали с позиций друзей Национального фронта, выдвинув идею о том, что Б. Обама хочет до выборов 2014 г. договориться с талибами и с их помощью вывести войска, а таджиков, узбеков и хазарейцев предать. Американские участники встречи доносили до афганцев тезис, что они понимают недовольство Национального фронта американской политикой и готовы ему помогать. Они также проводили тезис, что Х. Карзай недоволен вышеупомянутыми планами Б. Обамы, но попробует договориться и с Б. Обамой, и с талибами, а не становиться к ним в оппозицию.

Афганские участники встречи не были настроены столь радикально. Они жаловались и на Х. Карзая, и на талибов, но выступали за диалог и с Х. Карзаем, и с талибами, неоднократно повторяя, что все могут договориться. При этом афганские участники выражали пожелание, чтобы в таких переговорах американцы были на стороне Национального фронта, больше ему помогали. Афганские участники однозначно высказались на той встрече против разделения Афганистана.

Таким образом, несмотря на то что сама встреча проходила в дружеской обстановке, на ней были явные разногласия между американцами и афганцами. Причем к американской позиции был ближе генерал Дустум, а Халили и Мохакик высказывались более сдержанно (против разделения Афганистана, за договоренности с талибами, но на приемлемых условиях). Однако американские участники были настроены не на разногласия, а на согласие, поэтому они делали упор на те вопросы, по которым у всех участников встречи было общее мнение: перераспределение политических полномочий и денежных потоков в пользу провинциальных властей, проведение местных выборов, отказ от централизации власти в Кабуле, изменение конституции. Эти вопросы и вошли в итоговую декларацию встречи.

По возвращении в Вашингтон конгрессмен Л. Гомерт выступил с заявлением по поводу прошедшей в Берлине встречи, в котором назвал ее итоги «Берлинским мандатом», всячески подчеркивая представительность и значимость данного мероприятия, и призвал администрацию Б. Обамы к изменению афганского курса. Новым в его заявлении стал призыв поддержать отделение Белуджистана от Пакистана.

8 февраля 2012 г. подкомитет Д. Рорабахера собрал слушания по Белуджистану, на которых в основном присутствовали сторонники независимости Белуджистана, в том числе представители диаспоры белуджей в США. Общей направленностью слушаний была пропаганда идеи независимости Белуджистана по геополитическим, моральным и экономическим соображениям. Фактически Д. Рорабахер повторил тезисы, которые ранее пропагандировал Д. Уилер (самого его на слушаниях не было): Пакистан и Иран нарушают права человека и угнетают белуджей; последние должны получить независимость; они станут верными союзниками США; у них будут минеральные ресурсы и порт Гвадар для экономического процветания при поддержке США; в районах проживания белуджей есть местные группы сопротивления, им надо оказать

поддержку. Афганский вопрос на слушаниях обходили стороной, но получалось, что независимый Белуджистан должен быть создан из провинций трех государств – Пакистана, Афганистана и Ирана.

14 февраля 2012 г. конгрессмены Д. Рорабахер, Л. Гормент и С. Кинг внесли в Конгресс проект резолюции о признании права белуджей на самоопределение и создание независимого государства в своих исторических границах. Естественно, резолюция осталась без рассмотрения в Конгрессе. В течение 2012 г. Д. Рорабахер со своей группой активно работали с представителями диаспоры белуджей в США, налаживали отношения с политиками белуджами в Пакистане, проводили конференции и т.д.

Сторонники разделения Афганистана ушли в тень

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что в 2012 г. группа Д. Рорабахера развила бурную деятельность, основные направления которой: работа с Национальным фронтом в Афганистане; попытка установить контакты с крупными полевыми командирами, не вошедшими в Национальный фронт; пропаганда независимости Белуджистана. Группа также, очевидно, осознанно способствовала в тот период своими действиями обострению отношений Б. Обамы (и чиновников, проводящих его курс) с Х. Карзаем и Пакистаном. При этом обращает на себя внимание то, что эта группа, в целом поддерживая идею независимого Пуштунистана, не вела активную кампанию по этому вопросу, концентрируясь в большей степени на белуджской тематике и приобретя авторитет у диаспоры, у части белуджских политиков в Пакистане и диаспоры белуджей в США.

Среди афганских полевых командиров не пуштунского происхождения отношение к группе Д. Рорабахера оставалось настороженным. В наибольшей степени Д. Рорабахера в Афганистане поддерживал лидер узбеков генерал Дустум. Влиятельные командиры-таджики проявляли интерес, но общались через посредников. Они поддерживали часть тезисов группы Д. Рорабахера (перераспределение политического и экономического влияния в пользу афганских провинций, ослабление центрального правительства в Кабуле), но общую линию на перекройку границ в регионе не одобряли.

Американские дипломаты и сотрудники администрации открещивались от деятельности группы Д. Рорабахера, особенно

в период их наибольшей активности в 2012 г. Госдепартамент выражал явное недовольство этой «частной инициативой». В январе 2012 г. в Берлине американское посольство даже пыталось сорвать встречу с полевыми командирами.

Официальные американские структуры сделали попытку, частично успешную, перехватить у Д. Рорабахера инициативу. Летом 2012 г. в Париже прошла встреча полевых командиров, представляющих различные этнические группы, которую можно считать попыткой лояльных Б. Обаме кругов взять инициативу контактов с полевыми командирами, пребывающими в состоянии неопределенности, в свои руки. На этой встрече проявились разногласия между полевыми командирами. Но основной линией встречи было предотвращение новой гражданской войны, снятие путем переговоров противоречий между полевыми командирами и сохранение их лояльности Кабулу.

В 2013–2015 гг. группа Д. Рорабахера заметно снизила активность. Нетрудно заметить, что эта группа активизируется тогда, когда есть реальная возможность на изменение американского курса в Афганистане. Так было в начале 2001 г., когда Дж. Буш-мл. только сформировал свою администрацию, и она решала оставшуюся от прежней администрации запутанную систему отношений с талибами и их спонсорами, а затем в конце 2001 г. и начале 2002 г., когда та же администрация определяла кому и на каких условиях отдать формальную власть в Афганистане. Но в то время базовые идеи Д. Рорабахера не были приняты (хотя его услугами и связями в регионе администрация Дж. Буша-мл. в отдельные периоды пользовалась). Тогда сам конгрессмен ушел в тень; время от времени напоминая о своей позиции, он воздерживался (по всей видимости, по соображениям партийной солидарности) от резкой критики американского курса в Афганистане.

В начале 2009 г. Б. Обама вновь затеял пересмотр курса в отношении Афганистана, и Д. Рорабахер активизировался. Администрация Б. Обамы понимала, что необходимо в большей степени привлекать региональных партнеров для решения афганских проблем. В экспертном сообществе стали говорить о регионализации афганской тематики [5]. И Д. Рорабахер предлагал свой региональный вариант. Впрочем, безуспешно. Еще одно окно возможностей открывалось для него в 2011–2012 гг., когда в США завязалась дискуссия о том, что желательно иметь не только основной план действующей администрации, но некий запасной –

«план Б» на случай провала основного. Но вариант Д. Рорабахера опять не был принят, и он снизил свою активность.

В периоды, когда нет реальных возможностей на изменение основных положений американского курса, эта группа снижает свою активность. Однако все время она поддерживает свою систему взглядов и контакты в регионе. Фактически группа Д. Рорабахера имеет достаточно детализированно проработанную альтернативную политику для Афганистана.

Литература

1. Blackwill, Robert. A de facto partition for Afghanistan // Politico, 07/07/10 (http://www.politico.com/story/2010/07/a-de-factopartitionfor-afghanistan-039432).
2. Blackwill, Robert. Plan B in Afghanistan // Foreign Affairs, January-February 2011.
3. Opportunities and Challenges: Members of the US House of Representatives in dialogue with leaders of Northern, Western and Central Afghanistan // The Aspen Institute, 2013.
4. Сафранчук Иван. Политика администрации Б. Обамы в Афганистане: Планы и результаты // Вестник Академии военных наук. – 2015. – № 3.
5. Сафранчук И.А. Военно-политическая ситуация в Афганистане в связи с выводом Международных сил содействия безопасности // Ежегодник ИМИ МГИМО (У) МИД России. – 2013. –№ 2 (4). – С. 34–38.

«Информационные войны. Научно-практический междисциплинарный журнал», г. Юбилейный МО, 2016 г., № 3 (39), с. 52–56.

Л. Исаев,
старший преподаватель
департамента политической науки
Высшей школы экономики

БЕСКОНЕЧНАЯ ВОЙНА, ИЛИ СНОВА О ЙЕМЕНЕ*

На протяжении последних пяти лет и даже чуть дольше Йемен остается одним из самых нестабильных государств на политической карте Ближнего Востока. «Арабская весна» обнажила громадный кризисный потенциал этой страны, выявив колоссаль-

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г. при поддержке гранта РНФ (№ 14-18-03615).

ные проблемы, которые долгое время игнорировались или откладывались ее руководителями[1]. Безвластие, сепаратизм, конфессиональная рознь, внешняя интервенция, активизация террористических групп – таков далеко не полный список проблем, терзающих сегодня Йеменскую Республику. Особенно жарким для нее оказалось минувшее лето. Завершение кувейтских переговоров под эгидой ООН, создание Высшего политического совета (нового органа власти) в Сане, мирная инициатива Джона Керри, а затем и его совместная с Борисом Джонсоном на какое-то время даже заставили мировое сообщество перефокусировать внимание с сирийского конфликта на йеменский кризис.

Тупик в Кувейте

21 апреля 2016 г. под эгидой специального посланника ООН по Йемену Исмаила Ульд Шейха Ахмеда в Кувейте стартовали мирные переговоры между Национальной делегацией Йемена (в нее вошли представители «Ансар Аллах» и Всеобщего народного конгресса – ВНК) и «эр-риядской группой», представляющей собой не что иное, как правительство в изгнании, подконтрольное Абд Раббо Мансуру Хади, которого называют «законным президентом Йемена». Однако длившиеся в течение трех с половиной месяцев мирные переговоры не увенчались успехом. Провал кувейтского раунда в значительной мере обусловлен тем, что участвующие в нем противоборствующие стороны ощущают себя как бы в параллельных мирах, каждый из которых имеет право на существование. Но если Национальная делегация Йемена в своих предложениях отталкивалась от реального соотношения сил, сложившегося к настоящему времени, то «эр-риядская группа», напротив, настаивает на откате назад и восстановлении ситуации двухлетней давности.

Каждая из сторон считает свои позиции полностью обоснованными. Мансур Хади и его сторонники опираются на международное право, апеллируя к неукоснительному соблюдению двух фундаментальных, с их точки зрения, нормативно-правовых актов – Мирной инициативы Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и резолюции Совета Безопасности ООН № 2216 от 14 апреля 2015 г. Оба документа, безусловно, делают позиции сбежавшего президента и его правительства на порядок более выигрышными, нежели у их противников. Так, ст. 1 Резолюции требует от хуситов в одностороннем порядке

вывести войска из столицы – Саны, а также из всех захваченных ими районов, полностью сложить все «дополнительное оружие» и прекратить действия, которые относятся «исключительно к сфере полномочий законного правительства Йемена»[2]. Очевидно, что реализация даже одного этого положения способна вытеснить «Ансар Аллах» на йеменскую периферию как в географическом, так и в политическом смысле.

В свою очередь представители Национальной делегации Йемена стоят на позициях политического «реализма», предлагая отталкиваться от той конфигурации сил, которая сложилась к началу переговоров. С их точки зрения, единственным способом разрешить кризисную ситуацию стал бы созыв временного коалиционного органа – Президентского совета, состоящего из представителей всех противоборствующих сторон. Однако принятие такого предложения Мансуром Хади, учитывая отсутствие у него реальной поддержки в самом Йемене не просто превратило бы этого деятеля в политического аутсайдера, ограничив его карьеру сроком действия новообразованной властной структуры, но и лишило бы его возможности «отыграть» ситуацию назад. Президент Хади испытывает острый дефицит легитимности, пагубно сказывающийся и на позициях тех внешних акторов, которые его поддерживают. Возвращение в «освобожденную» хуситами Сану могло бы в принципе укрепить его позиции, но только при одном условии: его противники должны разоружиться до того, как он приедет в столицу. В противном случае, как вполне обоснованно считает «эр-риядская группа», создание временного правительства будет означать лишь одно: в новой переходной структуре Мансуру Хади придется играть роль «последнего среди равных».

Иными словами, на переговорах сложилась такая ситуация, при которой главные требования сторон – о создании переходного органа и о разоружении хуситов – отнюдь не отрицались оппонентами; им, однако, не удалось условиться, чем следует заниматься в первую очередь. И вопрос этот далеко не такой праздный, как может показаться на первый взгляд.

Дефицитная легитимность

Ситуация, которая складывается в последние месяцы, благоприятствует скорее Сане, а не Эр-Рияду. В первую очередь сказанное обусловлено тем, что военная агрессия, развернутая против Йемена коалицией во главе с Саудовской Аравией, выявила

ресурсные лимиты Королевства. Саудовской армии удалось выполнить программу-минимум, ограничив экспансию хуситов. При этом Саудовская Аравия не скрывала желания ослабить именно Северный Йемен и поддержать южан – йеменский Юг не представлял для Королевства особой опасности. Кроме того, политический спектр в южной части гораздо разнообразнее, чем в северной, где доминируют только две политические силы: «Ансар Аллах» и Всеобщий народный конгресс, говорить с которыми Саудовская Аравия так и не научилась. Наконец, для Северного Йемена всегда были характерны укорененность племенных структур и слабость государственных институтов, в то время как на Юге картина обратная[3]. Кстати, племенная монолитность Севера во многом объясняет и его превосходство над Югом в военном отношении.

Обозначившаяся с лета 2015 г. условная «линия фронта», разделившая хусито-салеховский лагерь и его противников, почти идеально – за исключением пары пустынных районов – совпавшая с бывшей границей между Народно-Демократической Республикой Йемен и Йеменской Арабской Республикой, сохраняется и по сей день. Важно то, что затянувшаяся пауза в боевых действиях делает продолжение военной кампании на Аравийском полуострове все менее вероятным, особенно учитывая колоссальные финансовые затраты Саудовской Аравии, бюджетный дефицит которой в 2015 г. достиг рекордных 98 млрд долл. По самым скромным внешним расчетам, в прошлом году Эр-Рияду пришлось выделить на военную кампанию в Йемене 6,4 млрд долл.[4] На столь же внушительные цифры ссылается и министр экономики и планирования Саудовской Аравии Адель бин Мухаммад Факих: согласно его оценкам, в 2015 г. на нужды операций «Буря решимости» и «Возрождение надежды» были потрачены 5,3 млрд долл.[5]

На практике же усталость коалиции от войны нашла отражение в завершении миссии подразделений, направленных в Йемен Объединенными Арабскими Эмиратами и зарекомендовавших себя в качестве наиболее боеспособной силы всей коалиции, снижении интенсивности саудовских авиаударов, наметившемся снятии транспортной блокады страны[6]. Кроме того, обнародование Международным комитетом Красного Креста и другими международными неправительственными организациями фактов, свидетельствующих о нарушении войсками коалиции гуманитарных норм, привело к тому, что 25 февраля 2016 г. Европейский парламент наложил мораторий на продажу оружия

Саудовской Аравии[7], поставив Эр-Рияд и его союзников в крайне неловкое положение.

Сложившееся в сегодняшнем Йемене реальное, а не вымышленное соотношение сил, о котором прекрасно осведомлено и мировое сообщество, действует против Хади. Время играет на правительство Саны, т.е. на хуситов и Салеха: чем дольше Мансур Хади останется лишь номинальным президентом в изгнании, не контролирующим ситуацию у себя дома, тем меньше стимулов будет у мирового сообщества признавать его в качестве легитимного президента. Между тем легитимность Хади и без того под большим вопросом: если в 2012 г. он на два года получил президентский пост в ходе всенародного избрания, то в 2014 г. его полномочия были продлены еще на год решением всего лишь Палаты представителей – после чего йеменского лидера вполне можно считать самопровозглашенным президентом.

«Долгий» парламент

Как представляется, апелляция к Мирной инициативе ССАГПЗ как единственно возможному способу урегулирования политического кризиса в Йемене на сегодняшний день выглядит оторванной от реальности. Во-первых, данный механизм уже проявил свою несостоятельность. Мансуру Хади так и не удалось выступить в качестве беспристрастного «модератора» Всеобщего национального диалога: работа как минимум по четырем из девяти его рабочих групп зашла в тупик[8], новая Конституция так и не была принята, а все сроки переходного периода, установленные Мирной инициативой ССАГПЗ, давно истекли. Во-вторых, в 2016 г. приходится разрешать принципиально иной конфликт, нежели тот, который имел место в Йемене пять лет назад, во время «арабской весны». Если в 2011 г. на повестке дня в первую очередь стоял вопрос о смене режима и мирной передаче власти от Али Абдаллы Салеха новому главе государства, то в ходе последних событий конфликт преобразовался в межконфессиональное и межэтническое столкновение, а число его участников заметно возросло.

После провала кувейтских мирных переговоров власти Саны начали искать правовые основы, обеспечивающие функционирование подконтрольных им политических институтов. Найти их не составило большого труда: в стране до сих пор не отменена Конституция 1991 г., о существовании которой в суматохе «арабской весны» многие забыли. Основываясь именно на этом доку-

менте, власти Саны объявили о созыве чрезвычайной сессии Палаты представителей, не собиравшейся с начала 2015 г. Кстати, третий созыв Палаты представителей Йемена по-своему уникален. Дело в том, что он функционирует уже больше 13 лет, с апреля 2003 г., когда в стране состоялись последние парламентские выборы. После этого переизбрание парламентариев неоднократно – в 2009, 2011 и 2014 гг. – откладывалось, однако представительный орган продолжал работу, основываясь на ст. 64 Конституции, позволяющей «при чрезвычайных обстоятельствах не проводить выборов […] до тех пор, пока эти обстоятельства не исчезнут»[9]. Как ни парадоксально, легитимность именно этого «засидевшегося» института государственной власти за последние пять лет вызывала у конфликтующих сторон меньше всего нареканий.

Однако созыв Палаты представителей в Сане 13 августа 2016 г. вызвал критику со стороны правительства Саудовской Аравии, которое усомнилось в правомочности чрезвычайной сессии и наличии на ней кворума. Согласно ст. 73 Конституции, чрезвычайная сессия Палаты представителей может быть созвана тремя способами: декретом президента, по письменному требованию не менее трети от общего числа депутатов или решением президиума парламента. Использовать первые две опции по очевидным причинам было невозможно, и поэтому альянс хуситов и Салеха обратился к третьему варианту. К августу 2016 г. президиум Палаты представителей состоял из четырех человек: спикера парламента и трех вице-спикеров (от Всеобщего народного конгресса, от партии «Аль-Ислах» и беспартийного). Согласно регламенту Палаты представителей, решения в президиуме принимаются простым большинством голосов, но, если голоса разделились поровну, принятым считается то решение, за которое проголосовал спикер. Когда созывалась чрезвычайная сессия, за нее проголосовали два члена президиума из четырех, но одним из них оказался именно спикер Яхья ар-Раи. Иначе говоря, созыв парламента 13 августа следует все-таки считать правомочным – вопреки мнению саудовцев.

Еще больше дискуссий вызвал вопрос кворума, поскольку ст. 71 Конституции четко говорит о том, что для признания заседаний Палаты представителей легитимным, необходимо присутствие более половины ее членов. Иначе говоря, при наличии 301 депутатского места для кворума требуется присутствие минимум 151 парламентария. Но на данную сессию явились лишь 142 депутата, что позволило Мансуру Хади и его сторонникам объявить работу

чрезвычайной сессии незаконной. Однако в этой истории есть нюанс, который меняет суть дела. Все та же ст. 71 устанавливает, что кворум высчитывается от общего числа депутатов, «за исключением тех, чьи мандаты были объявлены вакантными». Но за 13 лет ряды палаты заметно поредели: 26 депутатов умерли, а в итоге сократились как общая численность палаты, так и кворум. Поэтому и в данном отношении саудовский лагерь тоже был не прав.

Основным решением Палаты представителей стал созыв Президентского совета в составе десяти человек под председательствованием Салеха ас-Самада, главы политического бюро «Ансар Аллах». Заместителем председателя был назначен представитель Всеобщего народного конгресса. Помимо них, в состав нового высшего органа йеменской власти вошли делегаты Союза народных сил, Арабской социалистической партии возрождения, Йеменской социалистической партии и Насеристского юнионистского народного движения.

Отсутствие внимания

Йемен во многом является заложником своей периферийности не только в глобальном, но и региональном плане, что приводит к серьезному дефициту интереса по отношению к этой стране. Если Сирия явно страдает из-за чрезмерной вовлеченности в ее дела как региональных, так и мировых игроков, то йеменскому конфликту, напротив, недостает внимания со стороны мирового сообщества. По сути ситуация в этой стране с самого начала «арабской весны» полностью отдана на откуп Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) во главе с Саудовской Аравией, которые в ноябре 2011 г. выступили со своей Мирной инициативой. Однако опыта в улаживании столь сложных конфликтов аравийской шестерке явно не хватает. Особенно вредило миротворчеству то, что Эр-Рияд одновременно оказался и посредником, и участником конфликта. Следствиями подобного положения вещей стали провал политического урегулирования и нежелание кувейтского руководства предоставлять площадку для продолжения бессмысленного переговорного процесса.

Нынешнее обострение йеменского противостояния можно считать результатом саудовского модерирования. Согласно Мирной инициативе 2011 г., именно ССАГПЗ должен был выступить

гарантом ее выполнения. Со временем, однако, выяснилось, что Эр-Рияд оказался не в состоянии сохранять равную удаленность от противоборствующих игроков, позволив клану ал-Ахмаров сделать себя в конечном счете одной из сторон конфликта. Именно с молчаливого согласия Саудовской Аравии Генеральный прокурор Йемена пошел на нарушение Мирной инициативы в части неприкосновенности бывшего главы государства Али Салеха, что сначала вынудило экс-президента и его партию ВНК пойти на нетривиальный альянс с хуситами, а затем заставило Саудовскую Аравию начать военную операцию в Йемене.

Неумение противоборствующих сторон достичь компромисса своими силами вынудило государственного секретаря США Джона Керри в августе 2016 г. выступить с собственной мирной инициативой по Йемену. Находясь с визитом в Джидде, он заявил: «Итоговое соглашение в общих чертах будет включать в себя на первом этапе немедленное формирование нового правительства единства, распределение власти между сторонами конфликта, вывод войск из Саны и других ключевых зон, передачу третьей стороне всего тяжелого вооружения, в том числе ракет и гранатометов, принадлежащих хуситам и лояльным им силам»[10].

По сути это была попытка сблизить позиции сторон, участвовавших в кувейтских переговорах. Основной упор был сделан на то, что оба процесса – создание временного правительства и разоружение хуситов – должны происходить единовременно. Однако американская инициатива была бы более уместной как минимум в середине лета 2016 г., когда кувейтский переговорный процесс шел полным ходом. А к концу августа и стороны конфликта, и сам эмир Кувейта, предоставивший площадку для диалога, настолько устали от многомесячных переговоров, что сочли их дальнейшее продолжение нецелесообразным.

Еще одну попытку простимулировать миротворческие усилия, на этот раз двустороннюю, Керри предпринял на состоявшейся в октябре 2016 г. лондонской встрече с главой британского внешнеполитического ведомства Борисом Джонсоном: тогда главы министерств призвали к немедленному введению в Йемене режима прекращения огня без каких-либо предварительных условий. Но и эта инициатива искомых результатов не принесла: в первые же часы «режима тишины» саудовские ВВС нанесли удары по территории Йемена, поставив под сомнение саму возможность Лондона и Вашингтона влиять на ход йеменской войны.

Что касается Российской Федерации, то она на конфликт в Йемене почти не реагирует, что не мешает, впрочем, российскому МИДу делать адресованные воюющим сторонам ритуальные заявления о необходимости соблюдать нормы гуманитарного права и ограничиваться сугубо политическими методами урегулирования. Москва, по-видимому, делает ставку на постепенное сближение с Эр-Риядом в надежде на достижение договоренностей по нефтяному вопросу, а если это так, то любое серьезное вмешательство России в йеменский конфликт будет расцениваться Саудовским Королевством не иначе, как вторжение в зону его непосредственных интересов – и потому оно маловероятно. Кроме того, на сегодняшний день у Москвы нет достаточных ресурсов, позволяющих открыть очередной «фронт», важность которого далеко не очевидна. Внешнеполитические решения, принятые российским правительством за последние годы, уже привели к тому, что Россия ощущает острую нехватку союзников за рубежом, разделяющих ее цели и принципы. Подобная ситуация вынуждает Москву действовать на ближневосточном направлении с максимальным прагматизмом, стараясь не наживать новых врагов.

Год российского присутствия в Сирии наглядно продемонстрировал заблуждение тех, кто полагал, будто увязнуть в конфликте можно только по афганскому сценарию, т.е. начав наземную кампанию. Как выяснилось, механизмы втягивания государства в чужую войну могут быть разнообразными, и нет никаких сомнений в том, что активизация России на йеменском направлении сулила бы ей серьезные издержки. Единственное, что могло бы побудить российское руководство обратить внимание на Йеменскую Республику, – интерес к Южной Аравии со стороны Соединенных Штатов, в последнее время позабывших про эту страну. Но даже при этом условии подобный сценарий реализуется лишь тогда, когда продолжать политический диалог по Сирии будет уже невозможно.

В свою очередь с приходом в Белый дом Дональда Трампа вряд ли стоит рассчитывать на то, что Америка станет более активной на Ближнем Востоке. Сорок пятый президент США еще до избрания неоднократно давал понять, что не является сторонником чрезмерного расходования бюджетных средств на военные операции за рубежом, а йеменский кризис уже сейчас можно смело назвать затяжным и непрогнозируемым. Впрочем, Саудовская Аравия по-прежнему остается ключевым союзником Соединенных Штатов в регионе, а потому Йемен едва ли поссорит давних парт-

неров даже после американских выборов. Вопреки тому, что, по опросам общественного мнения, большинство (68%) респондентов в Королевстве хотели бы видеть во главе США Хиллари Клинтон[11], а также, несмотря на то что в ходе кампании Трамп весьма остро полемизировал с саудовскими принцами, новый президент не сможет отказаться от саудовских услуг в регионе. Наконец, сейчас перед Эр-Риядом и Вашингтоном стоят проблемы, куда более значимые для обеих стран, например энергетические. И это тоже отодвигает Йемен на периферию американского внимания.

* * *

В целом же провал кувейтских переговоров и последующие шаги, предпринятые властями Саны, делают ситуацию в Йемене еще более запутанной и неопределенной, а вероятность достижения компромисса в случае возобновления мирных переговоров под эгидой специального посланника ООН по Йемену сводят к нулю. При этом пять лет йеменского политического транзита от авторитаризма к неопределенности уже сейчас позволяют сделать ряд важных выводов.

Во-первых, альянс ВНК и «Ансар Аллах», хуситов и Салеха не только сохранил за собой политический контроль над территорией Северного Йемена даже в условиях военного вмешательства, но и добился значительных успехов в правовом поле. По его инициативе в Йемене возобновил работу еще один легитимный орган – Палата представителей, – сразу же заявивший о себе как о дееспособном и конструктивно настроенном акторе.

Во-вторых, йеменский конфликт привел к быстрому истощению ресурсов всех участвующих в военной операции сторон, и прежде всего самой Саудовской Аравии. У Королевства остается все меньше возможностей, как финансовых и военных, так и политико-правовых, продолжать силовую операцию в Йемене, которая с каждым днем приносит Эр-Рияду репутационные и материальные издержки. Кроме того, саудовские действия в отношении южного соседа вновь реанимировали давний территориальный конфликт, затрагивающий три саудовских провинции – Джизан, Наджран и Асир, которые йеменцы считают оккупированными территориями.

В-третьих, конфликт обнажил надуманность суждений о серьезной вовлеченности Ирана в дела Йемена и тесной взаимосвязи иранцев с хуситами. По меткому выражению востоковеда

Сергея Сереброва, Иран выступает не более чем «фантомным участником» кризиса, выдуманным Эр-Риядом для оправдания своих действий в отношении Йеменской Республики[12]. Война в Южной Аравии убедительно показала, что «Ансар Аллах» – абсолютно самодостаточная и самостоятельная местная сила, а Тегеран не играл и не играет сколько-нибудь заметной роли в йеменской войне.

В-четвертых, ситуация в Йемене так и не позволила закрепить за Саудовской Аравией статус регионального лидера, причем не только в масштабах всего Ближнего Востока, но и хотя бы в рамках Аравийского полуострова. Даже среди государств – членов ССАГПЗ за последние шесть лет, отделяющих нас от «арабской весны», часто возникали противоречия и споры, связанные с нежеланием мириться с саудовским доминированием на полуострове. В этом ряду можно упомянуть конфликты Эр-Рияда с Катаром в 2013 г. и с Абу-Даби (относительно стратегии йеменской операции) в 2016 г. Недовольство Саудовской Аравии вызывает и традиционно нейтральная позиция султаната Оман, обусловившая его отказ присоединиться к воюющей коалиции. Более того, логика йеменского кризиса, начиная с 2011 г., поставила под сомнение саму способность Эр-Рияда выступать посредником в урегулировании кризисов на Ближнем Востоке.

Наконец, в-пятых, все перечисленное переводит йеменский конфликт в принципиально новую фазу, в которой изгнанное правительство Мансура Хади оказывается просто лишним. Мало того, что влияние сбежавшего президента в Йемене продолжает исчисляться долями процента, так еще и его репутация как «единственного легитимного лидера» оказалась подорванной, особенно учитывая превосходство над ним Палаты представителей, наделившей президента-беглеца президентскими полномочиями в 2014 г. Время работает против него, делая его позиции в потенциальном переговорном процессе все более шаткими.

Власти в Сане уже дали понять, что возобновление мирного диалога в прежнем трехстороннем формате невозможно, а ведение переговоров с правительством в изгнании бессмысленно. Иными словами, Высший политический совет в лице ВНК и «Ансар Аллах» намерен иметь дело только с саудовскими властями, что фактически означает принципиальную трансформацию конфликта из внутреннего в межгосударственный. А это, скорее всего, заставит спецпосланника ООН по Йемену и американское внешнеполитическое ведомство пересмотреть стратегию по его мирному

урегулированию. Избрание же Дональда Трампа новым президентом США вполне может скорректировать позицию Америки по йеменскому вопросу.

Примечания

[1] Об истоках йеменского конфликта см. мои предыдущие публикации в «НЗ»: Исаев Л.М. Племенная «революция» по-йеменски // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 4 (84). – С. 178–187; Исаев Л.М., Ожерельева М.В. «Арабская осень»? // Неприкосновенный запас. – 2014. – № 3 (95). – С. 29–37; Исаев Л.М. «Обрадуй же их наказанием мучительным»: Геополитическое соперничество Саудовской Аравии и Ирана // Неприкосновенный запас. – 2016. – № 2 (106). – С. 58–69.

[2] См.: Резолюция Совета Безопасности ООН № 2216 от 14 апреля 2015 года «О положении на Ближнем Востоке» (https://daccess-ods.un.org/TMP/9385182.85751343.html).

[3] См.: Коротаев А.В. Два социально-экологических кризиса и генезис племенной организации на Северо-Востоке Йемена // Восток. – 1996. – № 6. – С. 18–28.

[4] Исаев Л.М., Коротаев А.В. Воинствующая Аравия // Азия и Африка сегодня. – 2016. – № 8. – С. 10–16.

[5] Yemen War Costs Saudi $5,3 bn: Minister // PressTV. 2015. December 29 (www.presstv.ir/Detail/2015/12/29/443712/Saudi-Arabia-economy-minister-Ye...).

[6] На сегодняшний день действует постоянное международное авиасообщение с Йеменом и восстанавливается работа крупнейшего морского порта Худейды.

[7] Rankin J. EU Parliament Votes for Embargo on Arms Sales to Saudi Arabia // The Guardian. 2016. December 25 (www.theguardian.com/world/2016/feb/25/eu-parliament- votes-for-embargo-on...).

[8] См.: Серебров С.Н. Йемен: Национальный диалог и проблема сепаратизма Юга // Бюллетень Института востоковедения РАН. – 2014. – Т. 1. – № 5. – С. 1–20.

[9] Дустур ал-джумхурийа ал-йаманийа (Конституция Йеменской Республики) (www.almotamar.net/22may/more.php?category=19). Указанный источник используется и в последующих ссылках на Конституцию Йемена.

[10] См.: Керри заявил о новой международной инициативе по решению конфликта в Йемене // РИА Новости. 2016. 25 августа (https://ria.ru/world/20160825/1475286244.html).

[11] См.: Чулковская Е. Как страны Ближнего Востока реагируют на победу Трампа (www.forbes.ru/mneniya/mir/332529-kak-strany-blizhnego-vostoka-reagiruyut...).

[12] Серебров С.Н. Йеменский капкан. Крупная геополитическая война с непредсказуемым финалом (https://lenta.ru/articles/2016/10/14/yemen_trap/) – See more at: http://www.nlobooks.ru/node/8029#sthash.eE21F2ON.dpuf

«Неприкосновенный запас», М., 2016 г., № 6 (110), с. 238–248.

О. Бибикова,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник (ИВ РАН)

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС 2015 г. В ЕВРОПЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. *В статье анализируются причины масштабного миграционного потока в Европу, когда под вывеской «сирийские беженцы» на континент переправились более миллиона беженцев из разных стран, в том числе мусульманские радикалы. Автор считает, что мотивация переезда мигрантов в европейские страны противоречит планам Евросоюза, который предполагает с помощью иммигрантов решить свои демографические и экономические проблемы.*

Ключевые слова: миграционный кризис, сирийские беженцы, маршруты беженцев в Европу, Исламское государство, демографическая ситуация.

В 2015 г. в Европе разразился миграционный кризис, в ходе которого только за первые десять месяцев 2015 г. на территорию европейских стран прибыли около 1,5 млн мигрантов. Эти данные сообщил 29 ноября 2015 г. на саммите ЕС – Турция в Брюсселе председатель Евросовета Дональд Туск [Косяков, 2015]. Руководство Европейского союза до сих пор не обладает точной информацией о численности иммигрантов. Дело в том, что часть из них с самого начала избегала регистрироваться в транзитных странах, предпочитая Германию или Швецию. По информации Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ / UNHCR), подавляющее число этих людей составляют так называемые «лица, нуждающиеся в защите и помощи». Прежде всего, это – вынужденные мигранты, покинувшие регионы, отличающиеся особенно нестабильной военно-политической обстановкой, включая Афганистан, Сирию, где идет гражданская война, и Эритрею, страну с жестким диктаторским режимом. Еврокомиссия заявила, что нынешний миграционный кризис в Европе является крупнейшим со времен Второй мировой войны.

В последние годы число мигрантов, прибывающих в Европу, значительно выросло. Дело в том, что европейское население катастрофически уменьшается. По мнению демографов, к 2050 г. (если не учитывать прибывающих мигрантов) в Европе вместо

нынешних 728 млн будет только 600 млн человек [Замещение.., 2015].

Практически это равно утрате населения нескольких стран Евросоюза. Подобное сокращение населения наблюдалось только во время эпидемии чумы в XIV в. Особенно серьезная ситуация сложилась в Германии, где, по подсчетам специалистов, к 2050 г. население может сократиться с 82 млн до 59 млн человек [ibid]. В 2013 г. были обнародованы результаты переписи населения 2011 г., которые для многих оказались настоящим сюрпризом: оказалось, что численность населения страны на фоне крайне низкого уровня рождаемости уменьшилась. В январе 2015 г. один из самых авторитетных немецких экономистов, глава Мюнхенского института экономических исследований (Ifo) Ханс-Вернер Зинн заявил, что в течение следующих двух десятков лет ФРГ необходимо принять до 32 млн мигрантов, в противном случае пенсионная система страны будет парализована. По его мнению, при сохранении нынешней тенденции размер средней пенсии в течение следующих десяти лет сократится на 46% [Вайден, 2015].

До недавнего времени население европейских стран пополняло свои ряды за счет третьего поколения мигрантов, уже родившихся в Европе, за счет беженцев из стран бывшей Югославии, а также нелегалов, ряды которых не убывают. Основным поставщиком мигрантов были бывшие колонии, прежде всего страны Северной Африки, представители которой, переплыв Средиземное море и добравшись до острова Лампедуза, растворялись в европейском пространстве. Те, кому удалось преодолеть высокую стену, воздвигнутую вокруг Сеуты и Мелильи (испанских анклавов в Африке), заведомо знают, что пограничная охрана не будет применять оружие. Во всех случаях депортация тех, кому повезло, возможна только после того, как мигрант или беженец подаст прошение о предоставлении ему искомого статуса и получит отрицательный ответ. Поэтому в Европе всегда был многочисленный отряд нелегалов, ждавших очередной амнистии, которая позволит им закрепиться в той или иной стране.

Сегодня уже сформировались механизмы, помогающие мигрантам перебраться в Европу. В Интернете есть специальные сайты, которые советуют потенциальным мигрантам, где именно им следует закупать экипировку. Однако эта экипировка далеко не всегда бывает качественной. Например, в Измире изготовляли специальные надувные жилеты, которые не спасали тонущих людей.

Известно, что в Интернете распространялись инструкции для беженцев, в которых содержалась подробная информация о предполагаемых расходах мигрантов на переезд и приводились номера телефонов спасательных служб, по которым они должны были звонить в случае возникновения чрезвычайных ситуаций. Беженцы рассказывали, что все команды, даже по телефону, они получали на английском языке.

Аналогичную информацию со ссылкой на утечки из спецслужб приводит австрийская газета «Info-Direkt» [Бонналь, 2015]. По данным австрийской разведки, проезд сирийских мигрантов в Европу был организован Соединенными Штатами и ими же финансируется. Естественно, что это утверждение нуждается в подтверждении, но оно может служить гипотезой причины столь массового переселения.

В 2014 г. переправиться через Средиземное море стоило 500 евро, а в 2015 г. эта сумма возросла до 4 тыс. евро. Нелегальная перевозка из Сербии или Венгрии в Австрию обходилась в 1 тыс. евро, из Турции в Швецию самолетом – 10 тыс., а сухопутный путь из Турции в Германию – 12,5 тыс. евро. По оценке ООН, только в 2014 г. контрабандисты заработали 170 млн долл. [Иванова, 2015].

На Балканах этот бизнес в значительной степени контролируется албанскими и цыганскими преступными группировками. По оценкам Международной организации по миграции (International Organization for Migration), контрабанда мигрантов приносит такой же доход, как торговля наркотиками.

Как отмечает эксперт журнала «Международная жизнь» Вл. Гулевич, «на африканском континенте сложилась своя криминально-логистическая структура переправки мигрантов. От Нигера, Судана, Эритреи и Чада до средиземноморского побережья Северной Африки тянутся преступные цепочки, каждое звено в которых отвечает за свой участок работы: транспортировку мигрантов, размещение на постой, доставку на ливийское побережье, переправку морем в ЕС и т.п.» [Гулевич, 2015].

Характерно, что с приближением зимы перевозчики нелегалов снизили цены. Об этом рассказывают сами мигранты. Например, если раньше цена переезда нелегала из Пакистана составляла от 3 тыс. до 5 тыс. евро, то в середине октября 2015 г. она упала до 400–500 евро. По некоторым данным, с начала XXI в. перевозчики заработали на переправке мигрантов в Европу 6 млрд евро [Контрабандисты заработали.., 2016].

В 2014–2015 гг. в Средиземном море регулярно происходили крушения судов, на борту которых было по несколько сотен мигрантов. Весной 2015 г. ЕС принял решение изменить отношение к тем, кто пытается достичь заветного европейского берега. Патрульным кораблям было предложено не буксировать суда обратно к африканскому побережью, а забирать на борт мигрантов и доставлять их на территорию Евросоюза. Причем эта операция осуществлялась даже в ливийских территориальных водах. Принятое ЕС решение подстегнуло криминальных перевозчиков к активизации их деятельности. Увеличение численности патрульных судов и их присутствие близ африканских берегов увеличивало шансы мигрантов добраться до Европы. Естественно, что в условиях современных коммуникаций слухи об этом разнеслись по всему Средиземноморью. Возможностью расширить свой бизнес воспользовались и те, кто традиционно переправлял мигрантов с территории Турции.

К весне 2016 г. большинство беженцев прибывало в Европу из Турции. Это обстоятельство заставляет задуматься о роли Турции в переброске мигрантов в Европу. Один из старейших миграционных путей – афганский – проходит именно через Турцию. Его контролируют турецкие курды.

Сегодня, когда Балканские страны не справляются с миграционным потоком, было бы логичным оказать давление на Турцию, с тем чтобы она закрыла границу для беженцев. Но европолитики признают, что заставить президента Турции это сделать нельзя, с ним можно только договориться. Кроме того, Турция заявила о необходимости создания бесполетной зоны над сирийской территорией вдоль своей границы с присутствием в ней военных из Европы и США. Ангела Меркель, выступая в феврале 2016 г. перед депутатами бундестага, поддержала инициативу Турции, однако США и НАТО признали ее контрпродуктивной [Меркель призвала.., 2016].

На наш взгляд, со стороны Эрдогана это была попытка втянуть Европу и США в сирийский конфликт с целью заставить Асада уйти. Кроме того, Эрдоган предпринял усилия по массированной отправке в Европу беженцев, скопившихся на территории Турции в последние годы.

От прямого вторжения сил Запада (как это было в Ливии) Сирию спасли только дипломатические усилия России, а затем спецоперация российских ВВС против ИГИЛ, проводимая с территории Сирии. Впоследствии в европейских СМИ прозвучала

мысль о том, что Россия помешала европейцам, которые должны были принять более жесткие меры в отношении Асада, чтобы приостановить миграционный поток в Европу. Часть беженцев заявляет, что именно операция российских ВВС заставила их покинуть родину. Однако изучение причин современного миграционного бума приводит к выводу, что в данном случае это был заранее спланированный и организованный процесс, в котором были заинтересованы не только мигранты и принимающие их государства, но и другие политические акторы.

Нынешняя миграционная волна в значительной степени отличается от прежних миграционных вторжений. И не только своими масштабами. Проблема состоит в том, что под вывеской «сирийские беженцы» на самом деле существует многонациональное сообщество людей, часть которых в статусе беженцев находится уже достаточно давно. Дело в том, что до недавнего времени сама Сирия была прибежищем для беженцев, прежде всего из Ирака.

В частности, в 2009 г., по словам Саляма аль-Хафаджи, заместителя министра по делам беженцев и переселенцев, более 1 млн иракцев находились в Сирии [Хусейн, Давыдов, 2009]. В декабре 2015 г., согласно данным Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в Сирии находились 6 757 670 беженцев. Из них 6,5 млн – внутренние переселенцы, т.е. сирийцы, вынужденные покинуть свои дома из-за военных действий. 140 тыс. – беженцы из других стран, в том числе 113 670 иракцев, 800 сомалийцев, остальные – афганцы, суданцы и др. [Profil d'opérations.., 2015]. Сокращение численности иракцев связано как с улучшением обстановки в некоторых районах Ирака, так и с нападениями мусульманских радикалов на районы проживания шиитов. В частности, иракцы, жившие с 2003 г. в районе шиитской мечети Сейида Зайнаб (Дамаск), опасались атак Свободной сирийской армии (состоящей из суннитов), которая угрожала им расправой. Кроме иракцев в Сирии находились также беженцы из Сомали, Эфиопии и Эритреи, которых называют «климатическими беженцами» из-за того, что в их странах в течение шести лет (начиная с 2003 г.) была засуха. Сегодня среди тех, кто называет себя «сирийцами» и даже имеет сирийский паспорт, есть беженцы из Афганистана, Пакистана, Бангладеш, Нигерии, Эритреи, Мали, Судана и даже Албании, Косова и Черногории. Столь своеобразный букет наводит на мысль о том, что в толпе беженцев могут быть и боевики, принимавшие участие в военных действиях на стороне ИГИЛ.

Наши бывшие соотечественники, живущие в Германии, выкладывают в YouTube свои видеонаблюдения о том, что происходит в этой стране. Практически все называют беженцев «сирийцами», вкладывая в это слово негативный смысл. Однако миграционное цунами только называется «сирийским». В первые месяцы миграционного потока в Европу, примерно до середины сентября 2015 г., сирийцы в нем составляли чуть больше 10% переселенцев.

Об этом сообщила сотрудница благотворительного фонда «Доброе дело» Нора Ваймар: «С начала 2015 г. на территорию Евросоюза прибыло порядка 350 тыс. беженцев из Сирии… но собственно сирийцев в нем было 45 тыс.» [Лопатенок, 2015]. Опросы русскоговорящих беженцев свидетельствовали о том, что сирийцев в сформировавшихся группах беженцев действительно было совсем немного. Затем беженцы стали массово представлять сирийские паспорта, как выяснилось впоследствии, купленные в Турции или Болгарии. Европейские страны, отозвавшие свои посольства из Сирии, не могли проверить их достоверность.

Некоторые беженцы, перебравшиеся в Европу, проговариваются о том, что есть специальные организации, которые финансируют отдельных беженцев. Действительно, наблюдатели отмечают наличие у них дорогостоящих телефонов и банковских карточек, по которым эти люди получают деньги. Интернет полон признаний беженцев, которые уже добрались до вожделенной Европы и теперь сообщают о том, каким образом им удалось это сделать.

Кульминацией миграционного кризиса стали события в Кёльне, когда во время праздничных гуляний в новогоднюю ночь немецкие женщины подверглись насилию и грабежу со стороны так называемых «беженцев». Полиция оказалась бессильна, так как приезжие парни бросали в толпу зажженные петарды, тройным кольцом окружали своих жертв, грабили и домогались женщин. Те из них, кто был задержан, смеялись в лицо полиции и рвали свои документы. Наблюдатели отмечали, что полиция была не готова к подобному развитию событий. Никто из полицейских не посмел применить табельное оружие, не использовались водометы и прочие средства для разгона демонстраций.

Из рапорта полиции стало ясно, что мигранты, пользуясь мобильными телефонами, вызывали на площадь своих соотечественников. В свою очередь, полиции было приказано проявлять к беженцам снисхождение. Впоследствии стало известно, что нападения на женщин имели место не только в новогоднюю ночь, но

и раньше. В Швеции, например, заявления пострадавших от мигрантов (преимущественно афганцев) поступали еще в августе 2015 г.

Ливанская газета «Орьен-ле-жур», анализируя случившееся, отметила, что эти события были негативно встречены мигрантами, уже давно живущими в Европе. В частности, газета привела мнение молодого турка из района Моленбек (Брюссель), который сказал по этому поводу: «До сих пор мы жили вполне комфортно… Но после этого я заметил, что в транспорте рядом со мной бельгийцы не садились, хотя больше свободных мест не было… Я думаю, что полиция заранее не просчитала возможной ситуации, ведь некоторые из мигрантов приехали из стран, где женщины вообще ходят с закрытыми лицами» [Artus, 2016]. А вот комментарий Сулеймана Аделя, сирийца, живущего в Норвегии: «Для некоторых из недавно приехавших в Норвегию людей, если женщина показывает хоть немного своего тела, это означает призыв к сексу» [ibid]. Впрочем, были и те, кто оправдывал поведение мусульманской молодежи в рождественскую ночь. В частности, имам мечети ат-Таухид в Кёльне заявил, что «женщины были сами виноваты, так как были наполовину раздеты и надушены» [ibid].

Следует отметить, что в восточном обществе не принято нападать на женщин-единоверцев, согласно шариату или адату (обычное право) такие преступления наказываются. Зато нападение на представительницу другой религии редко имеет негативные последствия для нападавшего. В Египте, например, в районах, где проживают копты, случаются похищения коптских девушек мусульманами. Мусульманин, таким образом, не оплачивая махра (калыма), может жениться на ней. Коптская семья, во избежание позора, старается забыть о девушке и иногда даже переезжает в другую местность. Случившееся в Кёльне свидетельствует о том, что, решив пригласить в Европу столь многочисленное сообщество людей иной культуры, власти ЕС не озаботились тем, к каким последствиям это может привести и сколь сложной окажется адаптация людей другой культуры, веры и ментальности к европейскому обществу.

Международная организация по миграции (МОМ) констатировала, что в Греции и Италии (в странах первой регистрации прибывающих мигрантов) мужчины среди беженцев составляли 66,26%. В Швеции, лидирующей по числу принятых мигрантов на душу населения, из числа лиц, подавших прошение о предоставлении убежища, 71% приходится на долю мужчин. В Финляндии

80% прибывших – мужчины [Подавляющее большинство.., 2016]. В январе 2016 г. Греция приняла 67 415 мигрантов и беженцев. Из них 44% – мужчины, 22 – женщины и 34% – дети [МОМ: С начала года.., 2016]. Шведский социолог Х. Рослинг считает, что превалирование мужчин над женщинами в определенной возрастной группе может быть чревато конфликтами на сексуальной почве. По его данным, в конце 2015 г. в Швеции соотношение между девочками и мальчиками 16–17 лет определялось как 100 к 123, что, как считается, уже может быть чревато негативными последствиями. В случае если «в проигрыше» оказываются молодые люди из маргинальных групп (например, мигранты), то они проявляют склонность к насилию и криминальным действиям [Подавляющее большинство.., 2016].

В группе стран, принимающих мигрантов, лишь правительство нового премьера Канады Дж. Трюдо (с ноября 2015 г.) обратило внимание на это обстоятельство. Было решено предоставлять убежище только одиноким женщинам и детям, прибывающим в сопровождении взрослых, а также семьям из Сирии. Таким образом, был закрыт въезд в страну холостякам, но сделано исключение для гомосексуалов [ibid]. По мнению канадских властей, это уменьшает число возможных преступлений, совершаемых иностранцами на сексуальной почве.

Примерно 2/3 прибывших в европейские страны беженцев составляют молодые мужчины. По мнению ряда наблюдателей, эти беженцы впоследствии вызовут в Европу свои семьи, ибо гуманное миграционное законодательство европейских стран предполагает воссоединение семей. Нет единого мнения относительно того, кто финансировал их переезд в Европу, но известно, что некоторым из них деньги собрали семьи. Есть информация о том, что некие фонды Аравии оказывают этим людям финансовую помощь, и тогда возникает вопрос о целях этой благотворительности.

В ряде европейских СМИ высказывается мысль о том, что значительная часть мигрантов является представителями воюющих в Сирии группировок, задача которых состоит не в том, чтобы улучшить демографическую ситуацию в европейских странах, а наоборот – превратить Европу в мусульманский анклав. Невольно вспоминаешь слова Каддафи: «Вы бомбите стену, не пропускавшую поток африканской миграции в Европу, стену, останавливавшую террористов “Аль-Каиды”. Этой стеной была Ливия. Вы разрушаете ее. Вы – идиоты. За тысячи мигрантов из Африки, за поддержку “Аль-Каиды” гореть вам в аду» [Купинов,

2015]. Реальный поток беженцев превысил все ожидания, под давлением общественности Меркель была вынуждена внести в бундестаг законопроект, ужесточающий правила приема мигрантов и включающий в себя уменьшение суммы социальных выплат, отказ от приема мигрантов из так называемых «безопасных стран», депортацию мигрантов без предварительного уведомления (иначе они сбегут до депортации).

Однако то, как иммигранты преодолевали европейские пространства, намереваясь попасть в Германию, вызвало массовое недовольство. Наблюдатели отмечают, что появились листовки и объявления, призывающие немцев объединиться против нашествия мигрантов. Владельцы оружейных магазинов заявляют об увеличении продаж огнестрельного оружия, что объясняется намерением европейцев обороняться от мигрантов, которые в ряде мест уже были замечены в криминальном поведении. То, что кризис будет решен за счет коренного населения Европы, уже не вызывает сомнения. Людей, живших в домах, арендованных у государства, выселяют, так как власти решили, что в этом районе будут жить беженцы. И неважно, что люди, предполагая жить здесь всегда, вложили в жилье большие деньги и благоустроили его [Оливер, 2015]. Кроме того, в Германии было решено построить 300 тыс. новых квартир для переселенцев [Розэ, 2016].

Министр финансов Германии В. Шойбле предложил ввести общеевропейский налог на каждый литр бензина и направить вырученные средства на борьбу с миграционным кризисом. «Мы должны защищать внешние границы Шенгенского пространства, но нельзя ради этого ограничивать уже существующие бюджеты.

Если не удастся в будущем выделить средства из бюджета отдельной страны или ЕС в целом, то можно, например, ввести в ЕС налог на каждый литр бензина», – заявил он в интервью газете «Süddeutsche Zeitung» [Немецкий министр.., 2016]. Несмотря на протесты, вопрос остался нерешенным, так как даже на первый транш для Турции денег еще не собрали.

Активизировалось и движение ПЕГИДА («Патриотические европейцы против исламизации Запада»), хотя его позиции попрежнему сильнее на востоке Германии, чем на западе. Движение выступает против «великого замещения» (христиан мусульманами), «предавших родину» политиков (больше всего достается Ангеле Меркель) и «прогнившей прессы», которую разъедает «яд политкорректности» [Верне, 2015]. Однако политкорректность и так трещит по швам. Женщины скупают баллончики с газом,

а молодежь собирается в банды. Практически по всем странам прокатилась волна антииммигрантских выступлений, включавшая поджоги зданий, предназначенных для размещения беженцев.

Дискуссия по поводу миграции в Евросоюзе проходит на повышенных тонах. Рассуждая о причинах столь мощного потока мигрантов, премьер Словакии Мирослав Лайчак сказал: «Евросоюз активно вовлечен в события в Сирии. Есть страны, которые поставляют туда оружие и обучают сирийскую оппозицию… В определенном смысле мы способствуем гражданской войне в Сирии, из-за которой в Европу стремятся мигранты» [Глава МИД Словакии.., 2015]. После кёльнских событий общественность европейских стран с тревогой обсуждает сложившуюся ситуацию. Мнения разные, но доминирует беспокойство, тем более что поведение пришельцев вызывает возмущение.

На пути продвижения по европейским странам беженцы, требуя как можно быстрее решить их проблемы, неоднократно сами поджигали лагеря временного содержания. Известны случаи, когда они отказывались покинуть автобус, считая, что место, куда их привезли, им не подходит. Подобные факты поведения заставляют задуматься о том, кто и каким образом сумел внушить этой толпе разноязыких людей подобную модель поведения? Некоторые молодые мужчины-беженцы публично заявляют, что им необходимо заниматься сексом. Этнологи обращают внимание на то, что столь прямолинейное заявление нехарактерно для мусульман и тем более для сирийцев, имеющих неплохое образование. События новогодней ночи в Кёльне, после которой полиция получила сотни заявлений от женщин, подвергшихся грабежу и сексуальным домогательствам, заставляют вспомнить о том, что внутри ИГИЛ практиковалось обеспечение бойцов секс-услугами со стороны плененных женщин.

Кем надо считать этих накачанных парней с хорошим английским – агентами ИГИЛ, действующими под прикрытием сирийской катастрофы, или гражданами Сирии, Эритреи и других стран, отказывающимися от военной службы по защите своей страны?

Лидер Партии независимости Великобритании Найджел Фарадж заявил, что «есть доказательства тому, что “Исламское государство” отправляет в Европу своих боевиков под видом беженцев» [«Толерантная» Европа.., 2015]. В свою очередь, Милаш Земан, президент Чехии, считает, что дети (по некоторым данным, они составляют 15% от общего числа беженцев) и женщины (13%)

используются в качестве щита, а также фактора, который должен вызвать сочувствие у европейцев [Президент Чехии.., 2015]. С тех пор как европейские власти убедились, что под вывеской «сирийские беженцы» полно тех, кто сирийским арабом не является, миграционные власти разделили беженцев на категории.

Больше шансов на получение статуса беженца имеют выходцы из стран, где идет война, прежде всего Ирака, Сирии, Эритреи, в меньшей степени это относится к Афганистану, Пакистану или Нигерии. Гражданам этих стран приходится доказывать, что на родине их преследуют. Никаких шансов получить статус беженца у выходцев из Албании, Косова, Герцеговины, Македонии, также участвующих в этом «марш-броске». Эти страны признаны безопасными для проживания. Уже в ноябре 2015 г. была организована еженедельная депортация албанцев из Германии на родину чартерными рейсами. При этом немецкие власти не учитывали, откуда эти албанцы попали в Германию – из Греции или Турции. Предусматривается, что со странами, которые откажутся принять своих соотечественников обратно, будут разорваны торгово-экономические соглашения. Любопытно, что в случае, если выдворенный за счет европейцев мигрант захочет вернуться, то он будет обязан возместить средства, потраченные на его депортацию. Кроме того, предусмотрено, что в случае изменений ситуации на родине (например, прекращение военных действий) беженец обязан вернуться в свою страну. Однако соблюдают ли европейские власти свои собственные законы? Сказать трудно, ибо летом 2015 г. в Европе уже было 600 тыс. мигрантов, документы которых были просрочены. Но они не уезжали, а ожидали очередной амнистии, которая позволит им остаться в Европе.

Кроме того, появился план Ж.-К. Юнкера, председателя Европейской комиссии, согласно которому каждая европейская страна получит свою «порцию» беженцев. На саммите в Брюсселе (сентябрь 2015 г.) большинство партнеров Германии пытались отказаться от распределения квот. В частности, политики из Восточной и Центральной Европы отмечают, что беженцы в качестве места проживания выбирают Германию, Великобританию и Швецию. Именно поэтому они не хотят регистрироваться в Греции, Болгарии и даже в Италии. Представители Словении привели данные о том, что из 2700 беженцев, прибывших за неделю до саммита ЕС в Словению, убежища в этой стране попросили лишь семеро, остальные поехали дальше [Шимов, 2015]. Некоторые из беженцев едут к родственникам или знакомым, уже обосновав-

шимся в конкретных странах. Например, пакистанцы и афганцы предпочитают Великобританию, где их национальные общины имеют значительный вес.

Представители восточноевропейских стран, участвовавшие в саммите в Брюсселе в сентябре 2015 г., вопрос о квотах объявили примером «диктата Брюсселя и Берлина и нападением на их национальный суверенитет» [Шимов, 2015]. Состоявшийся саммит подтвердил разделение позиций европейских стран по вопросу о квотах на мигрантов на Восток и Запад. Венгрия, Чехия, Словакия, Польша, Румыния и страны Балтии выступают категорически против введения расширенных и обязательных квот. Однако у Евросоюза есть средства заставить их подчиниться.

Даже Великобритания, не являющаяся членом Шенгенской зоны, поспешила заявить о своем нежелании помочь Европе. Практически повсеместно население европейских стран реагировало отрицательно на введение квот. В Словакии манифестанты вышли на улицы с лозунгом: «Словакия – словакам» и разорвали флаг Евросоюза [В Братиславе.., 2015]. Однако канцлер Германии настаивала на едином подходе европейских государств к приему мигрантов, хотя у таких стран, как, например, Эстония, Латвия и Литва, подобного опыта приема беженцев нет. Кроме того, в прибалтийских странах правила приема беженцев намного более жесткие, чем в Западной Европе. Как известно, здесь существует категория населения, называемая «неграждане» (по данным Eurostat, в Латвии таковых насчитывается 262 тыс. человек, в Литве – 33,6 тыс., в Эстонии – 208 тыс.) [Eurostat: В Литве.., 2012].

29 ноября 2015 г. Евросоюз и Турция на экстренном саммите в Брюсселе приняли план действий по решению проблемы миграции. ЕС взял на себя обязательство выделить 3 млрд евро на содержание беженцев на территории Турции. При этом Еврокомиссия пообещала регулярно забирать беженцев и пристраивать их в странах Евросоюза, разработав новую систему легального размещения мигрантов. Тем не менее Турция заявила, что не сможет гарантировать Евросоюзу снижения миграционного потока даже после получения европейской помощи. Однако канцлер ФРГ Ангела Меркель не видит иного решения проблемы беженцев. В немецкой печати (в частности, в интернет-издании «Deutsche Wirtschafts Nachrichten») было высказано мнение, что «европейцы в связи с этой сделкой по беженцам превратятся в спонсоров самой опасной террористической сети в мире» [СМИ: Сделка ЕС.., 2015].

Любопытно, что практически все страны стали лихорадочно вводить свои внутренние нормы, призванные минимизировать последствия приема беженцев, а также оградить свою культуру от иноземного вторжения. Вслед за Германией датские власти приняли решение сократить пособие для приезжих и ужесточить политику в отношении безработных мигрантов. Кроме того, Дания и Швеция решили ввести пограничный контроль на Эресуннском мосту, который не только для скандинавов, но и для всех европейцев до сих пор был воплощением свободы передвижения. Мост соединяет Данию и Швецию, и он стал символом интеграции двух стран и отсутствия границ. Теперь же в каждом вагоне поезда, идущего через мост, лежит предупреждение о том, что впереди – паспортный контроль. Польша заявила, что она предпочитает брать тех беженцев, кто исповедует христианство, а Эстония – русскоговорящих [Эстония хочет выбирать.., 2015]. Комментируя требования Эстонии, политолог В. Воловой вспомнил среднеазиатскую поговорку: «Когда придет черный Джунгар, рыжий русский станет братом» [Воловой, 2015].

После драматических событий новогодней ночи в Кёльне канцлер ФРГ Ангела Меркель сообщила, что готова рассмотреть меры, облегчающие процедуру депортации мигрантов, обвиняемых в преступлениях [Меркель сообщила.., 2016]. В то же время власти рекомендовали не травмировать религиозные чувства беженцев и отказаться от ряда христианских традиций, которые якобы могут оскорбить верующих мусульман. В Германии переименовали христианские праздники: рождественские каникулы называются теперь «зимними», пасхальные – «весенними каникулами». Подобная мера, на наш взгляд, абсурдна, ибо Иисус почитается в исламе как Пророк, предшествовавший Мухаммеду.

Обращает на себя внимание тот факт, что мигранты демонстрируют поразительную целеустремленность. Мало кто соглашается остаться в странах Восточной Европы. На всем пути следования они требовали пропустить их в Германию или Великобританию.

По поводу причин миграционного кризиса существует несколько версий. Например, популярна идея о том, что нашествие мигрантов является частью плана по коренной перестройке Европы, так как транснациональному бизнесу нужна дешевая рабочая сила. Беженцы из светской Сирии, где по сравнению с другими арабскими странами имеет место хороший уровень образования, представляются потенциально лучшими работниками. В свою

очередь, аравийские монархии и Турция заинтересованы в разрушении государственности Сирии (ослаблении ее человеческого потенциала и смещении президента Асада). Кроме того, Сирия, как светское государство, имеющее дружеские отношения с Ираном, мешает установлению суннитской гегемонии в регионе, за которую ратуют президент Турции Эрдоган и монархи Аравийского полуострова. К этому следует добавить, что желание Меркель привлечь в Европу беженцев совпало со стремлением турецкого президента избавиться от осевших на территории Турции нескольких миллионов афганцев, пакистанцев, иракцев, сирийцев и африканцев, бежавших из своих стран по разным причинам. Сложившейся ситуацией воспользовались мусульманские радикалы, стремящиеся укрепить позиции ИГИЛ на европейском континенте. Таким образом, отсутствие у Меркель согласованного с другими европейскими лидерами конкретного плана по привлечению беженцев из Сирии позволило другим игрокам – Турции и аравийским монархиям – включиться в игру и на нынешнем этапе уже получить определенные дивиденды.

А. Меркель попыталась вовлечь в процесс принятия и размещения прибывших как можно больше европейских стран, с тем чтобы разделить между ними ответственность за хлынувший поток беженцев. Однако детальное изучение сложившейся ситуации, а также теракты в Бельгии заставили руководство Евросоюза начать переговоры с Эрдоганом, с тем чтобы вернуть на территорию Турции тех, кто не является выходцем из Сирии или Ирака.

В конце концов после длительного торга с Эрдоганом, который потребовал установить безвизовый режим для граждан Турции, а также значительно увеличить финансовую помощь на разрешение проблем, связанных с иммигрантами, было решено, что Турция заберет обратно тех, кто не сможет доказать свое сирийское происхождение. Немецкая пресса писала по этому поводу: «Беспомощный Евросоюз жаждет быстрого решения и видит в Эрдогане спасителя, однако это огромное заблуждение…» [DWN: Сделка Меркель.., 2015].

Будет ли выполнять соглашение Р. Эрдоган? Да, но только при условии учета его требований – выплаты денежной компенсации и введения безвизового режима для граждан Турции. При этом он попытается реализовать свои цели. Дело в том, что после распада СССР и затянувшегося ожидания вступления в ЕС Турция начала выработку новой амбициозной стратегии, целью которой стало стремление создать геостратегическое пространство под

эгидой Анкары за счет восстановления влияния на территориях, некогда входивших в Османскую империю, а также населенных тюркскими народами. Еще в 1990-е годы Тургут Озал заявил об ответственности за историческое пространство бывшей Османской империи.

Однако подлинный расцвет дипломатического «неоосманизма» наступил с приходом к власти Эрдогана и его Партии справедливости и развития. Открывшаяся для Анкары возможность для переброски турецких исламистов в Европу не может быть проигнорирована.

О намерениях Турции свидетельствуют книги, опубликованные в последнее десятилетие в Турции, в том числе книга бывшего премьера А. Давутоглу «Глубинная стратегия», в которых говорится, что Турция в новом тысячелетии должна стать лидером мусульманского мира. При этом Турция не собирается отказываться от перспективы вступления в Европейское сообщество. Ф. Мерджан, обозреватель газеты «Заман», цитирует слова турецкого дипломата Онура Оймена по поводу вступления Турции в ЕС: «Это... приравняет ее по числу депутатов в Европарламенте с Германией», а спустя 50 лет, продолжает Ф. Мерджан, «Турция по численности населения станет самой крупной державой Западной Европы» [цит. по: Киреев, 2015, с. 230].

Естественно, что возвращение иммигрантов в Турцию потребует от Евросоюза больших затрат. Более того, предполагается, что взамен каждого возвращенного иммигранта ЕС получит именно сирийского беженца. В начале апреля с греческих островов Лесбос и Хиос в обратный путь отправились первые 200 беженцев (в основном пакистанцы, индийцы, афганцы и выходцы из Бангладеш). За неделю до них объявили о своем намерении вернуться на родину несколько иракских семей. Власти Евросоюза вынуждены были ввести более жесткие правила приема беженцев. В частности, отказ получили те, кто не подал прошение об убежище, прибыв на территорию Греции.

В Германии, особенно после новогодней ночи в Кёльне, когда более 600 женщин подверглись агрессии, сексуальным домогательствам и ограблению, началась дискуссия о том, нужно ли разрешать демографические и экономические проблемы путем привлечения беженцев из других государств. В частности, немецкое интернет-издание «Deutsche Wirtschats Nachrichten» в статье «Ложная идея: Перемещенные [т.е. мигранты. – *Авт.*] способны создать новое немецкое экономическое чудо» пишет о том, что

некоторые немецкие промышленники считают, что беженцы могут стать толчком для нового «экономического чуда» Германии. Статья приводит слова Дитера Цетше, генерального директора компании «Даймлер»: «Конечно, разместить в Германии более 800 тыс. человек очень сложно. Но, в лучшем случае, это также может стать основой для следующего немецкого экономического чуда», – как и раньше, когда миллионы гастарбайтеров 1950-х годов внесли значительный вклад в возрождение Федеративной Республики в 1960-е годы [Ein falscher.., 2015]. Заявление Дитера Цетше, по мнению авторов статьи, «звучит как верх цинизма». При этом он предлагает «высокомотивированных» мигрантов использовать для подъема экономики Германии. По мнению издания, «слова человека из экономической элиты Германии показывают, что элиты утратили моральный вектор. Ведь желательно, чтобы мужчины и женщины из Сирии явились бы основой для сирийского экономического чуда…» [ibid]. Анализируя причины сложившейся ситуации, следует отметить, что с тех пор как летом 2013 г. между США и Евросоюзом состоялись переговоры о создании зоны свободной торговли (ЗСТ), которую европейские СМИ окрестили «экономическим НАТО», потребность в рабочей силе в Европе многократно возросла. Автором идеи создания ЗСТ, выдвинутой в 2007 г., является Ангела Меркель, и, вероятно, именно этим объясняется то, что, несмотря на призыв к ее отставке, она продолжает реализовывать свой грандиозный проект, цель которого сохранение Западом – Евросоюзом и США – мирового лидерства.

Общественность европейских стран обеспокоена проблемами, связанными с миграционным кризисом. Очевидно, что новые беженцы, которые приедут на смену нынешним, могут быть связаны с ИГИЛ. В европейских СМИ идет дискуссия о тех изменениях на рынке труда, которые могут произойти в связи с наплывом новых рабочих. Остаются вопросы о судьбе тех, кого Евросоюз депортирует в Турцию. Среди них есть люди, которые бежали из зон военных действий или стран с диктаторскими режимами, а это означает, что ЕС нарушает Конвенцию ООН 1951 г. «О статусе беженцев».

Неясно также, как сложатся отношения между Евросоюзом и Турцией. Учитывая обещанный безвизовый режим для граждан Турции, можно предположить, что им могут воспользоваться и мусульманские радикалы. Очевидно, что Европа попала в зависимость от Эрдогана, для которого беженцы стали средством давления на Евросоюз.

Миграционный кризис стал большим испытанием для европейских стран. Опасаясь продолжения миграционного цунами, некоторые страны уже выступают с идеей отказаться от членства в Евросоюзе. Однако многое будет зависеть от того, как европейцы сумеют преодолеть последствия нынешнего этапа, а также предотвратить новое, более мощное вторжение в Европу. Немалая ответственность лежит и на Ангеле Меркель, которая в августе 2016 г. должна объявить о своем желании в четвертый раз стать канцлером Германии. Информация о ее намерении участвовать в выборах уже просочилась в СМИ. Если ей удастся исправить ситуацию с беженцами, то она продолжит работу по переустройству Европы в условиях глобализации. Что касается беженцев из Сирии, то можно ожидать, что часть людей, чьи руки не испачканы кровью своих соотечественников, вернется на родину, так же как и большинство беженцев из Балканских стран, которые покинули их в период распада Югославии.

Литература

1. Бонналь Н. Американцы организовали вторжение в Европу? // ИноСМИ. – 2015. – 20.08. – Режим доступа: http://inosmi.ru/world/20150820/229748267.html (Дата обращения – 16.04.2016.)
2. Вайден А. Не бойтесь иммигрантов! // ИноСМИ. – 2015. – 08.01. – Режим доступа: http://inosmi.ru/world/20150108/225376903.html (Дата обращения – 16.04.2016.)
3. В Братиславе участники митинга против мигрантов разорвали флаг ЕС // Lenta.ru. – 2015. – 21.06. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2015/06/21/slovakia/ (Дата обращения – 28.02.2016.)
4. Верне Д. Меркель между двух огней // ИноСМИ. – 2015. – 23.12. – Режим доступа: http://inosmi.ru/politic/20151223/234897983.html (Дата обращения – 16.04.2016.)
5. Воловой В. Эксперт: Когда придет черный Джунгар, рыжий русский станет братом // Baltnews. – 2015. – 11.08. – Режим доступа: http://baltnews.lt/vilnius_news/20150811/1014026587.html (Дата обращения – 16.04.2016.)
6. Глава МИД Словакии: ЕС создает причины для притока беженцев, помогая сирийской оппозиции // ТАСС. – 2015. – 02.09. – Режим доступа: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2230132 (Дата обращения – 16.04.2016.)
7. Гулевич В. Эхо далекой войны: Сирийские беженцы едут в Польшу // Международная жизнь. – 2015. – 01.06. – Режим доступа: https://interaffairs.ru/news/show/13234/ (Дата обращения – 16.04.2016.)
8. Замещение европейских наций // Народный корреспондент. – 2015. – 24.09. – Режим доступа: http://nk.org.ua/geopolitika/zameschenieevropeyskihnatsiy-24201 (Дата обращения – 16.04.2016.)

9. Иванова О. Массовый исход: Куда и зачем бегут сирийские беженцы? // Savvy. – 2015. – 01.10. – Режим доступа: http://www.savvy.by/politika/blizhnij-vostok/item/3691-ishod (Дата обращения – 16.04.2016.)
10. Киреев Н.Г. Исламо-турецкий синтез в государственной идеологии Турции // Нации и национализм на мусульманском Востоке / РАН. ИВ. – М., 2015. – С. 229–240.
11. Контрабандисты заработали до 6 млрд долл. на переправке мигрантов в Европу // Еспресо. – 2016. – 17.01. – Режим доступа: http://ru.espreso.tv/news/2016/01/17/kontrabandysty_zarabotaly_do_6_mlrd_na_perepravke_mygrantov_v_evropu (Дата обращения – 20.05.2016.)
12. Косяков С. В 2015 г. в ЕС въехали 1,5 млн нелегальных мигрантов // Deutsche Welle. – 2015. – 29.11. – Режим доступа: dw.com/ru-в2015-году-в-ес-въехали-1,5-миллиона-нелегальных-мигрантов/a-18883342 (Дата обращения – 16.04.2016.)
13. Купинов М. Сбывается проклятие Каддафи // Сегодня. – 2015. – 31.08. – Режим доступа: http://www.segodnia.ru/content/165721 (Дата обращения – 16.04.2016.)
14. Лопатенок С. Сотрудница благотворительного фонда о том, боятся ли в Германии сирийских беженцев // 812 Online. – 2015. – 14.09. – Режим доступа: http://www.online812.ru/2015/09/14/013/ (Дата обращения – 16.04.2016.)
15. Меркель призвала к созданию бесполетной зоны вдоль сирийско-турецкой границы // Взгляд. – 2016. – 17.02. – Режим доступа: http://vz.ru/news/2016/2/17/794907.html (Дата обращения – 16.04.2016.)
16. Меркель сообщила о готовности ужесточить миграционное законодательство // Интерфакс. – 2016. – 09.01. – Режим доступа: http://www.interfax.ru/world/488754 (Дата обращения – 20.05.2016.)
17. МОМ: С начала года в Европу по Средиземному морю прибыли более 120 тыс. мигрантов // ТАСС. – 2016. – 26.02. – Режим доступа: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2698153 (Дата обращения – 16.04.2016.)
18. Немецкий министр предлагает налог на миграционный кризис // Пражский экспресс. – 2016. – 16.01. – Режим доступа: http://www.pragueexpress.cz/eu/62343-nemetskij-ministr-predlagaet-nalog-na-migratsionnyj-krizis (Дата обращения – 16.04.2016.)
19. Оливер П. Немцев выселяют из домов ради размещения беженцев // RT на русском. – 2015. – 12.11. – Режим доступа: https://russian.rt.com/article/129334 (Дата обращения – 20.05.2016.)
20. Подавляющее большинство мигрантов в Европе – мужчины // Взгляд. – 2016. – 13.01. – Режим доступа: http://vz.ru/news/2016/1/13/788433.html (Дата обращения – 16.04.2016.)
21. Президент Чехии обвинил мигрантов в использовании детей в качестве живого щита // Cursorinfo. – 2015. – 25.10. – Режим доступа: http://cursorinfo.co.il/news/world/2015/10/25/prezident-chehii-obvinil-migrantov-v-cinichnom-ispolzovanii-detey/ (Дата обращения – 16.04.2016.)
22. Розэ А. Беженцам в Германии запретят смену места жительства // Российская газета. – 2016. – 21.02. – Режим доступа http://rg.ru/2016/02/21/bezhency-v-germanii-poluchat-tverduiu-propisku-bez-prava-pereseleniia.html (Дата обращения – 16.04.2016.)

23. СМИ: Сделка ЕС с Турцией по урегулированию проблемы беженцев является ошибкой // Рамблер-новости. – 2015. – 28.11. – Режим доступа: http://news.rambler.ru/world/32070841/ (Дата обращения – 16.04.2016.)
24. «Толерантная» Европа встречает беженцев подножками и поджогами // Вести. – 2015. – 11.09. – Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2663055 (Дата обращения – 16.04.2016.)
25. Хусейн А., Давыдов П. Иракские беженцы в Сирии не спешат возвращаться в Ирак // РИА Новости. – 2009. – 18.08. – Режим доступа: http://ria.ru/ocherki/20090818/181443600.html (Дата обращения – 20.05.2016.)
26. Шимов Я. Беженцы раскололи Европу // ИноСМИ. – 2015. – 24.09. – Режим доступа: http://inosmi.ru/world/20150924/230444569.html (Дата обращения – 16.04.2016.)
27. Эстония хочет выбирать беженцев, но беженцы не хотят выбирать Эстонию // Stena. – 2015. – 01.12. – Режим доступа: http://www.stena.ee/blog/estoniya-hochet-vybirat-bezhentsev-no-bezhentsy-ne-hotyat-vybirat-estoniyu (Дата обращения – 16.04.2016.)
28. DWN: Сделка Меркель с Эрдоганом станет приговором для Европы // РИА Новости. – 2015. – 28.11. – Режим доступа: http://ria.ru/world/20151128/1330709565.html (Дата обращения – 16.04.2016.)
29. Eurostat: В Литве проживает 1% неграждан // Lietuvos. – 2012. – 13.07. – Режим доступа: http://www.lietuvos.by/news/46-eurostat-v-litveprozhivaet1-negrazhdan.html (Дата обращения – 16.04.2016.)
30. Artus C. Pour l'imam de Cologne, les Allemandes l'ont bien cherché // Boulevard Voltaire. – 2016. – 21.01. – Mode of access: http://www.bvoltaire.fr/carolineartus/limam-de-cologne-allemandes-lont-bien-cherche,233159 (Дата обращения – 16.04.2016.)
31. Ein falscher Gedanke: Vertriebene sollen deutsches Wirtschafts-Wunderschaffen // Deutsche Wirtschats Nachrichten. – 2015. – 16.09. – Mode of access: http://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/2015/09/16/ein-falscher-gedankevertriebene-sollen-deutsches-wirtschafts-wunder-schaffen/ (Дата обращения – 22.05.2016.)
32. Profil d'opérations 2015: République arabe syrienne // UNHCR. – 2015. – Режим доступа: http://www.unhcr.fr/pages/4aae621d5b3.html (Дата обращения – 22.05.2016.)

«Актуальные проблемы Европы: Науч. журн. / РАН. ИНИОН», М., 2016 г., № 4: Миграционный кризис в современной Европе и перспективы его разрешения, с. 61–83.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

А. Ниязи,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья
(Институт востоковедения РАН)

ИДЕАЛЫ УЧЕНИЯ «АЛ-ВАСАТЫЙА» ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. *В статье через призму фундаментальных проблем мирового развития анализируются тенденции становления передовых идей и практик экономического, социально-экологического и культурного характера. Прежде всего они формируются в рамках концепции устойчивого развития разрабатываемой специалистами ПРООН (Программы развития Организации Объединенных Наций), а также в теории исламской экономики, опирающейся на коранический завет о справедливости и умеренности во всех человеческих отношениях. По многим параметрам эти модели альтернативны радикальным постулатам неолиберальной системы капитализма и представляют ориентиры для утверждения новой парадигмы развития.*

Ключевые слова: ал-васатыйа, глобализм, исламская экономика, мировой системный кризис, неолиберализм, Россия, социально-экологические проблемы, устойчивое развитие, экономическая безопасность.

Проявления мирового системного кризиса начали прослеживаться еще в минувшем веке. Именно тогда сформировалась всемирная система общества потребления и по планете широко распространилось материалистическое мировоззрение, поставившее экономический и социальный интерес превыше общечеловеческой нравственности, наработанных веками понятий о долге, чести и добродетели. Одновременно человек возомнил себя царем

природы. Массовое потребительское отношение к жизни совпало со стремительным ростом числа неверующих в прошлом столетии. Российские исследователи М.О. Тульский и Ю.В. Яковец отмечают, что в течение XX в. оно увеличилось почти в 242 раза, соответственно доля неверующих людей от общей численности населения Земли возросла с 0,3 до 20%[1].

Традиционная вера перестала определять образ жизни значительной части «прогрессивного человечества». Увлеченное социально-экономическими экспериментами, оно отбросило на задворки истории идею божественности мироздания, а вместе с ней – религиозную мораль и этику. Слепая вера во всесилие человека и научно-технического прогресса привела к тому, что homo sapiens начал играть в бога и самозабвенно переустраивать мир по своим схемам, каждая из которых считалась ее адептами правильной. В результате последовали колоссальные человеческие и природные потери.

Казалось бы, XXI в. ознаменует эру мира и гармоничного развития. Но, напротив, за последние годы глобальная нестабильность, охватывающая все сферы человеческой жизни, неуклонно возрастает.

Усиливается неустойчивость мировой энергетической и финансовой систем, возрастает милитаризация, отбрасывается назад культурное развитие и сближение народов, обостряются социально-экологические проблемы. В целом серьезнейший кризис возник в международных политических и экономических отношениях.

Разумеется, возрастающая неустойчивость мировой системы вызвана целым рядом причин, но в первую очередь она связана с радикальной попыткой вживления в тело современной

---

[1] Тульский М.О. Изменение религиозной принадлежности населения мира за 100 лет // Россия и мусульманский мир. – 2001. – № 3. – С. 110.

М.О. Тульский считает, что на протяжении минувшего века число неверующих на Земле увеличилось с 5 до 1208 млн человек, т.е. в 241,6 раза. Наибольший отход от религии произошел в большинстве высокоразвитых стран. На этом фоне только ислам стал единственной религией мира, доля приверженцев которой выросла с 1900 по 2000 г. с 13 до 19,5% от общего населения земного шара.

Яковец Ю.В. Историометрическое исследование динамики цивилизаций // Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век: Материалы IV Международной кондратьевской конференции. МФО. – М., 2001. – С. 47–48.

цивилизации геополитической и геоэкономической модели всемирного свободного рынка, тяготеющего над государственными и общественными интересами. С конца 1970-х годов неолиберальная теория и практика выстраивалась преимущественно на базе экономических моделей США и Великобритании, затем в их фарватере последовали страны «большой семерки». До сих пор они упорно стремятся закрепить собственные экономические институты, юриспруденцию и хозяйственную практику во всем остальном мире. «Рыночный фундаментализм»[1] базируется на уверенности, будто надгосударственный мировой свободный рынок способен решить все насущные проблемы человечества. «Цивилизация бизнеса» пользуется военно-политическим покровительством Соединенных Штатов и их ближайших партнеров.

Подконтрольные им международные финансовые институты, такие как МВФ, Всемирный банк и ряд других влиятельных учреждений, в обмен на помощь развивающимся странам настойчиво рекомендуют им влиться в стихию неолиберальной конкуренции. Те, кто сопротивляется правилу естественных преимуществ, зачисляются в стан неприятеля, хотя понятно, кем и какими способами в наше время выстраивается мировое лидерство.

Следует вспомнить, что изначально неолиберальная экономическая доктрина сводилась к поэтапному освобождению рынков ведущих экономик от опеки государства и социальных обязательств, а также к утверждению новой мировой валютно-финан-

---

[1] Выражение «рыночный фундаментализм» было введено в обиход Джорджем Соросом и широко используется Джозефом Стиглицем – известным американским экономистом, лауреатом Нобелевской премии по экономике. Оно удачно определяет идеологию, исповедуемую теоретиками и адептами всесилия свободного рынка и преимуществ неограниченной конкуренции. Претендуя на научность и безусловную истину, эта экономическая доктрина в последние десятилетия превратилась в подобие веры, доведенной до абсурдных крайностей. Практика, основанная на этой теории, ведет к высокой степени неустойчивости мировой капиталистической системы. Очень похожая идеология, отстаивавшая абсолютное табу на вмешательство в рыночные игры, именуемая laissez-faire – «свободное предпринимательство», рухнула в конце 20-х годов прошлого века. Дж. Сорос ставит в один ряд догматизм марксистский и догматизм неолиберальный.

См.: Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. – М., 2001.

совой системы[1]. Со временем этот проект заметно трансформировался и превратился в некое подобие философии развития мировой цивилизации. Его поборники, провозгласившие свободный рынок локомотивом прогресса, приступили к ускоренному переустройству мира, как только пошатнулась советская система. Неолиберализм в это время существенно радикализовался. «Шоковая терапия», прописанная для постсоветской экономики, продемонстрировала намного более жесткие реформы, нежели те, которые практиковались ранее в других странах. Вслед за падением соцлагеря последовала попытка форсированного распространения неолиберального проекта, или, иначе, глобализма, уже по всей планете. Трудно представить, но неолиберальный инструментарий додумались применять в разру-

[1] Вдохновителями нового курса были Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер, теоретики Чикагской экономической школы, часть профессуры преимущественно из университетов США и Великобритании, председатель Федеральной резервной системы США Пол Волкер, а также ряд других политиков, финансистов и представителей крупного бизнеса. Позднее, в 1989 г., неолиберальное направление экономической мысли, переросшее уже в теорию развития мировой цивилизации, получило название «Вашингтонский консенсус». Автор выражения «Вашингтонский консенсус» – экономист Института международной экономики в Вашингтоне Джон Уильямсон (John Williamson) – использовал его лишь для обозначения согласия между Казначейством Соединенных Штатов, МВФ, Всемирным банком и некоторыми влиятельными мозговыми центрами, по поводу определенных макро- и микроэкономических мер для развивающихся стран, в основном Латинской Америки, которые, попав в долговую петлю, остро нуждались во внешних кредитах. Причем тогда предлагаемая для них реструктуризация экономики акцентировала внимание на важной роли правительств в качестве дополнительного рыночного компонента, а консенсус фактически был нацелен на страны, которые уже имели рыночную экономику или находились на пути перехода к ней. Причем, как отмечает бывший вице-президент Всемирного банка, лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц, вопрос относительно фактического существования «Вашингтонского консенсуса» стоял всегда. «Был ли консенсус достигнут или это только намерение, удачно мотивированная попытка? На самом деле это действительно попытка. Нет никакой стандартной терминологии для данной серии учений, не существует различных практиков, разбирающихся в этих доктринах, имеющих свои тонкости и акценты. Ряд взглядов и представлений часто обобщается как “Вашингтонский консенсус”, хотя, конечно, в Вашингтоне (тем более за его переделами) никогда не было никакого консенсуса касательно политики». (Цит. по URL: http://ch.uapa.ru/modern/article.php?id=47 (Дата обращения: 02.02.2010.)). Тем не менее термин «Вашингтонский консенсус» получил широкое распространение, у одних как символ победы в «холодной войне», у других как навязываемая Соединенными Штатами политика «минималистского государства» и монетаризма. См.: Stiglitz Joseph E. Globalization and Its Discontents. W.W. Norton, Incorporated, 2002.

шенных войной Ираке и Афганистане после ввода туда войск коалиции. В результате получили долговременные социально-экономические и политические кризисы[1]. Известно, как обострились вопросы безопасности в этих странах и прилегающих к ним регионах.

При этом глобалистский «локомотив прогресса» сам себя загоняет в тупик. Строй, основанный на размывании национальных рынков, игнорировании социальных обязательств, безудержном потреблении и форсированном экономическом росте, породил в последние два десятилетия критическую массу глобальных социально-экономических, культурных, экологических и военных проблем. Сам на своем пути воздвиг многочисленные преграды, которые в рамках его схемы развития преодолевать становится все сложнее, а некоторые, видимо, преодолеть не удастся.

Тем не менее, вопреки здравому смыслу США, ведомые ими преимущественно европейские государства, а также международные финансовые учреждения продолжают выстраивать отношения со «вторым» и «третьим» миром в русле глобалистского проекта. Страны и кредитно-инвестиционные организации, составляющие ядро неолиберального капитализма, дают другим советы, которые, как ни парадоксально, они сами нередко опровергают своей социально-экономической практикой. Предлагаемая ими формула прогресса для остальных в основном сводится к радикальным шагам по приватизации госсобственности, минимизации государственного присутствия в экономике, государственных социальных обязательств и отмены протекционистских мер. Настоятельно рекомендуется следовать правилам монетаризма доминирующей спекулятивной валютно-финансовой системы. Поощряется ориентация на экспорт, прежде всего – сырья.

Обычно, как показывает практический опыт, исполнение полного набора таких советов приводит к противоположным от ожидаемого результатам[2]. Предлагаемые остальному миру западные рекомендации развития по неолиберальным лекалам довольно часто вызывают процессы их отторжения активными обществен-

---

[1] О неолиберальном эксперименте в Ираке см.: Харви Дэвид. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. – М.: «Поколение», 2007. – С. 16–17. О неолиберальном эксперименте в Афганистане см.: Ниязи А.Ш. Афганистану навязываются пережитки глобализма. URL: http://afghanistan.ru/doc/15268.html (Опубликовано: 06.08.2009.)

[2] О внедрении неолиберализма в развивающихся странах см.: Кляйн Наоми. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. – М.: Добрая книга, 2009.

ными слоями и выражающими их настроения политиками. Неприятие навязываемых реформ, которые несут реальную угрозу социальным и культурным ценностям народов, сопровождается возрождением левой идеологии, правого консерватизма, религиозных и национальных движений. Подчас они заметно радикализуются. Рост радикализма в последние годы отмечается по всему миру, в том числе и в Европе, а его спектр расширяется. Многие современные фундаменталистские движения от мирных до агрессивных, воинствующих, в отличие от прежних, возникают в виде ответной реакции на фундаментализм рыночный. Нередко его воспринимают не только как экономический неоколониализм, но и как культурный, а точнее – антикультурный.

Основания для этого имеются. В конструировании всемирной рыночной цивилизации национальные культуры, традиции в лучшем случае игнорируются, а то и считаются препятствиями на пути к ней. Производственный базис современного транснационального капитализма нуждается в формировании соответствующей ему надстройки в виде всемирного общества безудержного потребления. Оно призвано сохранять и поддерживать систему диктатуры рынка. В нем размножается вид «нового человека», которого принято называть homo economicus. Он приучается мыслить преимущественно экономическими категориями, теряет индивидуальность и социальные связи, с трудом понимает культуру своих предков, прошлые и настоящие культурные ценности иных народов, зачастую воспринимает их как архаичные пережитки. Естественно, что массы таких одномерных трудоголиков и потребителей легко поддаются управлению в нужном русле[1].

[1] Термин «homo economicus» трактуется по-разному и необязательно обозначает гедониста оторванного от высокой культуры и традиционной этики. Экономическому человеку может быть присущ и здравый рационализм в производстве и потреблении. Здесь речь идет об увеличивающемся слое людей массовой культуры последних десятилетий. О прошлом и современном феномене человека экономического см.: Зомбарт В. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Буржуа: К истории духовного развития современного экономического человека. – СПб., 2005; Веряскина В.П. Блеск и нищета «homo economicus»: Теоретическая модель и ее онтологический статус // Философские науки. 2007. № 2. С. 9–27; Сорочайкин А.Н. Методологические аспекты «homo economicus» как антропологические модели: Идеализация, конструктивность, символичность // Основы экономики, управления и права. – 2012. – № 2. – С. 121–125; Бьюккенен П. Смерть Запада. – М., 2004; Edward J. O'Boyle. Requiem for Homo Economicus // Journal of Markets and Morality. – Vol. 10. – N 2. – Fall 2007. – P. 321–337.

Также и проповедуемая неолибералами идея всемирной демократизации на деле оказывается подчинена экономическим задачам сверхсвободного рынка, используется как политический инструмент его распространения, причем избирательно. На союзнические авторитарные, а то и явно деспотические режимы экспорт демократии не распространяется. Тем не менее, несмотря на многочисленные изъяны и неудачи глобалистского конструирования, неолиберальная система обладает значительной политической, экономической и военной мощью. Она способна функционировать и по инерции диктовать свои условия достижения «прогресса» достаточно долго.

В то же время сейчас наблюдается активный поиск иной ценностной и технологической парадигмы развития, призванной сменить потребительское отношение к жизни на осознанное сбережение окружающего мира и человеческого в человеке. Мы подошли к тому пределу, когда функционирование сообществ за счет возрастающей эксплуатации природы становится опасным. Истощение экосистем при интенсивном потреблении ресурсов вызывает серьезные сбои в жизнедеятельности социумов. Многие социально-экономические модели, будь то развитых или развивающихся стран, начинают терять перспективу развития. Выстроенные на неэкономном, потребительском отношении к природе и человеку, они к тому же тормозят общее глобальное развитие. Разумеется, универсального рецепта для излечения болезней современности быть не может. Конечно, невозможно сделать всех счастливыми, но человечество способно создать более справедливый, разумный и стабильный мир. Представляется, что объединяющей антитезой неолиберальному проекту является концепция устойчивого развития, разрабатываемая специалистами ПРООН. В последние годы она получает все большее международное признание, начинают реализоваться ее отдельные проекты.

Ключевой принцип концепции сводится к необходимости сбалансированности экономического, социального и экологического благополучия. Предлагается схема взаимоподдерживаемой социоприродной эволюции через утверждение бережливых социально-экономических моделей регулирования производства и потребления, внедрение альтернативной энергетики, ресурсосберегающих и чистых технологий, что принято именовать «зеленой экономикой». Очень важно, что вокруг этой базисной цели формируются новые взгляды на мировое экономическое и

политическое устройство, роль государства и рынка, просвещение и образование, решаются проблемы социальной ответственности бизнеса, местного самоуправления. Серьезное внимание начало уделяться вопросам поддержки и развития культуры, сохранению традиционных духовных ценностей, их важнейшей роли в утверждении новых векторов прогресса[1]. Концепция устойчивого развития объединяет прогрессивную систему взглядов на гармоничное устройство мира. Она постоянно расширяется, впитывает опыт различных культур. В нее вписываются формирующиеся как на Западе, так и на Востоке новые передовые альтернативы, в том числе опирающиеся на религиозное мировоззрение.

На пути выхода из глобального системного кризиса немало полезного способно дать исламское наследие. Миллионы мусульман стремятся к главным этическим призывам в учении ислама – справедливости и умеренности. Многие сохраняют такие культурно-психологические установки, как ответственность за духовное и физическое здоровье человека, за настоящее и будущее. Исламское учение осуждает корысть и паразитизм, неоправданные риски, воспитывает трудолюбие, призывает к заботе о семье и нуждающихся, исполнению общественного долга.

В последнее время возрастающее внимание привлекают коранические заветы о бережном отношении к окружающему миру. Возникает все больше мусульманских социальных и экологических организаций, вносящих свой вклад в общее дело защиты человека и природы, растет число исламских экологических интернет-ресурсов. Начинают издаваться серьезные труды по теории и практике устойчивого развития в мусульманском мире[2]. Все более актуальными становятся примеры выстраивания

---

[1] См.: Навстречу «зеленой» экономике: Пути к устойчивому развитию и искоренению бедности.

Найроби (Кения); Женева (Швейцария); Москва (Россия) // ЮНЕП, Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде 2011.

Экологическая устойчивость в интересах благосостояния человека в повестке дня развития на период после 2015 г. Ассамблея Организации Объединенных Наций по окружающей среде. Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде. Найроби, 23–27 июня 2014 г.

[2] Количество книг, статей и документов по устойчивому развитию, издаваемых мусульманами и исламоведами, в последние годы растет. Приводим для примера некоторые из них:

элементов исламской экономики, социальной политики и благотворительности. Эти факторы могут быть удачно применены в общем деле становления нового вектора прогресса.

Обобщая основные тенденции в системе координат мирового устойчивого развития на обозримое будущее следует выделить намечающийся вынужденный отказ от приоритета экономического роста над социальным развитием и экологической безопасностью. Соответственно необходимо и усиление регулятивной роли государства совместно с общественными организациями с целью повышения уровня контроля над потреблением и производством. Подобное смещение ориентиров предполагает также уход от спекулятивной валютно-финансовой системы, оторванной от производственных секторов экономики, тяготеющей над промышленным капиталом. Ставится и еще одна немаловажная задача – обеспечение развивающихся стран передовыми технологиями в обмен на сырье.

Назревают перемены в общественно-политических конструкциях. При сохранении и распространении базовых ценностей демократии и прав человека в западных и восточных моделях общественного устройства намечается коррекция в сторону взаимоуравновешивающего баланса интересов личности и общества, а также повышения значения коллективных прав и обязанностей. Такая трансформация призвана минимизировать деградационные социокультурные сдвиги последнего времени как в развитых демократиях, так и в авторитарных системах, сползающих к реакционной архаике.

Odeh Rashed Al-Jayyousi. Islam and Sustainable Development. New Worldviews. (Transformation and Innovation). Gower, 2012; Islamic Perspectives on Sustainable Development, Ed. by M. Iqbal, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2005; Benaouda Bensaid. On Islamic Da‘wah and Sustainable Development. World Journal of Islamic History and Civilization, 2013, Vol. 2, N 3, pp. 48–56; MohdNor, Shifa. Exploring CSR and Sustainable Development Practices of Islamic Banks in Malaysia: An Empirical Analysis, Durham theses, Durham University, 2012; The Islamic World and the Challenges of Sustainable Development, Culture and Communication, ISESCO, 2005; Zubair Hasan. Sustainable development from an Islamic Perspective: Meaning, Implications and Policy Concerns. International Islamic University of Malaysia. J. KAU: Islamic Economics, 2006, Vol. 19, N 1, pp. 3–18; Khalid F.M. Islam and the Environment, Social and Economic Dimensions of Global Environmental Change, John Wiley and Sons, Ltd. UK. 2002; Islamic Declaration on Sustainable Development, ISESCO, accessed 26 Jun. 2009.

* * *

Россия до недавнего времени продолжала доверчиво играть по правилам неолиберального глобалистского проекта, не вполне представляя в нем свою роль. Но одновременно укреплялась ее государственность. Власть бизнеса ельцинского образца, которую усиленно поддерживали на Западе, все же была вытеснена властью государства. Дальнейшее последовательное отстаивание своих естественных интересов вызвало жесткую реакцию. Тем не менее давление «цивилизованного» Запада для нас полезно. Оно лишь ускоряет ревизию целей и методов развития. Скорее всего, их придется воплощать в русле общих планетарных задач по выходу из глобального системного кризиса.

В России сейчас прослеживается тенденция к укреплению государственного регулирования и планирования социально-экономического развития. Пока можно наблюдать лишь фрагментарные изменения по отдельным секторам. Но в ближайшие годы потребуется провести комплексную структурную перестройку экономики, причем в мобилизационном режиме. Конечно, речь идет не о возврате к директивному планированию советского образца, а к целевым программам развития, индикативным планам, определяющим прорывные отрасли и предприятия и объемы их финансирования.

Движение в сторону экономической стабильности предполагает: временное замораживание процесса разгосударствления стратегических секторов экономики и приватизации ключевых госактивов; введение протекционистских мер для защиты экономической безопасности, госмонополии на использование природных ресурсов; государственную поддержку инвестиционной и инновационной активности; усиление административной ответственности за достижение поставленных целей, а также введение норм валютного контроля в целях ограничения вывоза капитала и нейтрализации спекулятивных атак против национальной валюты. Такие шаги вовсе не угрожают сохранению частной собственности и не направлены на самоизоляцию от мирового рынка. Они необходимы для удержания под контролем важнейших секторов национальной экономики и создания финансово-промышленного механизма с целью повышения эффективности государственного регулирования и общественно полезной отдачи от рыночной системы. Эти меры способствуют диверсификации экономики, ее

ориентации на внутренний рынок и повышению конкурентоспособности на внешнем[1].

В обозначающейся макроэкономической стратегии важное место занимает выработка инструментов для снижения инфляционной составляющей экономического роста и перехода от монетаристской политики сдерживания денежного предложения к полноценной банковской и финансово-инвестиционной системе. Она должна избавить российскую экономику от жесткой привязки к обслуживанию потребностей мирового рынка и интересам иностранных кредиторов, а также на удовлетворение денежного спроса в реальном секторе экономики, на расширение покупательной способности потребителей.

В связи с этим все большее внимание российских специалистов и общественности привлекает система исламского банкинга. Во время проведения мероприятий XVIII Всемирного русского народного собора в ноябре 2014 г. глава синодального Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин призвал обратиться к нравственным основам экономики и привел пример исламского банкинга, который отказался от ссудного процента, что «не убавило ему эффективности»[2]. Систему, основанную на банковском проценте, на принципе «деньги делают деньги», не принимают не только мусульмане, но и православные, и католики, и большинство протестантских течений, и многие светские общественные движения. Мир может быть устроен иначе – это позиция людей самых разных убеждений[3].

С начала 2015 г. вопрос о деятельности исламской финансовой системы в РФ начал всерьез рассматриваться в соответствующих комитетах Государственной думы, а также специалистами

---

[1] См.: Об альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики (предложения ученых секции экономики. Отделение общественных наук РАН) // Российский экономический журнал. 2011. № 4; Глазьев С.Ю. Как не проиграть в войне. Интернет-издание. 2014. 192 с. URL: http://bankknigs.com/knigi/290526-glazev-s-yu-kakneproigrat-v-voyne.htm (Дата обращения: 15.02.2015.); Гремучая смесь: Интервью с академиком РАН Олегом Богомоловым (вел Олег Назаров) // Литературная газета. № 51–52. 24–30 декабря 2014 г. С. 3.

[2] Чаплин предложил создать систему православного банкинга. URL: http://lenta.ru/news/2014/11/11/orthodox/ (Дата обращения: 14.11.2014.)

[3] В Госдуме обсудили перспективы развития альтернативного банкинга. URL: http://www.duma.gov.ru/news/273/1094337/?sphrase_id=1749127 (Дата обращения: 25.05.2015.)

Министерства финансов, Центрального банка, Банка ВТБ, Ассоциацией российских банков и Ассоциацией региональных банков России. Возможно, уже в скором времени государство и частный капитал станут привлекать исламские инвестиции из различных стран мусульманского мира. Велика вероятность, что начнется апробация исламского банкинга в рамках одного из финансовых учреждений России. Не исключено, что в будущем к полноценной работе приступит собственный российский исламский банк. Дело упирается в дефицит специалистов по исламским финансам и необходимые изменения в законодательстве РФ. Тем не менее такие поправки готовятся. Увеличивается число организаций и обучающихся в них правилам исламского банкинга. К тому же в стране уже имеется небольшое число высококлассных профессионалов.

В общих чертах напомним, в чем состоит привлекательность и специфика работы исламских финансов. Согласно религиозно-этическим нормам ислама, ростовщичество запрещено. В связи с этим в исламской системе кредитования деньги не могут прирастать сами по себе, как это бывает, когда они попросту даются в долг под процент. Заимодавец не может получать гарантированный доход, не отвечая за результат своего капиталовложения. Он обязан участвовать в использовании ссуды, фактически становится партнером в реализации проекта. Финансист ставится в равные условия с обладателями других факторов производства, таких как труд, земля, информация, предпринимательские способности, интеллектуальная деятельность.

Вложенный капитал претендует на часть прибыли, которая рассчитывается исходя из конкретных условий сделки. Поскольку доход определяется по конечному результату, кредитор берет на себя часть риска в случае убыточности предприятия. В отличие от обычной системы выплат по вкладам депозиты заменяются передачей денежных средств в управление банковской структуре, потом при получении дохода он делится между ними.

Беспроцентная ссуда заключается обычно в форме контракта, представляющего собой договор о партнерстве в прибыли. Она распределяется между финансистом и заемщиком в заранее оговоренной пропорции. Таким образом, работа исламского финансового учреждения похожа на деятельность рискового открытого совместного фонда. Он финансирует свои активы, эмитируя контракты на депозиты, и продает их как «паи» инвесторам-вкладчикам, вследствие чего клиенты становятся собственниками портфеля активов.

Другой базовый принцип исламского банкинга состоит в запрете намеренных рисков, выходящих за рамки случайностей, – рисков, подобных тем, которые возникают, к примеру, в азартных играх. Но стопроцентной надежности, как известно, в предпринимательстве не бывает. Поэтому в случае убыточности проекта исламский банк, являясь партнером по бизнесу как со своими вкладчиками, так и со своими заемщиками, разделяет с ними все имеющиеся риски. Бывает, что финансовые потери ложатся только на заимодавца. Таким образом, признается, что убытки заемщика, выражающиеся в безрезультатной затрате труда и времени, не менее весомы, чем потерянный капитал. Другими словами, возможные убытки и риски, согласно исламской приверженности справедливости, не смешиваются и сохраняются за конкретным ресурсом: финансами для кредитора и затраченной энергией – для бизнесмена[1].

Естественно, что в связи с такой спецификой исламские банки очень тщательно рассматривают предлагаемые проекты, сделки оформляются дольше, чем обычно, исполнение контракта может сопровождаться внимательным контролем со стороны финансовой организации. Несмотря на это в последнее десятилетие исламская банковская система демонстрирует стабильное развитие. Ее привлекательность растет не только среди мусульман. Исламские банки, а также отделения исламского банкинга при обычных банках, именуемые «исламскими окнами», функционируют не только в странах с преимущественно мусульманским населением, но и в Европе, США, Австралии, Канаде, Индии, Южной Корее, Гонконге, Сингапуре, Шри-Ланка и Багамах. Всего – более чем в 70 странах мира. Сейчас их насчитывается около 600. Услугами исламского банкинга пользуются такие известные транснациональные корпорации, как «Ай-БиЭм», «Алкатель», «Дженерал Моторс» и «Дэу», а ведущие западные и азиатские банки «Дойче Банк», «Номура Секьюритиз», «Ситибэнк», «Гонконг энд Шанхай

[1] См.: Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. – М.: ИД Марджани, 2010; Исламские финансы в современном мире. Экономические и правовые аспекты. – М.: «Умма», 2004; Нуруллина Г. Исламская этика бизнеса. – М.: «Умма», 2004; Габдрахманова Г.Ф. Исламская экономическая модель в России: Теоретико-методологические проблемы изучения // Конфессиональный фактор в развитии татар: Концептуальные исследования. – Казань, 2009. – С. 101–124; Алла Корсун. Исламская финансовая система. Стереотипы и реальность. URL: http://www.islam.ru/content/economica/islamskay_finansovay_sistema (Дата обращения: 06.06.2014.)

бэнкинг корпорэйшн», «Чэйз Манхэттэн», «Джи Пи Морган», «АБН Амро», «Сосьете Женераль», «Голдман Сакс», «БНП Париба» и другие имеют в своем составе отделения исламских услуг.

Примечательно, что исламская финансовая система успешно преодолела кризис 2008 г., что в первую очередь было связано с ее отстраненностью от спекулятивных игр на мировом рынке. Так как исламские финансовые операции строго привязаны к физическим транзакциям, реальному сектору экономики, вероятность образования финансовых «пузырей» сводится к минимуму. Согласно отчету аудиторско-консалтинговой компании «Ernst & Young» о конкурентоспособности мирового исламского банкинга, совокупный темп годового прироста мировых исламских активов в период с 2009 по 2013 г. наблюдался на среднем уровне в 17%. Исламские активы в коммерческих банках на международных рынках в 2014 г. оценивались в 778 млрд долл. Шесть быстроразвивающихся рынков – Катар, Индонезия, Саудовская Аравия, Малайзия, ОАЭ, и Турция – управляли в 2014 г. 82% международных исламских банковских активов объемом 753 млрд долл. В Малайзии, например, исламский банковский сектор растет вдвое быстрее, чем традиционный. Столь же высокий уровень наблюдается также и в Индонезии. Предполагается, что активы этих шести лидеров исламского банкинга в ближайшие пять лет продемонстрируют совокупный темп годового прироста в среднем около 19% в год. Предполагалось, что к 2019 г. они могут достигнуть 1,8 трлн долл.[1]

В число анализируемых специалистами «Ernst & Young» стран не попал Иран, в котором исламская финансовая система находится под управлением государства. Несмотря на частичное присутствие в ней коммерческих банков, в целом денежный рынок в ИРИ регулируется административными методами через установление лимитов на кредиты, выдаваемых банковской системой, а также путем обязательного кредитования определяемых государством регионов и отраслей промышленности. В то же время, по оценке директора департамента «Исламский банкинг» Международного банка Азербайджана Бехнама Гурбанзаде, ссылающегося на данные аналитиков из «Thomson Reuter», Иран на сегодняшний

[1] «World Islamic Banking Competitiveness Report 2014–15: Participation Banking 2.0». URL: http://www.ey.com/EM/en/Industries/Financial-Services/Banking–Capital-Markets/EY-worldislamicbanking-competitiveness-report-2014–5 (Дата обращения: 19.05.2015.)

день является крупнейшим рынком исламского финансирования. 48% мировых исламских финансовых активов приходятся на долю ИРИ по сравнению с 16%-ной долей Саудовской Аравии, которая стоит на втором месте. В целом на конец 2014 г. суммарные активы мировых исламских финансов превысили отметку в 1,6 трлн долл.[1] Предполагалось, что к концу 2015 г. они смогут возрасти до 2 трлн[2].

Доля сектора исламских банков составляет около 90% от всех исламских финансовых институтов. Он представляет их наиболее результативную часть, развивается на редкость быстрыми темпами, к настоящему времени способен удовлетворять растущие комплексные потребности корпораций и частных лиц. Ускоренно развивается рынок исламских облигаций. Другая часть исламских финансов представлена активами исламских страховых компаний, инвестиционных фондов, фондовых рынков.

Так что для российской экономики и социального сектора присутствие исламской финансовой отрасли может оказаться довольно полезным и своевременным. Предполагается ее участие в развитии отечественной промышленности, железнодорожного сообщения, малого и среднего бизнеса, науки, приближенной к производству, проектах по поддержке малоимущих. К тому же, как отмечает заместитель председателя Центрального банка России Александр Торшин, развитие исламских банков пойдет на пользу всей финансово-экономической системе страны[3].

Привлекает внимание и опыт планирования социально-экономического развития ряда мусульманских стран, использования государством стратегических ресурсов, функционирование коммерческих компаний, вакфов и благотворительных организаций, в своей деятельности опирающихся на религиозно-этические положения ислама.

В общих чертах вырисовываются главные принципы и методы исламской экономики, которая, разумеется, не является единой

---

[1] Бехнам Гурбанзаде: «В 2014 году МБА заложил прочную основу для дальнейшего развития исламского банкинга в Азербайджане». URL: http://islamic-finance.ru/news/2015–1–2–353 (Дата обращения: 15.02.2015.)

[2] Перспективы развития исламских финансов в мире. 21 марта 2014. Динамика активов системы исламских финансов, 2006–2013 гг., в млрд долл. Источник: Islamic Finance 2014. URL: http://www.islamnews.ru/news-145030.html (Дата обращения: 07.04.2014.)

[3] Исламский банкинг в России. http://cbkg.ru/news/islamskijj_banking_v_rossii.html Источник: creditbanking.ru (Дата обращения: 23.03.2015.)

для всех моделью с четко прописанными правилами. Скорее можно говорить, что постепенно она начинает многогранно реализоваться в разных нишах социально-экономической жизни стран и регионов с мусульманским населением, причем порой очень непохожих друг на друга.

Основополагающие позиции исламской экономической мысли сводятся к запретам на ростовщический процент, на нетрудовые доходы, полученные обманным путем, в ходе азартных игр или крайне рисковых операций; к необходимости вынужденного ограничения частной собственности на жизненно важные сферы функционирования государства, сохранения за ним роли главного собственника на общенародное достояние – недра, земельные и водные ресурсы; распределение налогов и пожертвований в пользу обездоленных через государственные и общественные организации.

Вопрос о частной собственности и общественных интересах решается исходя из того, что она признается священной, поскольку право на нее человек получил от Творца и несет перед ним ответственность за ее благочестивое и разумное использование. Не подобает руководствоваться лишь голым материальным расчетом, а принимать во внимание пользу для всего общества. В связи с этим возникающие запреты на использование частной собственности в ущерб его интересам ограничивают лишь рамки ее применения, но не ее саму. Хотя главной целью государственного управления и планирования остается достижение баланса личных и общественных интересов, свобода предпринимательства может временно устанавливаться в разных границах в зависимости от меняющихся обстоятельств. В переходные периоды, во время кризисов вмешательство государства в социально-экономическое регулирование может возрастать. В частности, для стабилизации могут вводиться протекционистские меры, субсидирование жизненно важных отраслей, сокращение присутствия в них частных компаний, прежде всего зарубежных. Может ужесточаться контроль за ценами и финансовыми операциями. Такие меры, к примеру, долгие годы способствовали сохранению на плаву и даже развитию находящегося под санкциями постреволюционного социально-экономического строя в Иране. Уникален и опыт Малайзии относительно успешно преодолевшей финансово-экономический кризис 1997–1998 гг., возникший в связи с резким оттоком краткосрочных спекулятивных капиталов, так называемых «горячих денег», из Юго-Восточной Азии.

Сложившаяся в последние десятилетия мировая финансовая система небезосновательно подвергается все возрастающей критике со стороны многих экономистов, в том числе и мусульманских. Отмечается ее оторванность от экономики, предоставляющей реальные товары и услуги. Колоссальные краткосрочные спекулятивные транзакции позволяют получать порой огромную прибыль без производства продукта, деньги прирастают сами по себе и приобретают невиданную ранее власть над индустриальными секторами. Утрачивается естественная связь между финансами и реальной экономикой, что в свою очередь ведет к непредсказуемости развития мировых рынков. Такое положение дел расходится с одним из важнейших принципов в теории исламской экономики, соответственно которому предпринимательский доход без затраты производственных ресурсов – трудовых, материальных, природных и прочих – расценивается как неправедный.

Ограничение трансконтинентальных спекулятивных валютных операций, вольно или невольно вносящих нестабильность в процессы развития, предлагается решать различными способами – от обложения сверхприбылей глобальных спекулянтов такими же сверхвысокими налогами до введения единого платежного средства в международных расчетах. Такая идея в виде взаиморасчетов с помощью «золотого динара» активно выдвигалась на рубеже XX–XXI вв. и в мусульманском мире. Ее концептуальное решение разрабатывалось Институтом исламского банкинга и финансов Малайзии[1]. Затем рядом арабских финансовых институтов. Имела место и практика экспортно-импортных взаиморасчетов между ними в подобной безналичной валюте, но, надо признать, малопродуктивная. Незадолго до падения Ливии эту инициативу взял на себя Муаммар Каддафи. Возможно, она получит свое развитие в будущем. Пока же существуют серьезные технологические, политические, да и культурно-психологические препятствия для ее практического осуществления на региональных, а тем более на мировом уровнях. К примеру, не нашло поддержки в Евразийском экономическом союзе предложение казахстанских экономистов ввести для взаиморасчетов «золотой алтын».

Пока же наибольшую жизнеспособность демонстрируют исламские банки и «исламские окна». Постепенно они начинают

[1] См.: Ahamed Kameel Mydin Meera. Islamic Gold Dinar. – Selangor: Pelanduk Pub., 2002; Медина аль-Ислам // Еженедельная всероссийская газета. – 31 мая – 6 июня 2008 г. – № 22 (71). – С. 5.

функционировать в некоторых регионах бывшего СССР, в которых преобладает или составляет значительную часть мусульманское население. Правда, их там единицы, а капиталы невелики. Неплохие результаты в отдельных странах мира показывают организации, использующие исламские страховые инструменты, а также выпускающие исламские облигации. Становится очевидным, что в целом исламская финансовая система постепенно совершенствуется и завоевывает все большее доверие. Существует вероятность, что хотя бы на региональных уровнях она совместно с развивающимся сектором социально ответственных инвестиций (СОИ) неисламских финансовых институтов[1] начнет оказывать важное влияние на формирование финансово-хозяйственных моделей, отвечающих задачам устойчивого развития.

Имеются все основания рассматривать теорию и практику исламской экономики как составную часть набирающей в мире популярность этической экономики, как часть «нового, третьего пути». В этом варианте развития прослеживается стремление к созданию общественного и технологического уклада, основанного на нравственно-этических ценностях. К задачам прежнего, срединного, пути – проложить дорогу между крайностями неолиберализма (дерегулированием экономики, голым материалистическим расчетом, доминированием личной мотивации) и жесткими экспериментами построения коммунизма, низводящими частную

[1] В последние годы в Европе, Северной и Латинской Америке, Австралии, Новой Зеландии, Японии, Китае, Индонезии, Бангладеш, ЮАР растет количество фондов, социально ответственных инвестиций (СОИ), начинают функционировать этические и «зеленые» банки. Их деятельность пересекается и направлена в основном на поддержание социального и экологического благополучия на местных и более широких уровнях. Мотивация создания может быть религиозной, но чаще исходящей из общих морально-этических побуждений. Эти организации имеют различные правовые формы, пользуются разными финансовыми инструментами. Существуют примеры очень схожей работы с исламским беспроцентным банкингом. Хотя таких организаций немного, их суммарные активы исчисляются уже в триллионах долларов и евро, а эксперты подчеркивают их успешную деятельность. Как отмечает российский исследователь Б.С. Батаева, сопоставляющая развитие финансовой системы СОИ и исламских финансов – «они построили успешные альтернативные модели, в которых совместили получение финансового дохода с учетом этических норм и ограничений и доказали, что “инвестирование по совести”, инвестирование в зеленые проекты в наши дни может быть успешным с финансовой точки зрения». Батаева Б.С. Исламские банки сквозь призму развития этических финансов и банков // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 1 (45). – С. 273.

собственность, индивидуальный стимул и свободу граждан до минимума, прибавляется стремление к решению современных социально-экологических проблем.

В этой связи следует обратить внимание на разрабатываемую исламскими учеными концепцию срединного пути известную как «ал-васатыйа». Она охватывает важнейшие сферы жизни мусульман, начиная от богословия, права, вопросов свободы и ответственности до экономики, образования и просвещения. В ней доминирует стремление к балансу личных и общественных интересов, сохранению высоких идеалов мусульманской культуры. С этой позиции, как видим, исламское учение не отвергает рыночную экономику как таковую, но требует разумного и справедливого ее регулирования.

В то же время оно ставит пределы рыночному обществу безграничного потребления, призывает к умеренности и гармонии с окружающим миром, что отвечает основополагающим ценностям устойчивого развития[1]. По всей видимости, мы болезненно входим в новую эпоху человеческого прогресса. Переосмысливаем прошлое и настоящее, стараемся вернуться к нравственным началам, наработанным веками понятиям о порядочности и благочестии. Примеряем их к современному, во многом несправедливому, миру, ищем альтернативу разрушительной «цивилизации бизнеса». Назовем эту альтернативу зеленой. Зеленый цвет – цвет жизни, природы, покоя и безопасности, пути к спасению – символизирует воскресение, обновление, надежду, мудрость.

Бережное и уважительное отношение к человеку и природе, к их гармонии заложено в исламе. Его священный цвет – зеленый. Зеленый цвет символизирует также путь к устойчивому развитию, современное социально-экологическое движение, стремящееся к сбалансированной коэволюции человека и природы. Ориентиры устойчивого развития и исламской экономики дополняют друг друга и по-своему ценны в становлении нового мира. Будем надеяться, Россия займет в нем достойное место.

[1] См.: Наумкин В.В. Исламская концепция устойчивого развития // Ислам в современном мире // Научный ежеквартальный альманах. – 2008. – № 1(11). – 2008. – С. 5–9.

Литература

1. Батаева Б.С. Исламские банки сквозь призму развития этических финансов и банков // Проблемы современной экономики. 2013. № 1(45). С. 270–273.
2. Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. – М.: ИД Марджани, 2010.
3. Габдрахманова Г.Ф. Исламская экономическая модель в России: Теоретико-методологические проблемы изучения // Конфессиональный фактор в развитии татар: Концептуальные исследования. – Казань, 2009. – С. 101–124.
4. Исламские финансы в современном мире. Экономические и правовые аспекты. – М.: Умма, 2004.
5. Кляйн Наоми Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. – М.: Добрая книга, 2009. Навстречу «зеленой» экономике: Пути к устойчивому развитию и искоренению бедности. Найроби (Кения); Женева (Швейцария); Москва (Россия) // ЮНЕП. 2011.
6. Наумкин В.В. Исламская концепция устойчивого развития // Ислам в современном мире. – 2008. – № 1. – С. 5–9.
7. Нуруллина Г. Исламская этика бизнеса. – М.: Умма, 2004.
8. Глазьев С. Об альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики (предложения ученых секции экономики. Отделение общественных наук РАН) // Российский экономический журнал. – 2011. – № 4.
9. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. – М., 2001.
10. Тульский М.О. Изменение религиозной принадлежности населения мира за 100 лет // Россия и мусульманский мир. Бюл. реф.-аналит. информ. / РАН. ИНИОН. – М., 2001. – № 3. – С. 110.
11. Харви Дэвид. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. – М.: Поколение, 2007.
12. Яковец Ю.В. Историометрическое исследование динамики цивилизаций // Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: Альтернативы на XXI век: Материалы к IV Международной кондратьевской конференции. Москва, 15–16 мая 2001 г. – М.: МФК, 2001.
13. Ahamed Kameel Mydin Meera. Islamic Gold Dinar. Selangor: Pelanduk Pub., 2002.
14. Benaouda Bensaid. On Islamic Da‘wah and Sustainable Development. World Journal of Islamic History and Civilization, 2013. Vol. 3. N 2.
15. Islamic Declaration on Sustainable Development, ISESCO, accessed 26 June 2009.
16. Islamic Perspectives on Sustainable Development. / Ed. by M. Iqbal, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2005.
17. Khalid F.M. Islam and the Environment, Social and Economic Dimensions of Global Environmental Change, John Wiley and Sons, Ltd. UK. 2002.
18. Mohd-Nor, Shifa. Exploring CSR and Sustainable Development Practices of Islamic Banks in Malaysia: An Empirical Analysis, Durham theses, Durham University. 2012.
19. Odeh Rashed Al-Jayyousi. Islam and Sustainable Development. New Worldviews. (Transformation and Innovation). Gower, 2012.

20. Zubair Hasan. Sustainable development from an Islamic Perspective: Meaning, Implications and Policy Concerns. International Islamic University of Malaysia. J. KAU: Islamic Economics, 2006. Vol. 19. N 1. Pp. 3–8.

«Ислам в современном мире», М., 2016 г., т. 12, № 3, с. 235–252.

О. Сумарокова,
кандидат исторических наук,
докторант кафедры истории
и культурологии (Кыргызско-Российский
славянский университет им. Б.Н. Ельцина)

ТЕОРИЯ О НЕПЕРЕВОДИМОСТИ КОРАНА КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ: НА ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация: *В статье рассматриваются основные принципы теории о непереводимости Корана на языки неарабоязычных народов, исповедующих ислам, исследуется ее влияние на характер взаимоотношений исламского духовенства с тюркоязычными адептами ислама Туркестанского края и определяется ее значение в государственной концепции управления подданными-мусульманами Российской империи начиная с XVIII в. Автор приходит к выводу о том, что теория о непереводимости Корана в руках заинтересованных лиц способна служить инструментом манипуляции общественным сознанием и намеренного искажения истин традиционного ислама. На сегодняшний день этот вопрос обретает сверхактуальность ввиду роста мусульманского терроризма, находящего идеологическое обоснование в трактовках мусульманского вероучения.*

Ключевые слова: Коран, ислам, переводы Корана, тафсир, Туркестанский край.

Введение

Первые сведения об исламе появились на Руси еще в IX в. через переводы христианских полемических произведений. С расширением торговых и дипломатических контактов России с мусульманскими странами сведения о жизни и быте мусульманских народов, их культуре и вероисповедании дополнялись и уточня-

лись. Их сбор и анализ в XV–XVII вв. обрел систематичный и научный характер, а одним из главных предметов изучения стал Коран – Священное Писание мусульман, представляющее, согласно исламу, свод откровений, произнесенных от имени Аллаха Пророком Мухаммедом. Представляя в своем каноническом, законченном виде солидную книгу, записанную на курайшитском диалекте арабского языка и состоящую из 114 сур (глав), разделенных более чем на 6000 аятов (стихов), Коран являлся в мусульманском мире своего рода источником конституционного права, основой законодательства, науки, образования и воспитания. Впервые текст Корана был сведен воедино зятем Пророка Мухаммеда третьим халифом Усманом ибн Аффаном. Одно из преданий мусульман гласит о том, что в ходе сражения в Йамаме против вероотступников Абу Бакр ас-Сиддик, первый праведный халиф, пригласил Зейда ибн Сабита, личного секретаря и писаря Пророка, чтобы сообщить ему, что «сражение ожесточилось, и в нем участвуют кура – знатоки и чтецы Корана. А со смертью кура может быть потерян и Коран» [1, с. 400]. Несмотря на сложность поставленной задачи – собрать все списки Корана, запечатленные на кусках материи, листьях финикового дерева и плоских камнях, а также записать его отдельные фрагменты со слов хафизов – хранителей Священной книги, знавших ее наизусть, – дело было сделано. Записанные Зейдом листы долгое время хранились сначала у Абу Бакра, затем у второго праведного халифа Омара, перейдя по завещанию к жене Пророка Мухаммеда Хафсе бинт Омар ибн Хаттаб. В 656 г. третьим халифом Усманом с них были сделаны копии. Переписанные вручную экземпляры Корана были отправлены во все области халифата, а оставшиеся после работы комиссии свитки были сожжены.

Подход к пониманию Корана среди тюркоязычных народов Туркестанского края

Стремительное распространение ислама с VII по XVII в. среди народов неарабского происхождения актуализировало вопрос о необходимости перевода Корана на национальные языки исламских адептов. Однако, как заверяли исламские богословы, ссылаясь на отдельные аяты, дело это считалось небогоугодным, а текст Корана непереводимым.

Взгляд мусульман неарабов на непригодность переводов Корана нашел свое выражение в диалоге, состоявшемся между узбекскими муллами и А. Борнсом, английским дипломатом, капитаном британской армии, во время совершенного им в середине XIX в. путешествия в Бухару. «Однажды, – пишет он, – говоря с узбеками о Коране и его содержании, я сказал, что читал его только в переводе. “Неразумный же ты человек, – отвечали они, – можно ли перевести эту священную книгу на какой-нибудь сторонний язык, когда в ней каждая буква каждого слова имеет свой собственный смысл, понимаемый только в подлиннике”. После этого я уже не решался высказывать пред ними своего богословского знания, ибо они по-своему опровергали все мои доводы» [11, с. 103].

О своей полемике с усть-каменогорским и ахмеровским муллами, возникшей по тому же вопросу, вспоминал миссионер Е. Елисеев. Когда он приводил своим собеседникам из Корана противоречивые, на его взгляд, места, они не верили ни ему, ни его переводу, утверждая, что «Коран как книга, написанная на арабском языке, на котором говорят сами ангелы, доступна пониманию только ангелов, но отнюдь не простых смертных». На это миссионер не мог не заметить, что «если Господь дал дар говорить каждому на своем языке, то почему же нельзя славить Бога на том же языке, тем более что при молитве требуется участие воли и сердца». Но от дальнейших объяснений муллы уклонялись под тем предлогом, что беседовать о вере опасно.

«О вере, – говорил мулла в свое оправдание, – может рассуждать только муфтий, который все понимает, а мы не можем, так как опасаемся, что, неправильно или неполно объяснив свою веру и допустив в том малейшую ошибку, станем неверными, как произнесшие хулу на Бога и закон Его» [3, с. 8].

Сложившаяся вокруг Корана ситуация стала причиной того, что к середине XIX в. ислам, к примеру в Средней Азии, стал инструментом манипуляции тюркоязычных народов представителями исламского духовенства.

В одной из статей, опубликованной в Астраханских Епархиальных Ведомостях в 1890 г., сообщалось о том, что мусульмане считают большим грехом переводить Коран с непонятного им арабского языка на их природный, дабы не согрешить перед Богом «неверным пониманием откровенной книги», и его толкование полностью зависит от степени образованности и порядочности самих мулл. Автор статьи писал: «Магометане не знают, что

сословие мулл может выдумать все, что взбредет в голову, лишь бы была польза от этого их личному интересу… Киргизы, как и все прочие мусульмане, приходят в мечеть и повторяют за муллою установленные при богослужении молитвы, не зная даже, о чем в них говорится, а почтенный мулла не заботится растолковать значение этих молитв, напротив, говорит, что, дескать, "так молился наш великий Пророк, так молились наши прежние мусульманские святые, следовательно, они знали, что делать и как молиться: была бы лишь вера"» [15, с. 87].

В этот же период в периодической печати Российской империи регулярно стали появляться статьи о злоупотреблениях мулл, преимущественно выходцев из внутренних областей России. Например, И.И. Ибрагимов в «Очерках быта киргизов», описывая традиционные киргизские поминки, приводит случай, когда татарский мулла, дабы избавить покойного киргиза от всех нажитых им при жизни грехов, обеспечив тому тем самым доступ в рай, за «умеренную плату принимал их на себя». Так, по числу названных родственниками прегрешений, которые совершил умерший при жизни, в собственность муллы перешли верблюд, лошадь, баран, младшая жена покойного, а в итоге и все его имущество. «В лаптях пришел – в бархате ушел» [4, с. 56], – заключил автор.

Не стеснялись пришлые проповедники, доля которых среди представителей духовенства только в Семиреченской области составляла в исследуемый период 9,4% [2, с. 16], и в распространении межконфессиональной вражды. Автор одной из публикаций писал, что неоднократно слышал, как киргизы утверждали, что «покушение на собственность неправоверных (не мусульман. – *О. С.*) дело законное, и ссылались на муллу» [8, с. 11].

Несмотря на то что чтение Корана носило механический, «бессмысленный» характер, русские мусульмане считали это дело самым благочестивым, ожидая щедрой награды от Всевышнего. По их общему убеждению, один процесс чтения давал чтецу «верную надежду на доступ к дверям милосердия Бога, любящего звуки небесной книги». В помощь верующим толкователями Корана разъяснялось, какая именно награда ожидает мусульманина за прочтение той или другой главы Корана, от каких бедствий какая глава может избавить. Так, к примеру, о силе первой главы Корана Аль-Базави, прославившейся своим тафсиром (трактовкой и комментированием) Корана, известным как «Тафсир аль-Базави», сообщалось следующее: «По преданию Хузейфы, сына Яманова, посланник Божий сказал: если Бог назначит и решительно опреде-

лит адское мучение каким-либо людям, но одно дитя их прочтет по книге главу “хвала Богу, Господу миров”, Всевышний Бог услышит его и снимет с них наказание на сорок лет» [14, с. 69–70].

Методика обучения чтению Корана в конфессиональных школах Средней Азии

Обучение технике чтения на арабском языке в Средней Азии, как и во всем арабском мире, осуществлялось в мектебах (низших мусульманских школах), обыкновенно организовывавшихся при мечетях в областях с оседлым населением. При кочевом укладе быта народов открывались «подвижные» магометанские школы, перекочевывавшие вместе с аулом из одного места в другое.

Процесс обучения в мектебе начинался с заучивания 6–8-летним мальчиком наизусть краткой вступительной молитвы, состоявшей из двух изречений на арабском языке, одного – на персидском. У способного ребенка на это уходило около двух дней, а ученик со слабой памятью мог твердить непонятные слова неделю и даже месяц. После заучивания молитвы ученик приносил так называемую «тахту» – деревянную дощечку с ручкой, на которой учитель чернилами выводил все 32 буквы арабского алфавита, приказывая заучивать их названия наизусть по четыре буквы одновременно. На это занятие у ученика уходило не менее месяца, после чего он переходил к «абджаду», представляющему собой восемь искусственных слов без значения, в которые включены все 32 буквы арабского алфавита: Абджад, Хавваз, Хуттий, Каламан, Са‘фас, Карашат, Сахаз, Дазаг. Каждой букве соответствовало числовое значение. Занимаясь составлением этих чисел, ученик упражнялся одновременно в заучивании сочетаний букв, каждая из которых имела три варианта начертания – в начале, в середине и в конце слов, в соединении с другими буквами и раздельно, с надстрочными и подстрочными знаками.

Освоив упражнение в складах, школяр радостно сообщал родителям, что завтра он переходит к чтению «гафтияка» – избранных глав Корана, по объему составляющих его седьмую часть, и будет называться уже «китабханом», т.е. «изучающим книгу». С этого момента он учился складывать слова арабского текста.

В своем культурно-историческом очерке, посвященном конфессиональным школам Туркестанского края, Н.П. Остроумов,

приводя в пример арабское слово «альфалям зааль хи ва мим захам альхам даль пишдю альхамду», пишет: «Если такая сложная система звуков необходима для произношения только одного слова, то нетрудно понять, что для прочтения всего, хотя и небольшого по количеству страниц гафтияка требуется минимум год времени (если ученик способный) и два-три года, если ученик малоспособный: ведь нужно заучить на память огромную массу слогов, из которых состоят слова этой книжки, потому что сознательно складывать слова ученик не научился и ни одного слова в читаемой с таким трудом книжке не понимает» [10, с. 134].

Такой результат объяснялся не только отсутствием в лингводидактической системе конфессиональных школ Среднеазиатского региона цели сформировать у учащихся навыки «говорения–понимания» арабского языка, но и, как утверждал Н.С. Лыкошин, боязнью тюркоязычных мусульман «хоть на йоту изменить смысл прочитанного изречения Корана при переводе» [7, с. 224]. Цель обучения в мектебах на протяжении всего их существования в Среднеазиатском регионе оставалась узкопрактической – приучить чтеца быстро схватывать глазом буквы священной книги и произносить слова Корана нараспев, как они поются во время молитвы. Закономерно, что при функционировании в Туркестанском крае к 1897 г. 6430 легальных конфессиональных школ, количество грамотных среди носителей тюркских языков составляло лишь 2,6% [9, с. 128–132].

Закономерной оказалась и судьба одной из легендарных рукописей – Корана Усмана, попавшей примерно в XV в. на территорию Средней Азии. Хранящаяся в медресе Ходжа-Ахрар в Самарканде книга долгое время была почитаема и приносила муллам медресе большую прибыль: усердные мусульмане, приходя в медресе, клали на Коран деньги и читали над книгой молитву, хотя прочесть ее никто не мог. Лишь однажды ее удалось прочитать приезжему из России татарину. Народ сбежался посмотреть на это действо, как на чудо. А спустя некоторое время в один из тяжелых годов Коран Усмана был продан муллами охотно и недорого – за 100 рублей [13, с. 241].

Первые переводы и издания Корана в Российской империи

Потребность в расширении познаний об исламе в России поставила вопрос о переводе Корана на русский язык в ряд необ-

ходимых условий. Он был сделан по приказу Петра I и напечатан в 1716 г. под названием «Алкоран о Магомете, или Закон турецкий». Переводчиком его был П.В. Постников. Его перевод был осуществлен на основе французского перевода Корана Андре дю Рие, напечатанного в Париже в 1647 г. [5, с. 77].

В 1787 г. свет увидел первый полный печатный арабский текст Корана, подготовленный и снабженный комментариями муллы Усмана Ибрахима. Для этой цели был специально отлит арабский шрифт, воспроизводивший почерк одного из самых знаменитых мусульманских каллиграфов того времени и являвшийся лучшим из всех арабских типографских шрифтов, существовавших в то время в Европе.

Его появление было обусловлено победами России в войнах с Турцией, окончательным присоединением Крыма и других областей с мусульманским населением и, как следствие, поиском дипломатических мер по умиротворению подданных-мусульман. Как отмечал Е.А. Резван, факт публикации в России Корана «активно использовался Екатериной во внешней политике, …дав императрице возможность показать себя покровительницей ислама» [12, с. 402]. Подтверждением тому служат ее слова, что оказанный ею мусульманскому культу протекторат имел своей целью «не введение Магометанства, но для приманки на уду» [12, с. 601].

Снятые Указом от 15 декабря 1800 г. ограничения к печатанию в Российской империи мусульманской религиозной литературы активизировали деятельность мусульманских типографий. К примеру, с 1802 по 1806 г. в первой в России мусульманской типографии, открытой в Казани в 1802 г., было напечатано 3500 экземпляров полного текста Корана на арабском языке. К середине века казанские типографии выпускали уже до 40 тыс. экземпляров.

Препятствовать желанию русских мусульман печатать их вероучительную книгу власть не считала нужным, полагаясь на мнение Казанской духовной консистории.

Согласно ему, тезис о том, что «печатание татарского Корана утверждает крепко в здешней стране мусульманство», можно было считать необоснованным, «так как Коран печатался не на татарском, а на незнакомом населению арабском языке, и дело это являлось делом торговли и барышничества, а не религиозных расчетов его издателей» [14, с. 46].

Выводы

Доктрина о непереводимости Корана и одновременно его огромная роль в жизни мусульман способствовали превращению этой священной книги в орудие идеологического, политического и экономического влияния на мусульман неарабского происхождения. Российскими императорами Коран использовался для продвижения собственных геополитических интересов. Такая политика была весьма дальновидной, хотя и вызывала критику православных миссионеров, выражавших недовольство ростом в империи исламского религиозного влияния.

Для исламских священнослужителей Туркестанского края Коран на протяжении столетий оставался источником финансовой прибыли и инструментом социального и психологического воздействия на своих адептов. Все предпринимавшиеся просвещенными мусульманами Российской империи попытки перевести Коран на родной язык вызывали яростное сопротивление со стороны местного реакционного духовенства, утверждавшего, что никто не имеет права вникать в смысл изречений Корана. Запрет коснулся, к примеру, перевода Корана на азербайджанский язык, сделанного Гаджи Зейналабдином Тагиевым, вынужденным брать официальное разрешение на перевод и издание в Багдаде.

Следствием данного подхода являлось то обстоятельство, что за всю историю существования Российской империи здесь было подготовлено не более пяти переводов Корана на языки населявших ее народов, половина из которых была издана лишь при советской власти.

Вопрос о непереводимости Корана особую актуальность обретает в дне сегодняшнем. Священная Книга мусульман, по замечанию Х. Курбанова, сотрудника ИИАЭ ДНЦ РАН, по-прежнему «остается правильно понятой лишь интеллектуальной элитой», в то время как «для иных категорий людей истинный смысл Корана закрыт» [6]. Доступными человеческому пониманию считаются исключительно тафсиры – толкования Корана, суть которых обусловлена не только уровнем владения толкователями арабским языком, их экстралингвистической компетентностью, знанием коранических наук, владением методологией тафсира, но и мировоззренческими и идеологическими взглядами. Раздвинутые, таким образом, границы творческого пространства в отдельных случаях создают возможность намеренного искажения истин традиционного, «академического» ислама и формирования идеологии «терро-

ризма под прикрытием ислама», идеологии, становящейся достоянием масс.

Литература

1. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007. – 920 с.
2. Валидов Д.Д. Очерки истории образованности и литературы волжских татар (до революции 1917 г.). – М. – Л., 1923. – 48 с.
3. Елисеев Е. Записки миссионера Буконского стана Киргизской миссии за 1892–1899 гг. (С портретом и автографом автора и с 13 рисунками из миссионерской жизни.) – СПб.: Тип. СПб. акц. о-ва печ. дела в России Е. Евдокимова, 1900. – 21 с.
4. Ибрагимов И.И. Очерки быта киргизов. Ч. 1. Поминки // Древняя и новая Россия. – СПб., 1876. – Т. 3, № 9. – С. 51–63.
5. Ислам. Религия, общество, государство / Отв. ред. П.А. Грязневич, С.М. Прозоров. – М.: Наука, 1984. – 232 с.
6. Курбанов Х. Коран и «исламский экстремизм» [Электронный ресурс] // Islam Review. – 2015. – 6 апреля. – Режим доступа: http://islamreview.ru/est-mnenie/koran-i-islamskij-ekstremizm (Дата обращения: 18.11.2015.)
7. Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. – Петроград: Тип. Б.Д. Брунера, 1916. – 415 с.
8. Н.А. Муллы в Каркалинском уезде // Особое прибавление к «Акмолинским Областным Ведомостям». – 1898. – № 19. – С. 10–13.
9. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: В 2 т. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб., 1905. – Т. 2. – 417 с.
10. Остроумов Н. Народное образование. Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // Журнал Министерства Народного Просвещения. – СПб.: Сенатская типография, 1906. – Новая серия. Ч. I. – Февраль. – С. 113–166.
11. Путешествие в Бухару А. Борнса: В 3 ч. – М.: Университетская типография, 1849. – Ч. III. – 628 с.
12. Резван Е.А. Коран и его мир / Отв. ред. В.Д. Ушаков. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 601 с.
13. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, А.П. Хорошхина / Сост. П. Маев. – СПб.: Тип. А. Траншеля, 1876. – 533 с.
14. Сведения о Коране, законоположительной книге мохаммеданского вероучения / Сост. Гордий Саблуков. – Казань: Ун. типография, 1884. – 394 с.
15. Солнцев А. Из религиозно-нравственной жизни киргизов Букеевской орды // Астраханские Епархиальные Ведомости. – 1890. – № 8. – С. 85–88.

«Исламоведение», Махачкала, 2016 г., № 2, с. 25–31.

РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2017 – 5 (299)

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим, социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 25/IV-2017 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 8,75 Уч.-изд. л. 8,25
Тираж 250 экз. Заказ № 40

Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9